Министерство высшего образования и науки Республики Казахстан
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

УДК: 323.21(574)+004

На правах рукописи

ФЕДОРОВА АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

Роль информационных технологий в становлении и развитии институтов гражданского общества

«6D050200 – Политология»

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты
Булекбаев С.Б., д.филос.н., профессор,
КазУМОиМЯ имени Абылайхана

Дирк Берг-Шлоссер, д.полит.н., профессор
Филиппс-Университет, г. Марбург, Германия

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ……..4
ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ……..5
ВВЕДЕНИЕ……..8
1 ГЛАВА ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА……24
1.1 Обоснование теоретико-методологического подхода диссертационного исследования……-
1.2 Дефиниции, их интерпретация и операционализация……29
1.2.1 Гражданское общество: сложности формулировки понятия……-
1.2.1.1 История формирования понятия «гражданское общество» - диахронный анализ……-
1.2.1.2 Современные трактовки понятия «гражданское общество»: дискурсивный анализ……..33
1.2.2 Проблематика концептуализации понятия «общественная организация» и классификации её основных типов в институциональном пространстве гражданского общества……39
1.2.3 Операционализация понятий в рамках теоретической модели исследования……..47
1.3 Факторы внутренней среды в формировании институтов гражданского общества……50
1.4 Факторы внешней среды как детерминанты формирования гражданского общества в Казахстане: критический анализ……..55
1.4.1 Исторические факторы……..-
1.4.2 Социально-экономические факторы……...58
1.4.3 Аксиологические факторы……...60
1.4.4 Политические и правовые факторы……63
2 ГЛАВА ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ……..76
2.1 История развития интернета и информационных технологий……...-
2.2 Теоретические направления изучения влияния информационных технологий на гражданское общество: аналитический обзор……80
2.3 Определение понятий «социальная сеть» и «социальные медиа»……..87
2.3.1 Операционализация понятия «социальные медиа»……100
2.4 История развития социальных медиа в мире и Казахстане……....101
3 ГЛАВА ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЁЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАЗАХСТАНА……107
3.1 Количественный анализ влияния социальных медиа на деятельность молодёжных общественных организаций Казахстана……-
3.1.1 Анализ результатов социологического опроса молодёжи Казахстана…….-

3.1.2 Результаты множественного корреляционно-регрессионного анализа, проведённого на основании данных социологического исследования молодёжи Казахстана……130
3.2 Качественный анализ влияния социальных медиа на деятельность молодёжных общественных организаций Казахстана……160
3.2.1 Анализ результатов глубинного интервью казахстанских экспертов на предмет места социальных медиа в развитии молодёжных общественных организаций…….-
3.2.2 Анализ результатов глубинного интервью с представителями молодёжных общественных организаций Казахстана……163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……171
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ……...177
Приложение А
Приложение Б
Приложение В
Приложение Г
Приложение Д
Приложение Е
Приложение Ж

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

При подготовке данного диссертационного исследования использовались следующие документы:

Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) : с изм. и доп. по состоянию на 16 сентября 2022 г. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_

Закон Республики Казахстан «Об общественных объединениях» от 31 мая 1996 года № 3-I (с изм. и доп. по сост. на 02.01.2024)

Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 годы: утв. Указом Президента Республики Казахстан от 25 июля 2006 г. № 154.

Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.11.2025).

Закон Республики Казахстан «О некоммерческих организациях» от 16 января 2001 года № 142-II (с изменениями и дополнениями).

Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V (с изменениями и дополнениями).

Закон Республики Казахстан «О государственной молодежной политике» от 9 февраля 2015 года № 285-V ЗРК (с изменениями и дополнениями).

Закон Республики Казахстан «О доступе к информации» от 16 ноября 2015 года № 401-V ЗРК (с изменениями и дополнениями).

Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.11.2025).

Закон Республики Казахстан «О связи» от 5 июля 2004 года № 567-II (с изменениями и дополнениями).

Государственная программа «Цифровой Казахстан»: утв. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827.

Закон Республики Казахстан «О средствах массовой информации» от 23 июля 1999 года № 451-I (с изменениями и дополнениями).

Закон Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний» от 25 мая 2020 года № 333-VI ЗРК (с изменениями и дополнениями).

Закон Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 7 января 2003 года № 370-II (с изменениями и дополнениями).

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями:

Оригинальное определение гражданского общества, разработанное автором диссертационного исследования: гражданское общество – это такое состояние общественных, экономических, культурных, политических отношений, при котором законодательно оформлены и соблюдаются на практике права человека и гражданина, общественное политическое сознание сформировано под воздействием гражданской культуры и отвечает критериям персональной ответственности, справедливости, готовности к коллективному участию на безвозмездной основе для решения проблем локального характера, включающее в себя различного рода институты, которые являются практической площадкой для реализации интересов участников.

Оригинальное определение общественной организации, разработанное автором диссертационного исследования: общественная организация (ассоциация, объединение) – это формализованное объединение граждан, обладающее внутренней структурой и иерархией управления, основанное на принципах добровольного участия, предполагающих свободу входа и выхода членов. Общественная организация функционирует в различных сферах общественной жизни – как политической, так и неполитической – и направлена на реализацию коллективных интересов своих участников.

Оригинальное определение молодёжных общественных организаций, разработанное автором диссертационного исследования: молодёжные общественные организации – это организации с фиксированной структурой и уставом, имеющие внешних спонсоров как государственного, так и частного характера, включающие неформальные практики взаимодействия и вовлечения участников от 18 до 35 лет с целью гражданской безвозмездной добровольной активности неполитического характера.

Некоммерческая организация (НКО) – это объединения с чёткой формальной структурой, зарегистрированные в органах юстиции, имеющие внешние источники финансирования (но не имеющие внутренних в виде членских сборов) и выступающие в качестве связующего звена между властью и определёнными группами населения по тем или иным вопросам.

Неправительственная организация (НПО) – это объединение единомышленников частного добровольного характера, которое осуществляет свою деятельность в общественных интересах и не преследует своей целью извлечение коммерческой прибыли.

Government-organized non-governmental organization (GONGO) – это организация, формально относящаяся к категории неправительственных объединений, но фактически созданная, финансируемая и контролируемая государственными структурами с целью реализации государственных или политических задач. Такие организации сохраняют видимость независимости и участия гражданского общества, однако их деятельность определяется интересами государства, а не инициативой участников.

Добровольные общественные ассоциации или местные инициативные группы (grassroots associations) – это инициативные объединения граждан, создаваемые «снизу», на местном уровне, с целью решения актуальных социальных, культурных или экологических проблем, основанные на добровольном участии членов и минимальной институциональной иерархии. Они характеризуются автономностью от государственных структур, непосредственным вовлечением участников в принятие решений и ориентацией на удовлетворение локальных потребностей сообщества.

Социальные движения – это совокупность неформальных сетей, включающих в себя индивидов, группы и организации, вовлечённых в политическое или культурное противостояние, разделяющих общую идентичность.

Социальные предприятия (social enterprises) – это форма отношений между гражданским обществом, государством и бизнесом, предусматривающая реализацию общественно-значимых проектов с привлечением государства и бизнеса, проводимых общественными организациями.

Глобальное гражданское общество – это механизм развития общественных контактов и взаимодействий на наднациональном уровне по поводу общечеловеческих проблем и приоритетов.

Идентичность – это процесс, при котором индивид, взаимодействуя с другими, осознаёт и определяет собственные цели и задачи в рамках общественной организации, результаты своей деятельности, цели и задачи общественной организации как коллективного актора, а также систему общественно-политических отношений, в рамках которых функционируют эти организации.

Гражданская культура (civicness) – это стойкие намерения, имеющиеся у индивидов, активно участвовать в преобразовании социальной и политической системы.

Гражданское поведение (civility) – это цивилизованные контакты лицом к лицу с представителями общественных организаций и государственных институтов, имеющих отношение к проблеме и способных её решить.

Коммуникационные медиа – это различные технологические инструменты, которые облегчают коммуникацию, то есть находятся посередине, между отправителем сообщения и его получателем.

Масс медиа – это медиа, имеющие относительно большую аудиторию обычно анонимных пользователей.

Социальная сеть – это социальная офлайн структура, включающая в себя людей, организации, группы, которые связаны между собой общими интересами и виртуальными взаимоотношениями.

Социальные медиа – это группа интернет-платформ, которые основаны на идеологии и технологии Web 2.0 и позволяют создавать и обмениваться контентом, сгенерированным пользователями.

Молодёжь – это социальная группа, включающая индивидов от 18 до 35 лет.

Казнет – интернет, использующий казахстанский домен .kz

Кликтивизм – тип гражданского вовлечения, при котором онлайн активность граждан высока, однако офлайн вовлечение низко.

В настоящей диссертации применяют следующие сокращения:

БНС АСПиР РК – Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

ВУЗ – высшее учебное заведение

ЗОЖ – здоровый образ жизни

ИИ – искусственный интеллект

ИПН – индивидуальный подоходный налог

КБТУ – Казахстанско-Британский Технический Университет

КазНУ имени Аль-Фараби – Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби

КИСИ при Президенте РК – Казахстанский Институт Стратегических Исследований при Президенте Республики Казахстан

КПСС – Коммунистическая Партия Советского Союза

МОК – Международная образовательная корпорация

НКО – некоммерческие организации

НПО – неправительственные организации

ООН – Организация Объединённых Наций

ПК – персональный компьютер

РК – Республика Казахстан

СМИ – средства массовой информации

СНГ – Содружество Независимых Государств

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединённые Штаты Америки

УМБ имени Кенжегали Сагадиева– Университет Международного Бизнеса имени Кенжегали Сагадиева

ЦПГИ – Центр поддержки гражданских инициатив

GONGO – Government-organized non-governmental organization

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы.

Диссертационное исследование посвящено изучению влияния информационных технологий, в частности, социальных медиа на развитие институтов гражданского общества в Казахстане на примере молодёжных общественных организаций страны. В работе проводится политологический анализ теоретико-методологических аспектов развития гражданского общества; анализируются различные его дефиниции в научном дискурсе зарубежной, посткоммунистической и отечественной научной литературы; формулируется авторское оригинальное определение молодёжных общественных организаций Казахстана. Под посткоммунистической научной литературой понимается массив источников государств Восточной Европы и СНГ. Детально исследуются факторы как внешней, так и внутренней среды, оказывающие воздействие на развитие и спецификацию институтов гражданского общества в Казахстане. Предметно анализируется роль социальных медиа в развитии институтов гражданского общества в Казахстане.

В диссертационном исследовании приводятся данные эмпирических исследований, такие как результаты оригинального социологического исследования молодёжи Казахстана, проведённого в 2019, 2023 и 2025 годах, результаты глубинного интервью представителей наиболее известных среди молодёжи общественных организаций, результаты полуструктурированных интервью казахстанских учёных, а также результаты множественного корреляционно-регрессионного анализа, проведённого автором исследования на основании данных оригинального социологического исследования молодёжи Республики Казахстан.

Актуальность исследования. Проблематика исследования развития гражданского общества весьма актуальна для авторитарных государств, к которым относится и Казахстан. После распада СССР они провозгласили себя демократическими государствами. Гражданское общество является неотъемлемым элементом любого демократического государства, поскольку при помощи него осуществляется социальный контроль и делегирование власти государства на низовой уровень отношений. Происходит перераспределение власти между гражданским обществом и государством, что снижает давление государства на граждан и упрощает взаимоотношения между гражданским обществом и государством. Кроме того, граждане способны реализовывать свои права на практике, де юре зафиксированные в основном законе. Гражданское общество даёт возможность облегчить процесс управления, так как многие локальные проблемы можно разрешить с помощью его институтов. Действенное гражданское общество создаёт прочную платформу для воспитания гражданской политической культуры в обществе. Следовательно, работоспособное и эффективное гражданское общество стимулирует развитие демократического государства эволюционным способом.

Гражданское общество в постсоветском Казахстане находится в начальном периоде своего развития. Оно сталкивается с такими проблемами,

как низкая эффективность, фрагментация, атомизация, одностороннее вмешательство государства в деятельность гражданского общества, несущественный вклад гражданского общества в формирование гражданской культуры политического участия, формализм и бюрократизированный процесс реализации инициатив, исходящих «снизу». Казахстан имеет свою специфику исторического, политического, культурного и экономического развития. В частности, Казахстан относится к государствам с достаточно непродолжительным историческим опытом функционирования институтов гражданского общества и гражданского участия. Граждане республики получили возможность образовывать общественные объединения на добровольной основе и принципах общего интереса лишь после обретения независимости, в то время, как гражданское общество в Европе и США эволюционировало в течение более, чем 300 лет. За прошедшее время не удалось создать эффективные институты гражданского общества в Казахстане, как представляется, по причинам как общественно-политического, так и научно-политологического характера. К первым можно отнести серьёзные экономические и социальные проблемы 1990х годов, развитие в обществе Казахстана культуры потребления в 2000х годах, противостоящей культуре самовыражения в терминах Inglehart-Welzel, которая исключала добровольную, безвозмездную активность в рамках институтов гражданского общества, усиление авторитарных тенденций в политической сфере в конце 2010х годов. Отечественных теоретических и практических научных политологических разработок в области гражданского общества в Казахстане, характеризующих локальную специфику и чётко формулирующих общественно-политические условия, в которых развивается гражданское общество страны, пока весьма немного. В подавляющем большинстве научных работ исследовательский фокус распылён между правовой основой функционирования гражданского общества в Казахстане, эволюцией институциональных изменений гражданского общества в стране и контролем государства деятельности институтов гражданского общества. Работы практической плоскости преимущественно посвящены анализу эмпирических данных о морально-ценностных установках граждан и проблематике доверия к общественно-политическим структурам, в том числе институтам гражданского общества. Научный дискурс, исследующий влияние цифровых факторов, таких как информационные технологии и социальные медиа, на данный момент в Казахстане не сформирован. В связи с чем, назрела насущная теоретическая и прикладная необходимость в систематизации, классификации и глубинном политологическом анализе накопленной научно-практической информации о гражданском обществе в Казахстане и его эмпирическом изучении, что было осуществлено в рамках данного диссертационного исследования.

Изучение молодёжи и её цифровой активности в казахстанской политологической литературе основано, прежде всего, на аксиологических факторах развития молодого поколения, морально-нравственных аспектах его жизни, а также проблемах молодёжи, связанных с распространением

деструктивных идеологий религиозного толка посредством социальных медиа, вредными привычками и асоциальным поведением. Молодёжь в общественно-политической жизни Казахстана рассматривается с позиций общественных объединений зачастую в качестве объекта, но не субъекта политики. Один из основных фокусов массива теоретической научной литературы заключается в описании аморфности, атомизации и отсутствии мотивации молодёжи, чтобы выступать в качестве актора гражданского общества и цифрового актора общественно-политической сферы, но не сферы развлечений или досуга. Следовательно, на сегодняшний день казахстанская политическая наука остро нуждается в отечественных междисциплинарных политологических и социологических исследованиях гражданского общества, его институтов, места молодёжи в деятельности общественных ассоциаций, роли информационных технологий и социальных медиа в развитии гражданского общества в посткоммунистическом Казахстане, что приведёт к накоплению научной литературы данного профиля как теоретического, так и эмпирического характера.

Информационные технологии, в частности, социальные медиа способны стимулировать развитие и укреплять институты гражданского общества наряду с другими факторами. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» [1], озвученное 8 сентября 2025 года, прямо указывает на насущную необходимость активного внедрения и использования разнообразных информационных технологий в различных сферах жизнедеятельности страны, что подчёркивает актуальность выбранной темы исследования.

В современном глобализированном мире социальные медиа играют весьма значительную роль, особенно в жизни молодёжи, которая является их активным пользователем. Социальные медиа являются каналом распространения информации, обладающим рядом таких характеристик как оперативность, возможность обратной связи, реализуемой посредством комментариев, интерактивность, даже возможность эмоционального самовыражения пользователей. В социальных медиа иерархия пользователей практически не выражена, так как местоположение, пол, возраст, образование, место работы, этническая принадлежность не играют значимой роли при общении. В общественно-политической сфере данные факторы позволяют облегчить процесс взаимодействия между акторами гражданского общества, к которым относятся институты гражданского общества (молодёжные общественные организации) и граждане страны, что влияет на развитие горизонтальных сетевых отношений, являющихся одной из основ действенного гражданского общества. Таким образом, нам представляется, что информационные технологии, а именно социальные медиа способны оказать существенное влияние на становление и развитие гражданского общества в Казахстане.

Согласно данным, полученным в ходе проведённых автором оригинальных эмпирических исследований 2019, 2023 и 2025 года, молодёжь активно представлена в крупнейших социальных медиа. Отмечается высокая заинтересованность молодых людей в их использовании. Тем не менее, интерактивные возможности цифровых платформ недостаточно задействованы в общественно-политической жизни страны. По результатам проведённого нами социологического опроса молодёжи Казахстана и глубинного интервью представителей молодёжных общественных организаций республики, молодёжные общественные объединения не в полной мере используют имеющийся интерактивный потенциал социальных медиа и мессенджеров для распространения информации о своей деятельности, рекрутирования новых членов и укрепления своих позиций в общественно-политической жизни страны.

Исследование гражданского общества и цифровых технологий в его развитии весьма востребовано не только в отечественной теоретической политологии, но и в практической политике. Оно может быть использовано государством для корректировки внутриполитической повестки дня в отношении институтов гражданского общества, использования имеющихся у них цифровых возможностей для запуска новых каналов политической коммуникации, формирования у граждан культуры гражданского участия в общественно-политических делах локального уровня. Важность данного направления подтверждается тем, что 2 октября 2023 года Президентом Республики Казахстан (РК) Касым-Жомартом Токаевым был подписан Закон «Об общественном контроле», предусматривающий осуществление гражданами и общественными объединениями контроля за деятельностью государственных учреждений, чьё функционирование напрямую затрагивает интересы граждан [2]. Необходимо также отметить, что глобальная кризисная ситуация, связанная с пандемией COVID-19 и с объявлением чрезвычайного положения и карантина в регионах Казахстана в 2020 году, отчётливо продемонстрировала значимость социальных медиа в общественно-политической жизни, поскольку из-за самоизоляции и обсервации информационные средства остаются едва ли не единственным каналом взаимодействия с внешним миром. Кроме того, данный кризис наглядно показал, что гражданское сознание и ответственность являются ключевыми характеристиками граждан страны, способными снизить нагрузку на государство и систему здравоохранения. Это подводит нас к выводу о том, что в Казахстане давно назрела необходимость воспитания у граждан политической и социальной культуры гражданского типа посредством институтов гражданского общества, развития самих институтов, особенно их онлайн площадок как основных агентов реализации интересов граждан в кризисный период. Все эти вопросы имеют особое значение в условиях меняющейся внутриполитической обстановки в Казахстане, а также в связи с растущими внешними угрозами, связанными с глобализацией медиа, пост-правдой и деструктивными идеологиями.

Степень научной разработанности темы. Диссертационное исследование строится на нескольких компонентах массива научной литературы, существующей в рамках изучения гражданского общества.

1) В качестве базовой парадигмы изучаются труды учёных классического политического либерализма, поскольку именно эта мейнстримная теория заложила основу фундаментального изучения и понимания феномена гражданского общества. Рассматриваются классические труды Аристотеля, J. Locke, J.-J. Rousseau, Ch. L. de Montesquieu, A. Ferguson, A. de Tocqueville, A. Smith, G. Hegel. Поскольку гражданское общество является динамичным явлением, необходимо было изучить массив современной литературы, посвящённой обновлённым трактовкам гражданского общества, а именно работы M. Edwards, Ю. Резника, R. Putnam, J. Habermas, Д. Волкова, S. Pierobon, M. Laruelle, C. Knox, D. Sharipova, К. Токтомушева, P. Chaney, I. Daminov, K. Rollan, M. Somerton, B. Kurmanov, U. Selteyev, A. Almaganbetov, S. Nanovsky, Sh. Yessimova и многих других.

2) Современная политическая наука сталкивается с такой существенной методологической проблемой как сложности при определении терминов «институт», «организация», «социальная сеть», «социальные медиа». С целью формулировки приемлемой дефиниции для данного исследования, мы обращались к работам таких учёных, как О. Попова, D. North, J. G. March, J. P. Olsen, D. Della Porta, M. Diani, Ю. Булуктаев, D. Croteau, Чэнь Ди, J. van Dijck, M. Castells, А. Подберёзкин, C. Shirky.

3) В рамках исторического институционализма, как ответвления неоинституционализма, изучаются факторы внешней среды, оказывающие существенное влияние на формирование и эволюцию гражданского общества. С целью их исследования в диссертации используются труды M. Howard, Ю. Булуктаева, А. Леденёвой, H. Kriesi, J. Cohen, A. Arato, К. Габдуллиной, J. S. Dryzek, S. Tarrow. Сетевой институционализм, как направление неоинституционализма, рассматривает факторы внутренней среды, воздействующие на функционирование институтов гражданского общества. Для анализа данного типа факторов мы исследуем работы A. Melucci, P. L. Berger, T. Luckmann, C. Bolzendahl, B. Klandermans, G. Brennan, N.L. Rosenblum, Д. Шариповой, А. Бурханова.

4) Наряду с гражданским обществом, его институтами, факторами внешней и внутренней среды, влияющими на их развитие и деятельность, данное диссертационное исследование сосредоточено на изучении социальных медиа и их влияния на институты гражданского общества. Для раскрытия их воздействия проанализированы научные работы таких авторов, как D. Croteau, Чэнь Ди, J. van Dijck, Д. Шигаева, L. A. Lievrouw, S. Livingstone, C. Shirky, G. Coleman, M. Warschauer, L. Winner, J. Harkin, И. Сайрамбай, А. Нурмаков, Д. Кудайбергенова, M. McPherson, H. Rheingold, D. Lewis, К. Токтомушев, A. Frigerio, B. Kurmanov, D. Kuznetsova, C. Tolbert, D. Gritsenko, A. Trochev, K. Vehkalahti.

5) Отдельно необходимо остановиться на современном отечественном дискурсе, посвящённом гражданскому обществу, роли социальных медиа и молодёжи как одного из акторов гражданского общества. Весьма важными для данного исследования являются работы Ю. Булуктаева, З. Шаукеновой, А. Бижанова, Д. Сатпаева, А. Амребаева, Л. Зайниевой, Г. Насимовой, Е. Алиярова, Ж. Симтикова, Ж. Жабиной, М. Абишевой, А. Морозова, С. Барлыбаевой, А. Малик, Д. Косназарова, Н. Есхуатовой, Е. Токтарова, B. Kurmanov, U. Selteyev, A. Almaganbetov, A. Kussainova, С. Жандосовой.

Целью данного исследования является политологический анализ влияния информационных технологий (социальных медиа) на деятельность институтов гражданского общества (молодёжных общественных организаций) в Казахстане.

Для реализации цели исследования в работе поставлены следующие **задачи**:

1) изучить теоретическую базу гражданского общества в мировой и отечественной литературе. Поскольку специфика посткоммунистических и авторитарных государств слабо освещается в литературе, созданной в рамках классического политического либерализма, необходимо дополнить и расширить анализ научных источников ведущими разработками отечественных специалистов и учёных посткоммунистических государств. Это позволяет глубже и фундаментальнее охарактеризовать сложность и многоаспектность явления гражданского общества, а также обосновать отсутствие зонтичного определения гражданского общества в современной политической науке.

2) рассмотреть развитие социальных медиа и мессенджеров в постсоветском Казахстане. Социальные медиа весьма существенно дополняют и влияют на гражданское общество в Казахстане. Их влияние достаточно разнонаправленно: от базового распространения информации до интерактивных возможностей рекрутирования членов в молодёжные общественные организации. Вместе с тем, они не способны привести к значимым изменениям в структуре институтов гражданского общества РК, увеличению вовлечения молодёжи Казахстана в молодёжные общественные организации и улучшению функционирования молодёжных общественных организаций как институтов гражданского общества.

3) провести оригинальное социологическое исследование молодёжи Казахстана на предмет активности в социальных медиа и в деятельности общественных объединений. Данная задача поставлена в связи с необходимостью продемонстрировать эмпирический разрыв между цифровым вовлечением молодёжи Казахстана и её офлайн гражданским участием. Опросы проводились в 2019, 2023 и 2025 годах среди молодёжи Казахстана в возрасте от 18 до 25 лет. Общий размер выборки составил 600 респондентов.

4) провести множественный корреляционно-регрессионный анализ, основанный на данных оригинального социологического исследования молодёжи Казахстана 2019, 2023 и 2025 годов. Метод корреляционно-регрессионного анализа позволил выявить зависимость и причинно-

следственную связь между переменными. В качестве независимой переменной использовалось офлайн гражданское участие молодёжи Казахстана в возрасте от 18 до 25 лет посредством её вовлечения в деятельность молодёжных общественных объединений. Зависимыми переменными выступили факторы как цифрового, так и недиджитального характера.

5) провести глубинные интервью с представителями наиболее известных молодёжи общественных объединений Казахстана. Применение mixed method позволяет оценить гражданское вовлечение молодёжи с позиции представителей молодёжных общественных организаций, наиболее востребованных в молодёжной среде, выявленных на основании оригинального социологического опроса. Интервью полуструктурированного вида позволяет выявить глубинные причины невысокого гражданского офлайн вовлечения молодёжи Казахстана, а также проанализировать масштаб и характер использования социальных медиа молодёжными общественными объединениями.

6) провести глубинные интервью с казахстанскими представителями экспертного сообщества в области гражданских институтов и практик. Эта задача поставлена с целью получения актуальных экспертных оценок состояния гражданского общества в РК, степени участия молодёжи в его деятельности, уровня её вовлечённости в социальные медиа и выявление перспектив влияния социальных медиа на институты гражданского общества и молодёжное гражданское вовлечение в Казахстане.

7) представить анализ эффективности социальных медиа как инструмента стимулирования развития молодёжных общественных организаций и разработать рекомендации для молодёжных общественных объединений, профильных министерств и комитетов, направленные на улучшение ситуации.

Объектом настоящего исследования являются институты гражданского общества (молодёжные общественные организации) современного Казахстана.

Предметом данного исследования является изучение влияния социальных медиа на деятельность молодёжных общественных объединений постсоветского Казахстана.

В основе данного диссертационного исследования лежат следующие **гипотезы**:

1) предполагается, что уровень вовлечения молодёжи современного Казахстана в социальные медиа сохраняет стабильно высокий показатель вне зависимости от внешних факторов (пандемия, январские события 2022 года). Востребованность российских онлайн-платформ снизилась после российско-украинского конфликта 2022 года.

2) предполагается, что уровень офлайн гражданского участия молодёжи в деятельности молодёжных общественных объединений повысился после 2019 года (пандемия COVID-19) и 2022 года (после январских событий в Казахстане, войны России и Украины).

3) предполагается, что молодёжные общественные объединения интенсивно применяют социальные медиа для вовлечения молодёжи в офлайн гражданскую активность.

4) предполагается, что онлайн гражданское участие молодёжи Казахстана успешно трансформируется в офлайн гражданское вовлечение в рамках молодёжных общественных ассоциаций.

Научная новизна работы. На уровне первичного анализа сфера гражданского общества достаточно изучена в мировой научной политической литературе. Однако данная позиция не обладает достаточной методологической обоснованностью применительно к анализу авторитарных государств. В политических контекстах такого рода существуют иные процессы как объективно-исторического, так и субъективно-ценностного характера, способные значительно сместить исследовательский и понятийный фокус с классического объяснения феномена гражданского общества на нетрадиционное.

Принципиальная научная новизна данного исследования заключается в следующем:

1) проведён всеобъемлющий теоретико-методологический анализ массива западной, посткоммунистической и отечественной научной литературы на предмет определения гражданского общества и его основных компонентов с акцентом на специфику авторитарного политического контекста. Выявлено отсутствие зонтичного определения понятия «гражданское общество», являющегося универсальным для демократических и авторитарных политических систем. В результате чего автором исследования представлено собственное определение гражданского общества, агрегирующее дефиниции, выработанные в рамках как классического политического либерализма, так и разработок посткоммунистических и отечественных учёных;

2) разработано авторское определение термина «молодёжная общественная организация» как института гражданского общества, под которой понимаются организации с фиксированной структурой и уставом, имеющие внешних спонсоров как государственного, так и частного характера, включающие неформальные практики взаимодействия и вовлечения участников от 18 до 35 лет с целью гражданской безвозмездной добровольной активности неполитического характера. Используемый подход неоинституционализма позволил установить, что понятийный аппарат сферы институтов достаточно несфокусирован и требует детального анализа. Предложена операционализация данного понятия через применение его в процессе сбора и обработки эмпирических данных;

3) введены в практику политической науки путём опубликования в журнале Central Asian Survey результаты эмпирических исследований, основанных на смешанной методике (*mixed method*) качественных и количественных данных. Выявлены основные мотивы онлайн и офлайн гражданского участия молодёжи, а также ингибирующие факторы, оказывающие негативное влияние на увеличение гражданского вовлечения

молодых людей в деятельность институтов гражданского общества посредством оригинального социологического исследования молодёжи Казахстана, проведённого в 2019, 2023 и 2025 годах;

4) осуществлена валидация данных оригинального социологического опроса молодёжи РК в возрасте от 18 до 25 лет и выявлены причинно-следственные связи на основе проведённого множественного корреляционно-регрессионного анализа его данных. Установлены тенденции офлайн и онлайн гражданского вовлечения молодых людей и влияния на них различных факторов.

5) доказана обоснованность применения инструментов *mixed method* посредством использования качественного анализа (оригинальные глубинные интервью с лидерами молодёжных общественных ассоциаций). Соотнесены данные авторского опроса и результаты множественного корреляционно-регрессионного анализа, выявлены общие и специфические компоненты офлайн гражданского участия молодёжи. Зафиксировано место социальных медиа в рекрутировании и деятельности молодёжных общественных организаций, а также роль недиджитальных факторов в активизации реального гражданского вовлечения молодёжи в деятельность институтов гражданского общества.

6) определён научный вклад проведённого полуструктурированного интервью среди казахстанских экспертов в области гражданского общества в количестве 10 респондентов. Данное количество рекомендуется С. Квале, как наиболее эффективное в исследованиях подобного рода [3, с. 13]. Осуществлён компаративистский анализ полученных данных в сопоставлении с результатами оригинального социологического исследования, а также с данными глубинных интервью с представителями молодёжных общественных объединений Казахстана.

В ходе проведения комплексного политологического анализа и эмпирического исследования использован метод триангуляции данных, а также принципы причинности и целостности. Автор занимает позицию осмысленного и обоснованного анализа, опирается на принципы объективности и достоверности.

Теоретико-методологическая основа исследования заключается в формировании структурной рамки исследования, которая включает четыре уровня анализа. *Во-первых*, парадигмальный уровень содержит ретроспективный анализ основных положений классического политического либерализма, поскольку именно эта гранд-теория заложила основы понимания явления гражданского общества, сформулировала понятийный аппарат и обосновала компоненты гражданского общества, отграничивающие его от массового общества и государства. Анализ классических работ по гражданскому обществу необходим для исследования, так как это формирует генезис понятия. Поскольку политология как самостоятельная наука начинает оформляться в конце XIX – начале XX века, более ранние работы по гражданскому обществу относятся к философской науке. Однако, это не

умаляет их научной и методологической значимости для данного исследования, так как они позволяют показать понятийную неоднородность и противоречивость феномена гражданского общества. Это позволило автору прийти к необходимости разработки авторского определения термина «гражданское общество».

Во-вторых, теоретическая рамка, позволяющая предметно изучить институты гражданского общества (молодёжные общественные организации) и социальные медиа (информационные технологии). В качестве основного подхода использован неоинституционализм, раскрывающий многоаспектную природу институтов гражданского общества. Данный подход позволяет выявить факторы внешней и внутренней среды и показать их роль и место в формировании молодёжных общественных организаций. Он методологически напрямую связан с традицией классического политического либерализма, так как раскрывает, каким образом гражданское общество может быть превращено из нормативно-декларативного состояния в институционализированно-актуализированное.

В-третьих, диссертационное исследование обращается к теориям технологического детерминизма и социальных сил с целью концептуализации терминов «социальная сеть» и «социальные медиа», а также выявления места диджитальных (цифровых) и недиджитальных (нецифровых) факторов в изменении состояния и функционирования институтов гражданского общества. Использование данных теоретических подходов позволило найти различающиеся аспекты в определении термина «социальная сеть» и «социальные медиа». Первый может относиться к неформальным связям горизонтального характера как между участниками института гражданского общества (молодёжными общественными ассоциациями) в офлайн взаимодействии, так и в онлайн среде. Понятие «социальные медиа» конкретизирует природу явления, указывая на её онлайн и цифровую специфику, и невозможность её экстраполяции на офлайн взаимодействие. Именно по этой причине данное исследование именует цифровые платформы типа Facebook, Instagram, YouTube, What’s App, Tiktok как «социальные медиа».

Помимо этого, подходы технологического детерминизма и теории социальных сил можно рассматривать как экстремумы в трактовке аспектов, воздействующих на гражданское общество. Технологический детерминизм указывает на определяющую роль информационных технологий (социальные медиа) в прогрессивном развитии институтов гражданского общества (молодёжных общественных объединений), утверждая, что недиджитальные факторы не оказывают на них существенного воздействия. Теория социальных сил представляет собой противоположность, которая акцентирует внимание на роли нецифровых факторов, таких как ценности, общественно-политическая структура, политическая культура в развитии институтов гражданского общества (молодёжных общественных организаций). Цифровые факторы,

безусловно, важны в современном диджитализированном мире, однако, их влияние вторично.

В-четвёртых, значимым компонентом исследования является эмпирико-прикладная рамка, сочетающая в себе различные методы и методики сбора и обработки первичных данных. К ним относятся метод социологического опроса, проведённого путём полустандартизированных разветвлённых анкет, содержащих открытые и закрытые вопросы; метод множественного корреляционно-регрессионного анализа данных оригинального социологического опроса 2019, 2023 и 2025 годов, включающий построение шести различных регрессионных моделей, содержащих различающееся количество предикторов; метод глубинного интервью, использованный для качественного компонента диссертационного исследования посредством устных бесед с представителями институтов гражданского общества (молодёжных общественных ассоциаций) и казахстанскими экспертами в области гражданского общества; компаративный анализ различных теоретических и прикладных аспектов.

Эмпирическая и источниковая база. Эмпирическая база исследования состоит из четырёх основных этапов:

1) На первом этапе проводилось оригинальное социологическое исследование молодёжи РК в возрасте 18-25 лет методом письменного опроса (анкетирование) в 2019 и 2023 годах, для чего был разработан специальный гайд. На основании его данных проведён множественный корреляционно-регрессионный анализ, построено 6 моделей с различными предикторами, подтверждающими и опровергающими положения теорий технологического детерминизма и социальных сил в казахстанских общественно-политических реалиях (Приложение Б и В). Выбор указанных периодов обусловлен исследовательской задачей выявления динамики цифрового вовлечения молодёжи в условиях сменяющихся макросоциальных контекстов. Первый промежуточный этап (2019 г.) отражает особенности цифровых практик и офлайн гражданского вовлечения молодёжи в докризисный период, характеризующийся относительной социальной и политической стабильностью. Второй промежуточный этап (2023 г.) позволяет зафиксировать трансформации, вызванные пандемией COVID-19 как фактором резкого усиления цифровизации и изменения повседневных коммуникационных практик, а также внешнеполитическими и внутриполитическими факторами (январскими событиями в РК и войной России и Украины).

2) На втором этапе проводилось интервьюирование представителей молодёжных общественных организаций (институтов гражданского общества) РК методом глубинного интервью, а также казахстанских специалистов в сфере гражданского общества (Приложения Г, Д, Е, Ж).

3) Заключительный этап представляет собой оригинальный социологический опрос молодёжи РК в возрасте от 18 до 25 лет в 2025 году и проведение множественного корреляционно-регрессионного анализа его результатов. Данный этап (2025 г.) репрезентирует посткризисное состояние,

сформировавшееся после январских событий в Казахстане, а также после проводимых государством реформ в области гражданского вовлечения и участия.

Источниковую базу исследования составляют следующие документы:

1) Конституция РК (1995 год с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2022). Данная информация применялась при анализе политико-правовых факторов внешней среды, воздействующих на развитие гражданского общества.

2) Закон РК об общественных объединениях от 1996 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2024). Этот документ мы использовали при изучении правовых условий для функционирования и развития общественных объединений Казахстана.

3) Концепция развития гражданского общества в РК на 2006-2011 годы, которая позволила автору рассмотреть направления развития гражданского общества, задаваемые государством.

4) Закон РК об информатизации от 2015 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.11.2025). Данный документ был проанализирован с целью изучения существующей ситуации в сфере информационных технологий, а также направлений их возможного развития.

5) Электронный ресурс Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (БНС АСПиР РК) (https://stat.gov.kz/ru/) (до октября 2020 года – Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан), использованный автором в качестве основного источника официальной статистики по социальным показателям, необходимым при анализе социокультурных факторов внешней среды и их влияния на институты гражданского общества Казахстана. Кроме того, при анализе факторов внешней среды использованы материалы республиканских и международных конференций и форумов, а также отчёты международных организаций, таких как Transparency International и Организация Объединённых Наций (ООН).

Основные положения, выносимые на защиту.

1) В силу отсутствия зонтичного определения гражданского общества, диссертационное исследование предлагает следующую дефиницию: гражданское общество – это состояние общественных, экономических, культурных, политических отношений, при котором законодательно оформлены и соблюдаются на практике права человека и гражданина, общественное политическое сознание сформировано под воздействием гражданской культуры и отвечает критериям персональной ответственности, справедливости, готовности к коллективному участию на безвозмездной основе для решения проблем локального характера, включающее в себя различного рода общественные объединения, которые являются практической площадкой для реализации интересов участников. По причине проблематичности определения понятия «молодёжные общественные ассоциации» в казахстанском политическом контексте, автор данного исследования

разработала оригинальное определение молодёжных общественных организаций: молодёжные общественные организации – это организации с фиксированной структурой и уставом, имеющие внешних спонсоров как государственного, так и частного характера, включающие неформальные практики взаимодействия и вовлечения участников от 18 до 35 лет в попытки выстраивания горизонтальных связей, наряду с иерархизированными.

2) В ходе исследования выявлено, что в условиях постсоветского Казахстана весьма важна логика «Path Dependence», оказывающая существенное влияние на эволюцию институтов гражданского общества. Это значит, что авторитарная политическая система, отсутствие опыта гражданского участия у населения, распылённость и неструктурированность институтов гражданского общества, проблемы с формированием гражданской политической культуры населения, высокий уровень вовлечения государства в деятельность гражданского общества способны служить сдерживающими факторами для развития институтов гражданского общества Казахстана. Помимо этого, доминирование сильных горизонтальных связей над слабыми также является ингибитором для гражданского участия, в том числе молодёжи РК.

3) Результаты оригинальных социологических опросов 2019, 2023 и 2025 годов выявили следующие тенденции: во-первых, вовлечение молодёжи в социальные медиа стабильно высокое (близко к 100%). При этом развлечение сохраняет позиции ключевого мотива при использовании социальных медиа, получение информации о социально-политической жизни РК стабильно остаётся на третьем месте. Во-вторых, предметная популярность платформ социальных медиа претерпела изменения – в 2019 и 2023 годах самыми популярными были Facebook, Instagram и VKontakte, в 2025 году ими стали Instagram, Tiktok и What’s App. Наконец, относительно гражданского вовлечения молодёжи, осведомлённость молодёжи об институтах гражданского общества (молодёжных общественных организациях) существенно не возросла, несмотря на пандемию или январские события 2022 года. Предметная осведомлённость о конкретных молодёжных общественных объединениях весьма распылена и несфокусирована. Единственным исключением является «Лига Волонтёров», однако и её востребованность в 2025 году резко снизилась.

4) Множественный корреляционно-регрессионный анализ данных оригинальных социологических опросов 2019, 2023 и 2025 годов показал, что институционально оформленное цифровое взаимодействие (подписка молодёжи на аккаунты институтов гражданского общества) является наиболее статистически значимым предиктором офлайн гражданского участия. Простое наличие аккаунта в социальных медиа (неинституционализированное цифровое вовлечение), напротив, утрачивает статистическую значимость. Осведомлённость молодёжи об институтах гражданского общества является недиджитальным и контекстно зависимым предиктором: при исключении из анализа цифровых компонентов, его роль резко возрастает. Однако, в присутствии цифрового институционализированного вовлечения молодёжи,

данный фактор теряет свою значимость. Это говорит о том, что положения теории технологического детерминизма и теории социальных сил не находят отражения в казахстанских политических реалиях. Соответственно, требуется разработка уникальной теоретико-прикладной гибридной модели, позволяющей корректно анализировать роль информационных технологий в развитии институтов гражданского общества в РК.

5) Результаты глубинных интервью с лидерами молодёжных общественных ассоциаций говорят о том, что социальные медиа как канал коммуникации важны, но не уникальны. Зачастую важнее оказывается личный опыт участия, либо мнение вовлекающихся знакомых, друзей, родных (сильные горизонтальные связи). Проблемы существуют как в доминировании материалистических ценностей у молодёжи над постматериалистическими (в терминологии Inglehart-Welzel), так и недостаточной работе молодёжных общественных объединений по рекрутированию и формированию гражданской политической культуры у молодых людей.

6) Отечественное научное политологическое сообщество разделяет мнение о том, что социальные медиа не способны существенно повлиять на гражданское общество. Мобилизационный потенциал социальных медиа может быть достаточно высоким лишь в случае резонансных событий или мероприятий, однако, при необходимости упрочить систематическое вовлечение молодёжи, их эффект невысок. Наряду с избеганием вовлечения в политическую сферу молодёжными общественными организациями, существует проблема отсутствия у них стратегического системного подхода по мобилизации участников и промоутингу своей деятельности как онлайн, так и офлайн. Также весьма значимой является проблема фрагментированности молодёжных общественных объединений, их разобщённости и нежелания формировать сетевой характер работы.

7) Проведённое исследование показало, что социальные медиа являются достаточно эффективным инструментом для развития институтов гражданского общества при отсутствии иных факторов. Они способны формировать информированность молодёжи об институтах гражданского общества, однако, офлайн взаимодействие превалирует в условиях «цифровой усталости» молодёжи, а также недоверия к цифровым каналам, вызванным ростом различных мошеннических проявлений после 2022 года. Следовательно, рекомендации включают в себя как таргетированное внимание государства и институтов гражданского общества к онлайн продвижению ценностей гражданского участия у молодёжи, так и активизацию офлайн взаимодействий через организацию мероприятий и ивентов как развлекательного, так и политического характера.

Хронологические рамки данной работы охватывают период с 1991 года по 2025 год.

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что его результаты, основанные на теоретическом и эмпирическом изучении проблемы, характеризуют современное состояние

гражданского общества Казахстана, раскрывают имеющиеся сложности в формировании действенных институтов гражданского общества, позволяют определить существующие в республике перспективы его развития. Проведённые эмпирические исследования показывают роль социальных медиа в становлении и развитии институтов гражданского общества на примере молодёжных общественных организаций. Полученные результаты и разработанные рекомендации могут быть использованы на государственном уровне, общественными объединениями, высшими учебными заведениями (ВУЗами), а также при дальнейших исследованиях данной темы.

Апробация диссертационного исследования. В ходе проведения исследования и подготовки диссертации автором опубликованы следующие статьи в журналах КОКСОН и международном журнале, рецензируемом в базе данных SCOPUS:

1) Федорова, А.Е. Понятие «гражданин» в гражданском обществе // Журнал социогуманитарных исследований Аль-Фараби. – 2018. – № 1 (61). – С. 112–128.

2) Федорова, А.Е. Горизонтальные связи - фундамент гражданского общества: на примере экологических общественных объединений Казахстана // Журнал социогуманитарных исследований Аль-Фараби. – 2018. – № 4 (64). – С. 101-119.

3) Fjodorova, A. Critical analysis of theoretical perspectives on civil society // Журнал социогуманитарных исследований Аль-Фараби. – 2019. – № 3 (67). – С. 106-121.

4) Федорова, А.Е. Дефиниции гражданского общества в посткоммунистических и либерально-демократических государствах – общее и особенное: сравнительный анализ (на примере Казахстана) // Журнал социогуманитарных исследований Аль-Фараби. – 2020. – № 2 (70). – С. 123-133.

5) Anastassiya Fedorova. Social media and spoken language in youth civic engagement in Kazakhstan // Central Asian Survey, DOI: 10.1080/02634937.2025.2560878. – Pp. 1-27.

Выступления на международных конференциях включают в себя публикации в сборниках по итогам конференций:

1) Федорова, А.Е. Проблемные аспекты формирования социального капитала как основы гражданского общества в Казахстане // Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции «Роль науки в развитии социума: теоретические и практические аспекты». – 2018. – 9-10 февраля. – Санкт-Петербург, Россия. – С. 145-147.

2) Федорова, А.Е. Блогосфера Казахстана как инструмент политической коммуникации – проблемы и перспективы // Санкт-Петербургский центр системного анализа. Сборник научных статей по итогам национальной научно-практической конференции «Интегральные и дифференциальные парадигмы развития науки и практики России». – 2018. – 29 – 30 ноября. – Санкт-Петербург, Россия. – С. 118-121.

3) Федорова, А.Е. Проблемы дефиниций – сложности в определении понятия «гражданское общество» // Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции «Актуальные теории, концепции, прикладной характер современных научных исследований». – 2019. – 30-31 мая. – Санкт-Петербург, Россия. – С. 84-87.

4) Федорова, А.Е. Проблематика классификации общественных организаций гражданского общества (на примере Казахстана) // Сборник научных статей по итогам работы Межвузовского научного конгресса Высшая школа: научные исследования. – 2019. – 8 ноября. – Москва, Россия. – С. 115-123.

5) Fedorova Anastassiya. Civic identity as a product of the institutions of civil society – pro et contra (the case of Kazakhstan) // Materials of the International Conference “Process Management & Scientific Developments”. – 2019. – November 14. – Birmingham, the UK. – Pp.102-108.

6) Fedorova, A.E. The COVID-19 pandemic and youth civic engagement in Kazakhstan // Proceedings of the conference «Sagadiyev Readings 2022 – New Economic Policy: Realities and Prospects». – 2022. – 20-22 April. – University of International Business. – Almaty, Kazakhstan. – Pp. 380-392.

Кроме этого, опубликованы результаты эмпирических исследований:

1) Федорова, А.Е. Влияние социальных медиа на деятельность молодёжных общественных организаций Казахстана. Монография. ИФПР КН МОН РК. – Алматы, 2021. – 58 стр.

Структура и объём диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, основной части, включающей в себя 3 главы, содержащие изучение теоретических проблем, связанных со сложностями дефиниций гражданского общества, общественных организаций, этапами развития гражданского общества в мировой политике и постсоветском Казахстане, влиянием факторов внешней среды, как-то: социокультурные, аксиологические, политико-правовые на институты гражданского общества в Казахстане, развитие социальных медиа как средства коммуникации, а, впоследствии, как независимой переменной, способной воздействовать на гражданское общество, анализ эмпирических данных посредством оригинального социологического опроса, глубинного интервью представителей молодёжных общественных ассоциаций Казахстана с целью наглядной демонстрации обозначенных теорией проблем, результата множественного корреляционно-регрессионного анализа, а также рекомендации, основанные на собранном теоретическом и прикладном материале, предлагающие пути решения проблем, заключения, списка использованной литературы в количестве 198 источников и 7 приложений.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

1.1 Обоснование теоретико-методологического подхода диссертационного исследования

В качестве основного теоретико-методологического направления автор диссертационного исследования использует школу *нового институционализма* или *неоинституционализма* в связи с тем, что объектом исследования являются институты гражданского общества.

Рассматривается краткая история неоинституционализма. Термин «институционализм» был введён в 1919 году W. Hamilton. Он определил институт как «распространённый способ мышления или действия, запечатлённый в привычках групп и обычаях народа» [4, p. 312]. В то время институты изучались в качестве формальных установок – законов. Согласно этой точке зрения, институты отображают сложившиеся процедуры, по которым осуществляется управление, развивается общественно-политическая сфера, а также общее согласие по тем или иным вопросам [5, с. 20].

К середине XX века наблюдается упадок институционализма в связи с рядом причин:

1) недостаточными возможностями метода в исследовании институтов, которые рассматривались только как бюрократические организации, действующие строго в рамках выработанных правил и сложившейся структуры;

2) узостью формального подхода в изучении институтов, который исследовал их только через правовые нормы;

3) трудностями при компаративистском анализе институтов разных государств [5, с. 23].

В 1960-х годах институционализм практически исчезает, и на авансцену анализа политики выходит *бихевиоризм*, который рассматривает политические явления через призму поведения. В частности, институты бихевиористы изучают как формальные механизмы, которые получают возможность к существованию и функционированию только благодаря их участникам [5, с. 30].

Бихевиоризм не вполне оправдал себя, поскольку слишком большое внимание уделялось поведению участников института. В этом случае, за пределами анализа оказались нормы, ценности, правила. Это способствовало возвращению институционализма в новой его интерпретации. В 1980-е годы появляется новый институционализм или неоинституционализм. Родоначальниками данного направления считаются J. March и J. Olsen, изложившие своё видение в работе «Вновь открывая институты: организационный базис политики» [6, p. 15]. Согласно неоинституционализму, институты рассматриваются как совокупность формальных норм и неформальных «правил игры», что в результате образует сложные организационные отношения, формы взаимодействий и деятельность людей в

данных рамках, что позволяет поддерживать стабильность и воспроизводить порядок в обществе [6, p. 15]. В данной работе учёные изучают проблемы организаций, внутреннюю иерархию, окружающую среду, нормы, процедуры, а также влияние всего вышеуказанного на деятельность институтов [6, p. 19]. Таким образом, неоинституционализм отходит от строгой фокусировки на формальных нормах как основе института и включает неформальные, такие как отношения между участниками, традиции политической культуры и политического поведения, влияние внешней среды.

Неоинституционализм включает в себя два направления, весьма значимые для данного исследования:

1) *сетевой институционализм предполагает, что институты гражданского общества способны влиять на формирование институциональной и гражданской идентичности участников, а также на воспитание у них гражданской политической культуры* [7, p. 85]. Поскольку основу институтов составляют правила и процедуры, на основании которых строится организационная структура института и его функционирование, данные правила оформляют определённым образом поведение участников института. Они способны воздействовать на самоидентификацию участников, формируя у них определённый тип политического поведения и политической культуры. Их основные принципы индивиды, зачастую, инерционно сохраняют, даже покинув институт. В этом случае воздействие института на индивида не прекращается. Взаимодействие между индивидами в рамках института нельзя сводить к отношениям по типу бильярдных шаров по метафоре A. Wolfers, теоретика политического реализма [8, p. 33]. Он полагал, что, даже находясь в рамках бильярдного стола, шары, сталкиваясь, разлетаются. Взаимного сотрудничества, кооперации, солидарности между ними нет. Эти отношения конфликтны, не нацелены на взаимодействие, хаотичны. В рамках института между индивидами наблюдается противоположный процесс, а именно, взаимный обмен ценностями, идеями, эмоциями, основанный на участии в деятельности института. Таким образом, через участие, формирование поведения и институциональной идентичности, институт вырабатывает у участников определённую политическую культуру. Сетевой тип отношений как внутри института, так и вне его способен сформировать социальный капитал общества, в особенности такую его составляющую как доверие. Если представить, что отношения в сети неиерархизированы, организованы по горизонтальному принципу и основаны на солидарности и приверженности к общим идеям, то участники вырабатывают в себе доверие друг к другу. Ибо оно способно подтолкнуть участников к совместному действию в условиях недостатка информации о контрагенте [7, p. 88]. Проблема доверия весьма важна для поиска ответа на вопрос неоинституционализма о соотношении формальных и неформальных институтов [5, с. 57].

Крайне интересно предположение сетевого институционализма о том, что в условиях глобализации роль межличностного общения в построении доверия

не уменьшается. Информационные технологии, разумеется, упрощают коммуникацию, обмен идеями, ценностями, установками между институтами и их участниками. Однако, доверие как относительно устойчивый конструкт формируется лишь в том случае, когда взаимодействие и коммуникация, осуществляемые посредством интернета, дополняются непосредственными межличностными контактами [5, с. 57].

Применяя подход сетевого институционализма, данное исследование имеет в виду, что институты гражданского общества в современном Казахстане могут являться платформой для формирования гражданской политической культуры. Предполагается, что, участвуя, члены института способны выработать идентичность, которая имеет свойство сохраняться определённое время. Кроме того, посредством горизонтальных связей между участниками, институт формирует доверие и способствует накоплению необходимых знаний и опыта гражданского участия.

2) *исторический институционализм предполагает, что институциональная форма, организационные принципы, нормы, создаваемые институтами, в определённой степени зависят от исторического пути, пройденного государством* [7, p. 97]. Это находит отражение в идее о так называемой *«тропе зависимости» («Path Dependence»)* [7, p. 99]. Эволюционное развитие институтов достаточно непредсказуемо и зависит от точек бифуркации системы (термин заимствован из синергетики и означает этап смены установившегося режима работы системы). Именно в момент прохождения институтами точки бифуркации, возникают возможности выбора дальнейшего развития, то есть «тропы», по которой эволюция институтов будет двигаться [5, с. 54]. Особенность подхода «Path Dependence» в том, что он позволяет проанализировать современное состояние институтов с точки зрения потенциальных возможностей, которые не были реализованы в прошлом [5, с. 54]. Поскольку пройденный путь уже сформировал определённое направление в дальнейшем развитии институтов, меняющаяся внешняя среда, внутренняя эволюция институтов движутся в обозначенном направлении и закрепляют его [6, p. 72]. Для Казахстана и его институтов гражданского общества данный подход как в теоретическом изучении предмета, так и в разработке практической политики наиболее оправдан, поскольку он исключает возможность заимствований форм и моделей институтов гражданского общества, которые для республики могут быть неприемлемы.

Хотя институты зависят от воздействия внешней среды, они, в свою очередь, также способны влиять на неё. В некоторых случаях институты отражают состояние политической системы и её внутренние проблемы. N. Smelser, например, полагал, что крайне резкое увеличение институциональной активности и самого количества институтов возникает в результате кризиса политической системы и её неспособности справляться с ним. В подобном случае институты являются индикатором проблем в системе [9, p. 7]. При этом мотивация индивидов к активизации участия в деятельности институтов

заключается в попытке защититься от кризиса и сохранить свою идентичность посредством участия.

Эмпирическое подтверждение теории N. Smelser можно увидеть на Рисунке 1. С одной стороны, согласно его точке зрения, действительно, в период 1991-1992 года политическая система Казахстана переживала кризис. Поэтому наблюдается следующая динамика – с улучшением кризисной ситуации и, соответственно, возвращением системы к состоянию равновесия, количество институтов гражданского общества уменьшалось. С другой стороны, внутренняя мотивация граждан на тот момент, как представляется, была несколько иной, чем описывает N. Smelser. Почувствовав перемены, получив законодательно закреплённую возможность участия в различных ассоциациях, граждане Казахстана стали активно реализовывать это право на практике в надежде стимулировать положительные перемены в экономике и политике кризисного периода 1990-х годов, реализовать собственные интересы в условиях пониженной эффективности государственных институтов, а также в рамках проводимой политики либерализации общественно-политических отношений. По-видимому, причина уменьшения количества ассоциаций к 1996 году была не в том, что произошла стабилизация системы, но в том, что граждане осознали безрезультатность своих коллективных усилий и стали отказываться от них как бесперспективных.

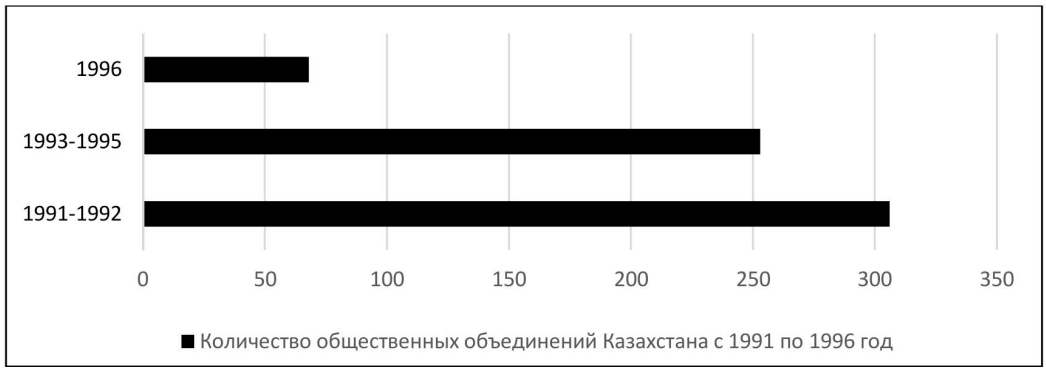


Рисунок 1 – Количество общественных объединений в Казахстане с 1991 по 1996 год [10, с. 19].

Поскольку институты подвергаются воздействию внешней среды, диссертация рассматривает некоторые её факторы для характеристики эволюции и современного состояния институтов гражданского общества Казахстана, а именно:

1) *Социально-экономические и аксиологические факторы*. В данном пункте анализируются особенности развития ценностей гражданского общества в Казахстане с 1991 года до сегодняшнего дня.

2) *Политико-правовые факторы*. Изучаются правовые нормы в отношении гражданского общества, гражданского участия и гражданского активизма в Казахстане с 1991 года по 2023 год, а также политическая ситуация в целом.

3) *Фактор информационных технологий.* Данное направление является приоритетным для анализа в рамках темы диссертации. Исследуются этапы развития информационных технологий в Казахстане, прослеживается возможное их влияние на молодёжные общественные объединения в РК. Для анализа данного направления, используются теории технологического детерминизма и социальных сил.

Выводы:

1) Институты гражданского общества выступают в качестве связующего звена между государством и обществом. Они способны артикулировать интересы представителей различных социальных групп и информировать о них государственную власть. Институты гражданского общества служат инструментом общественного контроля за деятельностью государства, сглаживая социальные конфликты и организуя диалог между властью и обществом. Помимо этого, они служат институтом политической социализации граждан, формируя политическую культуру в обществе, способны выступать в качестве площадки для рекрутирования новых членов в политическую элиту. В конечном итоге, действенные институты гражданского общества способны легитимизировать или делигитимизировать власть через формирование общественного мнения о тех или иных принимаемых властью решениях. С точки зрения государства, функциональные институты гражданского общества способны взять на себя часть власти государства как в политической, так и в гуманитарной сфере с целью фасилитации процессов управления на низовом и локальном уровне. При этом государство сохраняет за собой право на насилие, осуществление законодательной власти и распределение её по системе властной вертикали.

2) Исторический институционализм и принцип «Path Dependence» описывают контекстуальную и эволюционную природу институтов. Прошлые решения и структурные траектории определяют направление дальнейшего развития институтов, ограничивая возможность прямого заимствования внешних моделей и подчёркивая необходимость учёта локальных особенностей при формировании и реформировании институтов, включая институты гражданского общества в постсоветском Казахстане.

3) Сетевой институционализм подчёркивает роль горизонтальных связей и доверия в социальном капитале. Доверие возникает через взаимодействие и совместную деятельность участников, особенно при сочетании межличностных контактов с коммуникацией через информационные технологии. Этот подход позволяет объяснить, как институты способны адаптироваться в условиях глобализации, сохраняя значимость непосредственного взаимодействия и укрепляя социальные медиа как базу гражданской активности.

4) Неоинституционализм является оптимальным теоретико-методологическим каркасом исследования институтов гражданского общества в Казахстане. Он сочетает анализ формальных норм и неформальных «правил игры», что позволяет рассматривать институты не только как структуры с

установленными процедурами, но и как механизмы формирования политической идентичности и культуры участников. Такой подход обеспечивает методологическую основу для изучения институтов гражданского общества, включая их влияние на поведение, ценности и гражданскую активность членов.

1.2 Дефиниции, их интерпретация и операционализация

1.2.1 Гражданское общество: сложности формулировки понятия

1.2.1.1 История формирования понятия «гражданское общество» - диахронный анализ

В истории развития политической мысли существует множество вариантов определения понятия «гражданское общество». Безусловно, в самом начале своего существования (в период развития античных государств) данный термин рассматривался через призму философии, поскольку политологии как науки ещё не существовало, а политика воспринималась как сфера деятельности и способ изучения существовавших отношений между человеком, обществом и государством одновременно (Аристотель). *Под термином «гражданское общество» в период античности подразумевалось коллективное общение граждан полиса, направленное на достижение общего блага, что совпадало с понятием «государство»* [11, с. 134].

Впоследствии идея гражданского общества преимущественно развивалась и дискутировалась в русле классического политического либерализма, марксизма и неомарксизма, конструктивизма и критической теории [12, с. 233]. В рамках данного диссертационного исследования наиболее релевантно рассмотреть труды учёных-теоретиков классического политического либерализма, таких как J. Locke, J.-J. Rousseau, Ch. L. de Montesquieu, I. Kant.

J. Locke утверждает, что цель гражданского общества – сохранение собственности. Он полагает, что политическое (гражданское) общество возникает там, где люди передают часть своей естественной власти, которой они обладают, обществу (государству) с целью иметь арбитра для защиты собственности. Они делают это на основе добровольного соглашения. Политическое общество и гражданское общество у J. Locke – одно и то же [13, с. 311]. Учёный выделяет две формы организации человеческой активности – естественное состояние и гражданское общество/политическое общество/ государство. Гражданское общество J. Locke не определяет однозначно, лишь периодически используя этот термин в своих работах при характеристике ситуации после естественного состояния. Однако, конкретных случаев, когда требуется, по его мнению, использовать термин «государство», когда – «гражданское общество», J. Locke не указывает.

Кроме вышеизложенного, J. Locke высказывал такие идеи как: 1) негосударственные организации внутри государства нежелательны, так как они препятствуют единению последнего и не способствуют выработке единого направления развития. То есть, учёный выступал против создания институтов

гражданского общества; 2) индивиды объединяются в сообщества, чтобы защититься от других индивидов [13, с. 311], противопоставляя участников объединения тем, кто не вовлечён в процесс. При вовлечении одну из ключевых ролей играет доверие участников друг к другу, что в XXI веке будет рассматриваться как весьма важный фактор.

J.-J. Rousseau упоминает в своих трудах термин «гражданское общество» [14, с. 9]. В его трактовке – это община граждан, которые обладают определёнными правами. Члены гражданского общества не обладают обязательствами по отношению к общине, в отличие от подданных государства, которые такие обязательства несут согласно общественному договору. При этом участники гражданского общества у J.-J. Rousseau именуются «гражданами», но не «подданными» [14, с. 26]. Община, то есть, гражданское общество, стремится контролировать граждан с целью добиться исполнения обязательств, принятых в её рамках.

Ch. L. de Montesquieu во многом обобщает идеи J. Locke и J.-J. Rousseau с точки зрения неразделения терминов «государство» и «гражданское общество». Он описывает гражданское общество как сферу, включающую законы, право собственности, обычаи и нравы [15, с. 83]. Учёный вводит новый термин «corps intermédiaires» или «промежуточные корпорации», которые можно считать примитивным пониманием институтов гражданского общества [15, с. 113]. Данные «корпорации» сдерживают неограниченную власть государства и одновременно позволяют реализоваться политическим свободам их участников [15, с. 114].

I. Kant вводит понятие «bürgerliche Gesellschaft» или «гражданское общество», или «гражданско-правовое состояние» [16, с. 5-15]. Наряду с вышеизложенными точками зрения, учёный добавляет необходимость морального долга, который нужно исполнить при переходе к гражданскому обществу, заявляя, что такой акт не может быть добровольным выбором [16, с. 5-15].

Таким образом, в основе идеи гражданского общества, выработанной в рамках классического политического либерализма, лежат такие категории как *свобода, право, долг, ограничение деспотизма верховной власти государства, защита собственности*. Идея гражданского общества зарождается в умах учёных-теоретиков в связи со стремлением объединить все вышеизложенные категории и построить теоретический конструкт, способный служить развитию общества и государства одновременно [17, с. 66].

Ретроспективный анализ попыток выработки определения термина «гражданское общество» продолжается рассмотрением *пяти различных подходов к гражданскому обществу с точки зрения уровня развития общественных отношений*.

1) *Первый (с исторической точки зрения) и наиболее базовый подход рассматривает гражданское общество как продукт городской среды* [18, p. 312]. Люди в городах занимались торговлей, ремёслами, активно общались между собой, в том числе с незнакомцами. Именно в городах возникали

условия для сотрудничества людей, не связанных родственными узами. В средневековой Европе в городской среде были распространены различные объединения (гильдии купцов и ремесленников), которые нередко участвовали в городском управлении. Кроме того, светские университеты, возникшие в городах, стали основой для развития различных молодёжных клубов, объединений и ассоциаций, так как включали в себя наиболее образованную молодёжь того времени [18, p. 312].

2) *Второй подход акцентирует внимание на рыночной экономике и настаивает, что функциональное гражданское общество появилось лишь в эпоху капитализма* [18, p. 313]. При капитализме роль государства минимизируется, вырастает роль частных предпринимателей. Гражданское общество возникает, прежде всего, в среде представителей бизнеса, обладающих частной собственностью [18, p. 313]. A. Smith был сторонником данного подхода. Его основные идеи включают в себя следующее: 1) Рыночная экономика способствует разделению труда, за счёт чего в обществе появляются новые социальные группы; 2) Их представители могут объединяться по профессиональному признаку, создавать ассоциации с тем, чтобы облегчить свою деятельность в конкретной сфере экономики; 3) Эгоистический интерес – это основа рыночной экономики и гражданского общества. Он является мощным стимулом для образования ассоциаций; 4) Гуманизм, альтруизм и мораль – лишь утопические абстракции, которые не способны стимулировать объединение индивидов в ассоциации на практике; 5) Экономическое неравенство – непременное условие для развития институтов гражданского общества, однако, оно не должно быть слишком большим, иначе исчезает гарантия свободы и безопасности индивидов [19, с. 52-57].

3) *Третий подход предполагает, что гражданское общество представляет собой форму коллективного выбора граждан государства, автономную от него*. Граждане осознанно и целенаправленно создают добровольные группы и ассоциации [20, p. 313]. Гражданское общество воспринимается как сеть мелких гражданских объединений для решения локальных проблем.

4) *Четвёртый подход предполагает существование гражданского общества как сферы, зависящей от государства, как некоего промежуточного исторического этапа от семьи к государству* [21, с. 226]. Именно в этом ключе его изучал G. Hegel. Он впервые ввёл в политологию понятие «гражданское общество». В своей работе «Философия права» он рассуждает о взаимодействии индивида, общества, государства и различных форм объединения людей, таких как семья, корпорация. В целом, G. Hegel отрицательно относится к гражданскому обществу как к потенциальному варианту ассоциации индивидов, мотивируя это тем, что «в гражданском обществе каждый для себя – цель, всё остальное для него ничто» [21, с. 228]. Для G. Hegel самое главное в гражданском обществе – достижение общих целей, благополучие всех, но не отдельного индивида. Он относит к гражданскому обществу определённые категории граждан, а именно: 1)

имеющих частную собственность; 2) образованных; 3) знающих законы [21, с. 264]. Несмотря на то, что определение гражданского общества как такового у G. Hegel довольно расплывчато, наблюдается дифференциация понятий «общество», «гражданское общество», «государство».

5) *Пятый подход имеет отношение к уровню культурного развития*. Пионером здесь был Ch. L. de Montesquieu, который утверждал, что именно «дух» закона способен влиять на индивидов, институты и материальные условия жизни обществ. Как и многие его современники, Ch. L. de Montesquieu не был сторонником создания каких-либо организаций, защищающих интересы одной группы людей [15, с. 112]. Единый уровень культуры индивидов способен создавать платформу для формирования ассоциаций, преодолевая остальные разделительные линии, такие как классовая, профессиональная, гендерная, этническая, конфессиональная принадлежность [18, p. 315].

Таким образом, все вышеизложенные взгляды и модели гражданского общества можно объединить в три кластера:

1) *Гражданская утопия* – это идеализированные представления о гражданском обществе, возводящие в абсолют человеческий разум, способность к добровольному самоограничению, умение поступиться собственными интересами ради общей цели. В качестве примера можно привести теорию Платона об идеальном государстве (в античности государство и гражданское общество категориально не разграничивались), учение Аристотеля, J. Locke, идеи T. More, T. Campanella, H. de Saint-Simon и других представителей утопического социализма. Идеалистические воззрения утопистов невозможно реализовать на практике в том виде, в каком они были высказаны. Тем не менее, гражданская утопия стимулирует научный поиск, определяет некий идеал, на котором можно базировать дальнейший анализ [17, с. 52].

2) *Гражданская идеология* представляет гражданское общество как модель развития политических отношений между властью и обществом. В эту категорию можно отнести более реалистичные концепции таких философов и политологов, как I. Kant, J.-J. Rousseau, Ch. L. de Montesquieu, G. Hegel, A. de Tocqueville, A. Smith, несмотря на то, что не все из них упоминали категорию «гражданское общество» в своих трудах [17, с. 60]. Гражданская идеология способствовала разрушению феодализма, становлению капиталистических отношений и формированию национальных государств в Европе, позднее в Америке. В XVIII веке теоретики относились к гражданскому обществу как к мощной деструктивной силе, уничтожавшей старый порядок отношений между властью и обществом, и стремившейся серьёзно ограничить власть государства в лице монарха. Через призму гражданской идеологии учёные рассматривали зарождающиеся институты гражданского общества, такие как выборные институты демократии, общественные объединения и ассоциации профессионального характера (гильдии, цеха купцов, клубы, религиозные объединения).

3) *Гражданская рациональность* представляет собой общественное практическое видение гражданского общества, его возможности и условия его функционирования [17, с. 73]. Особенности гражданского общества, его функциональность, востребованность и необходимость развития зависят от общественного восприятия [17, с. 78]. Гражданская рациональность разнится, в зависимости от социального класса, уровня дохода и образования индивида, а также его\её отношения к общественно-политической системе в целом. Следовательно, построение гражданской идеологии в Казахстане должно опираться на гражданскую рациональность, сформированную в рамках общественно-политических условий республики.

1.2.1.2 Современные трактовки понятия «гражданское общество»: дискурсивный анализ

В современной политологии не выработано «зонтичного» определения гражданского общества. Классические теоретические модели далеко не всегда отвечают сложным и противоречивым устройствам реальных обществ и государств, особенно, в случае, если подобные модели, будучи разработанными в определённое время и в рамках определённой парадигмы, применяются к государствам, не отвечающим генеральным принципам этой парадигмы [18, p. 302].

Исследуются особенности гражданского общества в современной западной политологической традиции. В источниках, релевантных для темы диссертационного исследования, гражданское общество описывается как некая система или сеть добровольных низовых ассоциаций, которые самостоятельно регулируют свою деятельность, их свободный доступ в политическую сферу, что означает возможность оказывать влияние на процесс принятия политических решений, а также осуществлять управление на низовом уровне [18, p. 303]. В частности, существуют следующие определения термина «гражданское общество», разработанные современными исследователями. *Гражданское общество – это сфера добровольных, непринудительных ассоциаций, взаимодействующих с индивидами и государством, где люди принимают участие в коллективном действии, направленном на достижение правовых, общественных, гуманитарных целей и относительно независимая от государства и экономики* [18, p. 304]. Степень «добровольности», «независимости» институтов гражданского общества, их «цели», то есть их реальное наполнение являются наиболее дискуссионными вопросами в рамках данной дефиниции. *Гражданское общество – это пространство добровольных ассоциаций и вид деятельности, который существует относительно автономно и независимо от государства и экономического сектора* [22, p. 30]. С точки зрения R. Putnam, *действенное гражданское общество характеризуется большим количеством добровольных ассоциаций разного направления деятельности, которые обеспечивают возможности вовлечения граждан в дела ассоциаций для решения локальных проблем и являются площадкой для участия в политическом процессе* [7, p. 32]. J. Habermas так

определял *гражданское общество: это открытая и инклюзивная сеть пересекающихся субкультур и их носителей, имеющая непостоянный характер и нечёткие социальные границы* [23, p. 225].

Таким образом, основными чертами современного термина «гражданское общество» в западной традиции политической науки являются следующие: создание общественных объединений на основе добровольного участия индивидов и социальных групп, преобладание договорных горизонтальных связей внутри объединений, интеграция данных объединений в автономную систему на основе общей системы ценностей, создающей единое видение социального мира [20, p. 80].

С этой точки зрения, проблема Казахстана заключается в том, что гражданское общество в стране, на данный момент, не представляет собой сеть или систему, автономную от государства и функционирующую на основании общих ценностей вовлечённых участников. В данном контексте функционируют разобщённые организации, часть из которых ориентирована преимущественно на поддержание собственного существования, а не на удовлетворение интересов своих членов; другая часть действует под государственным патронажем и формируется при его непосредственной поддержке [24, с. 85]. По-видимому, это происходит по причине недостаточно высокого уровня развития гражданской политической культуры, горизонтальных связей, доверия индивидов друг к другу, а также по причине высокого уровня давления государства на сферу гражданского общества в республике и недостаточно высоком желании самих институтов гражданского общества формировать сетевую структуру отношений внутри гражданского общества. Тем не менее, на современном этапе в Казахстане прослеживаются признаки становления гражданского общества как особого коммуникативного пространства и институциональной платформы формирования гражданской культуры, что коррелирует с концепцией J. Habermas, рассматривающего неправительственные и некоммерческие организации в качестве ключевой основы развития коммуникативных структур [23, с. 266-267].

Исследуются особенности определения термина «гражданское общество» в современной посткоммунистической политологической традиции. Под «посткоммунистической политологической традицией» понимается массив вторичных источников государств Восточной Европы и СНГ. Дефиниции можно сгруппировать в три когорты:

1) *расплывчатые определения*, которые фактически не указывают, чем гражданское общество отличается от массового общества. Приведём одно из них в качестве примера. *Гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним, общество граждан высокого социального, экономического, политического, культурного и морального статуса, создающих совместно с государством развитые правовые отношения* [25, p. 350].

2) *идеалистические дефиниции*. Параметры обозначения гражданского общества выглядят утопично и достаточно неконкретно [26, с. 83]. Например, *гражданское общество – это ситуация гражданственности, которая складывается там и тогда, где и когда люди находятся в универсальных отношениях с миром и друг с другом, становясь при этом представителями всего человеческого рода и поднимаясь на высоту его всеобщих интересов* [12, с. 164].

3) *реалистические определения* заимствуют многое из западного политологического дискурса. В рамках данного блока дефиниций формулируется мысль о том, что гражданское общество – исключительно западный продукт, который едва ли способен развиваться в авторитарных и постсоветских государствах [26, с. 72], поскольку социальные, экономические, политические условия, существующие в западных либерально-демократических государствах не всегда применимы к реалиям стран, не имеющих подобных условий. Тем не менее, ни одна форма гражданского общества не является эталоном. Следовательно, необходимо применять ситуационный подход и анализировать частные случаи [24, с. 85].

В рамках диссертационного исследования и в силу вышеизложенных замечаний целесообразно задаться вопросом: *может ли гражданское общество существовать и быть действенным в государствах нелиберальной политической культуры?* Существует множество вариантов ответа на этот вопрос, которые можно обобщить в три категории [27, p. 528; 28, с. 21; 29, с. 53; 30, p. 737]:

1) *узкооперационализированный подход* утверждает, что, будучи теоретическим и практическим продуктом цивилизации, построенной на либерально-демократических ценностях, гражданское общество может существовать лишь в государствах, разделяющих модель этой цивилизации, то есть в США и странах Западной Европы [31, p. 114];

2) *широкооперационализированный подход* настаивает на том, что гражданское общество способно существовать в любом государстве, безотносительно его принадлежности к либеральной политической культуре, поскольку те или иные формы общественной и гражданской активности в разной степени существуют везде [32, p. 13; 33, p. 451; 34, p. 1117];

3) *модерационный подход*. С одной стороны, гражданское общество не является универсальным понятием, существующим абсолютно повсеместно. Чрезмерная экспансия содержания понятия «гражданское общество» ведёт к его концептуальной диффузии и, в конечном счёте, утрате аналитической определённости. С другой стороны, если государство модернизируется, в нём наличествуют демократические институты, наблюдается разделение властей, проводятся регулярные выборы, то социальные объединения и иные формы гражданского активизма в таком государстве можно рассматривать как «гражданское общество» без ущерба для трактовки данного термина [35, с. 68].

Проведённый анализ показывает, что существенной проблемой посткоммунистической научной литературы о гражданском обществе

выступает фрагментарность и дисперсность аналитических подходов к его осмыслению, включая трактовки его структуры, а также условий становления и развития.

Исследуются особенности подходов к определению термина «гражданское общество» в современной казахстанской политологической традиции. Массив научных исследований по данной тематике в Казахстане достаточно фрагментирован. Зачастую попытки анализа гражданского общества в Казахстане, его институтов и организаций в отечественной литературе ограничивались, по-видимому, механическим изучением имеющихся ассоциаций или иных форм коллективного действия, юридических норм, в рамках которых они действуют и которые способны выработать самостоятельно и целей общего характера, стоящих перед данными ассоциациями. Значительная часть массива научной информации посвящена эволюции гражданского общества в независимом Казахстане и его институтам [36, с. 151]. Приводятся наименования ключевых институтов гражданского общества, их сферы деятельности без подробного теоретико-методологического анализа [37, с. 79]. Во многих источниках рассматривается проблема формирования правового государства и конституционных основ формирования гражданского общества, однако, само по себе гражданское общество не является предметом анализа [38, с. 151; 39, с. 23]. Кроме того, некоторые источники фокусируются на проблемах этатизма, препятствующих развитию гражданского общества в РК как сферы, самостоятельной от государства [40, с. 58]. Существуют источники, описывающие проблемы доверия, ценностей и политической культуры, которые оказывают значительное влияние на формирование гражданского общества. Проблема, однако, в том, что гражданское общество в этих источниках не является предметом исследования, соответственно, определение термина не формулируется [41, с. 133; 42, p. 138; 43, p. 240]. Молодёжь также находится в фокусе внимания казахстанских исследователей как один из элементов общественно-политических отношений, однако, анализируется она через призму государственной политики, но не с позиции актора гражданского общества [44, с. 36; 45, p. 5]. Встречаются источники, анализирующие электоральную демократию в РК и опосредованно политические процессы, теоретически способные стимулировать развитие гражданского общества и сопутствующих сфер в республике [46, с. 27; 47, с. 69]. Немного ближе к теме данного диссертационного исследования массив литературы, описывающий партийное строительство в РК и характеризующий политические партии независимого Казахстана как одну из базовых платформ для формирования и развития гражданского общества в республике, как самостоятельной сферы с развитой политической культурой участников [48, с. 60; 49, с. 88]. Формируется небольшой пласт литературы, посвящённой анализу проблематики гражданского общества, гражданской культуры и внешней среды, формирующей институты гражданского общества в РК [50, с. 115; 51, p. 110; 52, с. 125].

Таким образом, анализ казахстанской политологической литературы, посвящённой гражданскому обществу, позволяет сделать вывод о концептуальной и методологической незавершённости данного исследовательского поля. Несмотря на наличие значительного массива работ, обращающихся к отдельным аспектам общественно-политического развития независимого Казахстана, гражданское общество в них, как правило, не выступает в качестве самостоятельного и целостного объекта теоретического анализа. Доминирует фрагментарный подход, при котором внимание исследователей сосредоточено либо на описании институционального ландшафта (перечень институтов гражданского общества, партий, общественных ассоциаций), либо на нормативно-правовых условиях их функционирования, без рефлексии над внутренней логикой формирования гражданского общества, его структурой, функциями и границами по отношению к государству. Характерной особенностью отечественной традиции является преобладание дескриптивного и институционально-юридического анализа над концептуально-теоретическим. В ряде исследований гражданское общество редуцируется до совокупности формально существующих объединений или рассматривается исключительно как производное процессов правового и государственного строительства. Даже в работах, затрагивающих ключевые для гражданского общества категории – доверие, ценности, политическую культуру, молодёжное участие, электоральную демократию или партийное строительство, - само гражданское общество остаётся вторичным понятием, не получающим чёткого определения и аналитической автономии. Одновременно выявляется устойчивая этатистская рамка анализа, в которой гражданское общество рассматривается преимущественно как объект государственной политики, либо как функция институциональных реформ «сверху», что существенно ограничивает понимание его как самостоятельной сферы социальной саморегуляции и коллективного действия. Исключение составляют отдельные исследования партийного строительства, где гражданское общество исследуется как относительно автономная среда формирования политической культуры и участия, однако и здесь отсутствует системная теоретическая проработка понятия.

Учитывая вышеизложенное, данное диссертационное исследование формулирует собственное определение термина «гражданское общество». *Гражданское общество – это такое состояние общественных, экономических, культурных, политических отношений, при котором законодательно оформлены и соблюдаются на практике права человека и гражданина, общественное политическое сознание сформировано под воздействием гражданской культуры и отвечает критериям персональной ответственности, справедливости, готовности к коллективному участию на безвозмездной основе для решения проблем локального характера, включающее в себя различного рода институты, которые являются практической площадкой для реализации интересов участников* [24, с. 86]. Существенное значение имеет внутренняя мотивация индивидов участвовать добровольно, и

самое главное, безвозмездно в деятельности объединения. Особенно велико значение данной мотивации в условиях недостаточного финансирования организаций, безразличия большинства населения [18, p. 301].

Выводы:

1) отсутствие «зонтичного» определения гражданского общества отражает историческую, культурную и институциональную вариативность форм общественной самоорганизации, что нашло отражение в политической науке. Начиная с античности и вплоть до современных политологических концепций, понятие «гражданское общество» эволюционировало от тождества государству к пониманию его как относительно автономной сферы социальных отношений, опосредующих взаимодействие индивида и публичной власти. В рамках классического политического либерализма были заложены ключевые смысловые основания гражданского общества – свобода, право, собственность, моральный долг, ограничение деспотизма государства. У классических авторов (J. Locke, J.-J. Rousseau, Ch. L. de Montesquieu, G. Hegel, I. Kant) отсутствует единая и непротиворечивая трактовка как границ, так и внутренней структуры данного феномена. Это указывает на изначально многомерный характер гражданского общества, не сводимый ни к институциональной, ни к нормативной, ни к культурной плоскости в отдельности.

2) анализ посткоммунистической политологической традиции показывает, что отсутствие «зонтичного» определения гражданского общества носит структурный характер и обусловлено как методологической неоднородностью исследовательских подходов, так и различиями социально-политических контекстов. Выделяемые в литературе расплывчатые, идеалистические и заимствованные из западного дискурса реалистические дефиниции отражают не столько эволюцию понятия гражданского общества, сколько попытки адаптировать нормативно нагруженную категорию к эмпирически несоизмеримым условиям постсоветских государств и обществ. Наиболее обоснованным представляется модерационный подход, который позволяет избежать как нормативного универсализма, так и концептуального релятивизма. Гражданское общество не может рассматриваться ни как строго универсальная категория, автоматически присутствующая в любом обществе, ни как феномен, жёстко привязанный исключительно к зрелым либеральным демократиям. Исследование гражданского общества в нелиберальных и авторитарных контекстах требует ситуационного, эмпирически чувствительного подхода, при котором формы гражданской самоорганизации и общественного участия оцениваются не по степени их соответствия западным эталонам, а по их функциональной роли в системе взаимодействия общества, государства и власти.

3) применительно к Казахстану анализ как западных, так и посткоммунистических теоретических традиций, а также отечественного исследовательского поля позволяет утверждать, что гражданское общество в стране находится на этапе незавершённого становления и не может быть релевантно описано ни в терминах «классической» либеральной модели, ни в

терминах современной западной политологической традиции. Данные указывают на фрагментарность институционального ландшафта, слабость горизонтальных связей и дефицит доверия, а также на преобладание этатистской логики, в рамках которой гражданское общество трактуется преимущественно как объект регулирования и поддержки со стороны государства. Это обстоятельство принципиально ограничивает аналитическую автономию понятия гражданского общества в казахстанской политологической традиции и ведёт к его редукции либо до перечня формально существующих организаций, либо до производной процессов правового и государственного строительства.

1.2.2 Проблематика концептуализации понятия «общественная организация» и классификации её основных типов в институциональном пространстве гражданского общества

Необходимо разграничить термины «институт гражданского общества» и «общественная организация». *Приводится различие между терминами «институт гражданского общества» и «общественная организация».* Институт является более широким понятием и включает в себя формальные и неформальные практики. Общественная организация является более узким понятием, имеет чётко оформленную структуру, которая отграничивает её от иных институтов гражданского общества и характеризуется наличием идентичности её членов, которая сформировалась за счёт регулярного участия в деятельности организации [53, p. 26]. Организации позволяют сохранять и воспроизводить потенциал для участия. Они обеспечивают индивидов ресурсами для участия, в первую очередь, информационной и идейной поддержкой. Наконец, организации формируют и сохраняют у участников чувство принадлежности к конкретной ассоциации, образуя тем самым определённую идентичность [53, p. 5]. Детально различие между институтами гражданского общества и общественными организациями показано на Рисунке 2.

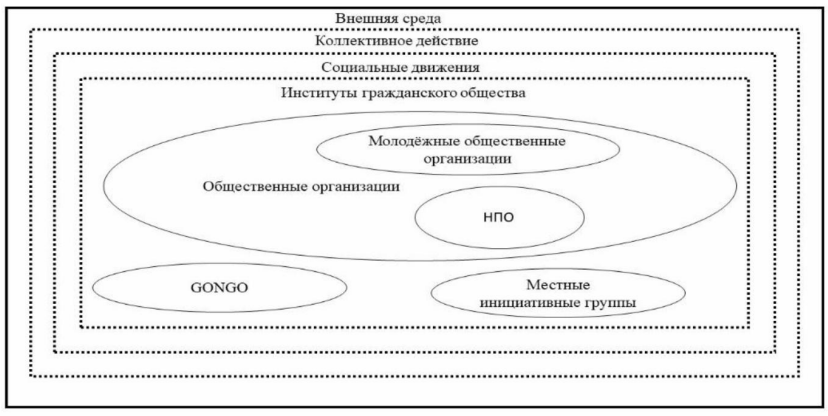


Рисунок 2 – Схема структурной организации институтов гражданского общества, общественных организаций и внешней среды. Источник: разработано автором

На Рисунке 2 организации GONGO и местные инициативные группы выделены вне общественных организаций по следующей причине: GONGO (Government-organized non-governmental organizations) являются формально негосударственными, но институционально зависимыми от государства организациями. Государство оказывает им патронаж, вплоть до фиксированной системы членства. Зачастую они достаточно жёстко иерархизированы, служат выполнению определённых государственных задач и являются организациями, созданными «сверху» [54, p. 273]. Данное исследование фокусируется на общественных организациях, имеющих определённую автономию от государства, насколько это возможно в казахстанских политических реалиях. Местные инициативные группы (grassroots organizations) – это децентрализованные формы гражданской активности, формирующиеся на уровне локальных сообществ и основанные на принципах горизонтального взаимодействия, добровольного участия и автономии от государственных и корпоративных акторов [55, p. 446]. Данный вид общественных организаций выделен на Рисунке 2 отдельно, так как они достаточно немногочисленны, имеют узконаправленный профиль активности, малое количество участников и сфокусированы на решении точечных задач (проблемы в рамках одного домохозяйства либо городского квартала). Они формируются по насущной необходимости, имеют ad hoc характер и могут быть распущены после решения проблемы. Данные организации оказывают невысокое влияние на формирование системной гражданской идентичности. Диссертационное исследование фокусируется на общественных организациях, которые имеют определённую структуру и не носят характер ad hoc, имея некоторое стратегическое видение своего дальнейшего развития.

Представляется необходимым сформулировать дефиницию понятия «общественная организация». Аналогично проблеме определения гражданского общества, существующие трактовки данного термина отличаются фрагментарностью и вариативностью. Тем не менее, представляется возможным выработать «зонтичное» определение, интегрирующее ключевые характеристики данного феномена.

1) *общественная организация – это объединение, ориентированное на достаточно узкие цели, с относительно формализованной структурой;*

2) общественная организация – это объединение, не имеющее строгой структуры или официальных целей, но его участники разделяют общий интерес заниматься определённым делом; их деятельность координируется неформально, посредством личных договорённостей;

3) общественная организация – это нестабильное объединение групп интересов, которое вырабатывает цели объединения посредством переговоров; вся внутренняя структура, деятельность и её результаты напрямую зависят от воздействия среды, поскольку интересы участников зарождаются именно там [56, p. 110].

Любая организация может включать в себя все три разновидности, в зависимости от проблем, встающих перед ней и выбираемых ею путей их

решения. Организация может обладать структурой, чётко сформулированными целями, при этом участники имеют общий конечный интерес, их действия так или иначе могут зависеть от среды [56, p. 138].

Изучая типы организационных форм, исследователи предложили так называемую гибридную модель «сетевой общественной организации», которая сочетает элементы формальной организации и горизонтальной интеграции. Сетевая общественная организация включает в себя, помимо горизонтальной структуры, гибкость в обозначении целей и эгалитарный тип взаимоотношений между участниками [57, p. 13]. Сетевая модель общественной организации наиболее предпочтительна в ad hoc активности – для решения конкретных задач, рассчитанных на кратко- и среднесрочную перспективу. Сетевая модель адаптивна к изменяющейся окружающей среде, более инновационна в плане распространения информации, а также менее подвержена организационным кризисам в случае неудачи, чем модель жёсткой структуры [58, p. 207]. В качестве отрицательных сторон сетевой модели можно отметить её нестабильность и ориентацию на короткий период действия. Возможно, в долгосрочной перспективе эта модель не способна стать прочным фундаментом для формирования идентичности, а, следовательно, политической культуры участников [9, p. 161].

Возникает исследовательский вопрос о том, какими должны быть организационная структура и стратегические ориентиры общественной организации для обеспечения её эффективности и результативности? W. Gamson полагал, что стратегия общественной организации должна быть минималистической, а сама организация – централизована и бюрократизирована. Эта точка зрения подвергалась критике, после чего учёный признал, что широта декларируемых целей общественной организации усиливает внутреннюю солидарность и способствует созданию групп организаций одного профиля. Было установлено, что по мере бюрократизации общественных организаций приоритет смещается в сторону их институционального самосохранения; в результате данная установка начинает доминировать над реализацией первоначально декларируемых целей [59, p. 58]. Другие исследователи полагают, что большую роль играет степень зависимости организации от материальных ресурсов, выделяемых элитами политического, экономического, финансового характера [9, p. 227]. Третьи считают, что социальные, экономические, культурные, политические условия оказывают решающее влияние на общественные организации [60, p. 279]. Четвёртые утверждают, что наличие союзников или оппонентов во власти весьма значимо [61, p. 1093].

Согласно теоретической концепции исторического институционализма, факторы внешней среды способны в значительной степени определять формирование и развитие институтов гражданского общества и, соответственно, общественных организаций. Жёсткая иерархическая структура общественных организаций возникает во враждебной политической среде, преимущественно в авторитарных государствах. При подобной

организационной структуре повышается способность к адаптации в условиях неблагоприятной внешней среды и эффективной реализации поставленных целей. Чёткое функциональное разграничение в сочетании с выраженной иерархической упорядоченностью способствует оперативной разработке и принятию тактических решений, направленных на обеспечение устойчивости и сохранения жизнеспособности организации. В более дружественной и инклюзивной политической среде общественные организации, как правило, менее иерархизированны [53, p. 65].

Зачастую, варианты организационной формы зависят от сложившихся в конкретной стране представлений о том, какая именно форма или модель общественной организации в этом государстве будет наиболее работоспособной [58, p. 211]. Представляется, что в Казахстане широкое распространение получили иерархически организованные общественные объединения, характеризующиеся жёсткой системой субординации при относительно неформализованном распределении функциональных обязанностей. Возможным объяснением данного феномена является недостаточная институционализация ценностей персональной ответственности и инициативности среди членов таких организаций, а также, исходя из положений исторического институционализма и подхода Path dependence, исторический опыт выживания и относительно успешного функционирования данного вида общественных организаций.

Общественные объединения, даже при совпадении проблемно-тематической повестки, как правило, демонстрируют низкий уровень межорганизационного взаимодействия; их отношения чаще характеризуются институциональной дистанцированностью и взаимным безразличием. При этом кооперация организаций, функционирующих в рамках одного направления деятельности, нередко трансформируется в конкурентные отношения, обусловленные борьбой за целевые группы и ограниченные ресурсные потоки. Организации разного направления деятельности способны выстраивать неконкурентные отношения. Соответственно, сетевые отношения, скорее всего, возникнут именно в среде общественных организаций разной направленности [58, p. 213]. При этом сотрудничество организаций одной направленности способно усилить формирование идентичности участников.

Общественные организации, помимо продвижения интересов своих участников, указывают слабые стороны в политике государства по отношению к определённым группам [9, p. 230]. Следовательно, они способны оказывать воздействие на политическую среду. Эффективная деятельность общественных организаций (институтов гражданского общества) способна оказать воздействие на законотворчество, изменение в структуре политической системы (появление ведомств, занимающихся имеющимися проблемными вопросами), трансформацию ценностей политической культуры общества [9, p. 232].

Анализ типов общественных организаций.

1) *Некоммерческие организации (НКО) – nonprofit sector* [62, p. 29]. НКО являются объединениями с чёткой формальной структурой, зарегистрированные в органах юстиции, имеющие внешние источники финансирования (но не имеющие внутренних в виде членских сборов) и выступающие в качестве связующего звена между властью и определёнными группами населения по тем или иным вопросам [62, p. 30]. *Зачастую к НКО относят волонтёрские организации*. Кроме того, в данную категорию можно включить различные услуги, такие как социальная помощь инвалидам, пожилым людям и иным уязвимым категориям граждан. К данной категории также могут быть отнесены различные формы добровольных объединений, включая спортивные клубы, религиозные ассоциации, благотворительные фонды, профессиональные союзы, а также этнокультурные организации [62, p. 34]. Что касается казахстанских НКО, то, согласно Гражданскому кодексу РК и Закону РК «О некоммерческих организациях» от 16 января 2001 года, некоммерческие организации представляют собой общественное объединение, некоммерческое акционерное общество, фонд, религиозное объединение, объединение юридических лиц в форме ассоциации, нотариальную палату, коллегию адвокатов, палату аудиторов, кооператив собственников квартир, потребительский кооператив [63, с. 189].

Согласно предположению H. Anheier и L. Salamon, степень развитости и уровень эффективности данных организаций зависит от типа политического режима – либерального (США), корпоративного (Германия), социально-демократического (Скандинавия), этатистского или государственнического (Япония) [62, p. 31]. Как представляется, в рамках данной классификации Казахстан целесообразно обозначить как этатистский политический режим, поскольку эти учёные описывают его как режим управления, где государство сосредоточивает основную власть в своих руках, неохотно передоверяя её частному сектору, в том числе в сфере услуг, которые являются преимущественно государственными либо частными, но последние извлекают из этих услуг выгоду, соответственно, не являются НКО. Тем не менее, авторы признают, что государственное финансирование подобных организаций существует, и в таком случае их также можно считать некоммерческими и относить к гражданскому обществу [62, p. 32]. Предполагается, что развитая сеть НКО сферы услуг успешно способна дополнять собой социальную государственную политику.

2) *Неправительственные организации (НПО) – (nongovernmental organizations).* Данное понятие появилось после Второй мировой войны при создании ООН. С 1947 года термин «НПО» прочно вошёл в политологический оборот [64, p. 13]. Первоначально такие организации назывались НПО для развития (nongovernmental development organizations), и их деятельность распространялась в основном на проблемы становления социальной, экономической, политической системы новых государств, появившихся после Второй мировой войны, распада Британской колониальной империи и процесса

деколонизации. Постепенно терминология эволюционировала, и появились такие виды НПО, как частные добровольные организации (private voluntary organizations – PVO); добровольные организации для развития (voluntary development organizations – VDO); НКО; организации третьего сектора (third sector organizations – TSOs); организации гражданского общества (civil society organizations – CSOs) [65, p. 27]. Вместе с тем, как в сфере практической политики, так и в рамках научного анализа, указанная типология редко используется в строгом и последовательном виде. Все организации, не связанные напрямую с правительством, именуются НПО вне зависимости от рода деятельности и источников финансирования. Рассмотрим, как НПО определяются в отечественной литературе. НПО – это объединение единомышленников частного добровольного характера, которые осуществляют свою деятельность в общественных интересах и не преследуют своей целью извлечение коммерческой прибыли [66, с. 18]. Неправительственные организации способствуют усилению возможностей граждан участвовать в объединённой форме в решении вопросов, касающихся их интересов непосредственно [66, с. 18].

3) *GONGO* является акронимом от английского словосочетания «Government-Organized Non-Governmental Organization» [67, p. 530]. В русскоязычной научной литературе закрепилась прямая транслитерация – ГОНГО, а также смысловой перевод – «организованные правительством неправительственные организации» [68, с. 138]. Специфика GONGO заключается в их бинарной функциональности. С одной стороны, они обладают формальным статусом «независимых» или «неправительственных» структур, что позволяет им участвовать в грантовых программах, международных форумах и диалоговых площадках, недоступных для государственных чиновников. С другой стороны, их генезис напрямую связан с инициативой государства или правящих элит, которые определяют их ресурсную базу и латентную повестку. Как отмечает Д. Лушников, такие организации выступают инструментом политики, нацеленной на построение институтов гражданского общества в странах, осуществляющих «догоняющую» модернизацию, одновременно служа каналом «мягкой силы» и механизмом легитимации существующего режима [68, с. 142]. В современном Казахстане сформировалась достаточно устойчивая экосистема GONGO, представленная как «зонтичными» структурами (Гражданский альянс, ARGO), так и сервисными госкорпорациями («Правительство для граждан», Astana Hub). Безусловно, организации такого рода участвуют в функционировании гражданского общества, однако, их эффективность достаточно сильно зависит от патрона, и востребованность у граждан может быть весьма невысокой по причине государственного давления и достаточно условной «добровольности» вовлечения.

4) *Добровольные общественные ассоциации или местные инициативные группы (grassroots associations)*. В западной политологии данные ассоциации являются синонимом гражданского общества. Они позволяют, с

одной стороны, решать локальные проблемы (инфраструктура, экология, адресная помощь нуждающимся), с другой стороны, вовлекать граждан в инициативные группы и вырабатывать демократические ценности [69, p. 233]. Такие организации обычно небюрократизированы, неиерархичны, представляют собой скорее площадки для обсуждения насущных проблем достаточно ограниченного круга людей (как правило, соседей); они отличаются тем, что штата сотрудников с фиксированной заработной платой, стратегии, политических амбиций у таких объединений практически нет [70, p. 807]. Эти ассоциации можно назвать ad hoc – они существуют, пока есть какая-либо проблема, которую необходимо решать. Как только гражданам удаётся её решить, необходимость в существовании организации отпадает. В частности, в казахстанских реалиях это могут быть проблемы, связанные с коммунальной инфраструктурой жилого фонда, обустройством придомовой территории, различные клубы по интересам. Как утверждают исследователи J. Kretzmann и J. McKnight, такие объединения сложно изучать и даже подсчитать их примерное количество в силу их природы [71, p. 37]. Те ассоциации, что имеют длительную историю существования, обычно финансируются за счёт членских взносов. Наиболее известным примером таких объединений являются организации скаутов [70, p. 805]. Отличительной чертой подобных ассоциаций является фактор добровольного участия, как правило безвозмездного, то есть, вопрос материального вознаграждения за участие отсутствует. Как считают исследователи, возникновение таких ассоциаций возможно лишь в социальных группах не ниже уровня среднего класса, поскольку основным мотивом является не материальное вознаграждение, но улучшение собственной окружающей среды и реализация своих интересов [70, p. 806].

Некоторые исследователи выделяют в данной категории организации, чья деятельность направлена на достижение перемен эволюционными методами (social change organizations) [72, p. 958]. Подобные организации имеют более строгую структуру (иерархию), более чётко выраженное лидерство и контингент сотрудников, чем добровольные общественные ассоциации. Их деятельность направлена более в политическую и законотворческую плоскость, они стремятся не только решить текущие проблемы, но и предотвратить их в будущем.

5) *Социальные движения (social movements).* Зачастую социальными движениями в политическом и медиа дискурсе именуют любой вид гражданской активности. Однако, в социальных науках гражданское общество и социальные движения выделяются в два различных поля исследования [73, p. 814].

Существует несколько определений социальных движений. С одной стороны, общественные движения – это составляющая гражданского общества, с другой стороны, процессы коллективного действия в гражданском обществе могут рассматриваться как предпосылки для развития социальных движений [31, p. 118]. Как полагает исследователь M. Diani, специализирующийся на изучении социальных движений, социальные движения – это совокупность

неформальных сетей, включающих в себя индивидов, группы и организации, вовлечённых в политическое или культурное противостояние, разделяющих общую идентичность [74, p. 4]. Ввиду размытости и концептуальной неопределённости границ между такими категориями, как социальные движения, коллективное действие и гражданское общество, исследовательские вопросы и проблемные поля, формирующиеся в рамках анализа общественных движений, во многом коррелируют с теми, которые разрабатываются в исследованиях гражданского общества.

6) Исследователи гражданского общества выделяют также такую форму объединений как *социальные предприятия (social enterprises)* [75, p. 1442]. Это форма отношений между гражданским обществом, государством и бизнесом, предусматривающая реализацию общественно-значимых проектов с привлечением государства и бизнеса, проводимых общественными организациями. Поскольку цель данного исследования не лежит в плоскости изучения данного вида взаимодействий, оно лишь упоминается для создания полной картины. В Казахстане на сегодняшний день существует такое явление как государственный социальный заказ, которое подразумевает привлечение НПО к решению задач социального характера при государственном финансировании на конкурсной основе.

7) *Глобальное гражданское общество* – данное понятие включает идею распространения принципов гражданственности, ответственности, справедливости в мировом масштабе. Его можно интерпретировать как механизм развития общественных контактов и взаимодействий на наднациональном уровне по поводу общих проблем и приоритетов [76, p. 387]. Как предполагают исследователи данного направления, глобальное гражданское общество по формам своей деятельности может включать международные общественные движения, федерации различных видов спорта, религиозные объединения, профессиональные и бизнес ассоциации, НПО международного характера деятельности [31, p. 120]. Некоторые учёные относят электронную энциклопедию Wikipedia к специфической цифровой форме глобального гражданского общества [77, p. 186]. Наиболее известными НПО глобального характера являются Greenpeace, WWF, World Economic Forum. Среди исследователей идут споры относительно реальной эффективности подобного рода объединений, поскольку наднациональный характер не всегда может способствовать выработке идентичности, а также осуществлению последовательной деятельности в рамках организации [33, p. 431]. При этом исследователь J. Scholte констатирует факт, что роль акторов глобального гражданского общества несомненна в сфере распространения демократических ценностей [33, p. 433]. Применительно к Казахстану, как представляется, данное утверждение справедливо. Глобальные НПО способствовали повышению экологической культуры населения, воспитанию ценностей ЗОЖ, приобщению к глобальным ценностям устойчивого развития.

1.2.3 Операционализация понятий в рамках теоретической модели исследования

Под гражданским обществом данное диссертационное исследование понимает следующее: гражданское общество – это такое состояние общественных, экономических, культурных, политических отношений, при котором законодательно оформлены и соблюдаются на практике права человека и гражданина, общественное политическое сознание сформировано под воздействием гражданской культуры и отвечает критериям персональной ответственности, справедливости, готовности к коллективному участию на безвозмездной основе для решения проблем локального характера, включающее в себя различного рода институты, которые являются практической площадкой для реализации интересов участников. При эмпирическом анализе данное понятие операционализируется через следующие индикаторы:

1) *институциональный уровень*: наличие и степень развитости неправительственных организаций, инициативных групп и иных форм самоорганизации граждан;

2) *правовой уровень*: субъективная оценка соблюдения прав и свобод, а также опыт их реализации или защиты;

3) *культурно-ценностный уровень*: выраженность установок на гражданскую ответственность, солидарность, справедливость;

4) *поведенческий уровень*: участие в волонтёрской деятельности, локальных инициативах, общественных проектах;

5) *уровень гражданского сознания*: готовность к безвозмездному участию в решении общественно значимых проблем, вовлечённость в коллективные действия.

Данные индикаторы используются при анализе факторов внутренней и внешней среды и их влияние на формирование гражданского общества в Казахстане.

Под термином «общественная организация» в данном исследовании понимается следующее: общественная организация (ассоциация, объединение) – это формализованное объединение граждан, обладающее внутренней структурой и иерархией управления, основанное на принципах добровольного участия, предполагающих свободу входа и выхода членов. Общественная организация функционирует в различных сферах общественной жизни – как политической, так и неполитической – и направлена на реализацию коллективных интересов своих участников. Данное понятие операционализируется через следующие индикаторы:

1) *организационная структура*: наличие формализованных органов управления, распределение ролей и уровней иерархии;

2) *принципы членства*: открытость организации, наличие процедур вступления и выхода;

3) *финансовая база*: источники финансирования (государственные средства, частные пожертвования, членские взносы);

4) *сфера деятельности*: направленность деятельности (политическая, социальная, культурная, образовательная и др.);

5) *характер участия*: степень вовлечённости членов в деятельность организации, включая регулярность участия и формы активности.

Данные индикаторы использовались при проведении глубинного интервью с представителями молодёжных общественных объединений Казахстана, а также при интервьюировании казахстанских экспертов.

Представляется необходимым определить категориальную принадлежность молодёжных общественных организаций современного Казахстана. Зачастую они именуются «НПО», хотя концептуально подобное обозначение неверно. Вероятнее всего большинство молодёжных общественных объединений уместно отнести к категории «GONGO», поскольку патронаж государства весьма существен в их деятельности. Некоторые молодёжные общественные ассоциации, имеющие чётко выраженное направление деятельности (помощь социально уязвимым категориям граждан, патронаж детских домов, приютов для животных, домов престарелых) можно включить в категорию «НКО».

Тем не менее, в целях устранения методологической неопределённости данное исследование категорирует молодёжные общественные объединения как *«civil society organizations» или «организации гражданского общества». Автором разработано оригинальное определение молодёжных общественных организаций, применяемое в данном исследовании: молодёжные общественные организации* – это организации с фиксированной структурой и уставом, имеющие внешних спонсоров как государственного, так и частного характера, включающие неформальные практики взаимодействия и вовлечения участников от 18 до 35 лет с целью гражданской безвозмездной добровольной активности неполитического характера. Данное понятие операционализируется через совокупность следующих индикаторов:

1) *организационная оформленность*: наличие устава, формализованной структуры и органов управления;

2) *возрастной состав участников*: преобладание членов в возрастной группе от 18 до 35 лет;

3) *источники финансирования*: наличие внешней поддержки (государственной и/или частной), а также возможные внутренние ресурсы;

4) *характер деятельности*: ориентация на неполитическую сферу (социальные, культурные, образовательные, волонтёрские проекты);

5) *формы участия*: реализация добровольной и безвозмездной активности;

6) *неформальные практики взаимодействия*: наличие горизонтальных связей, неформальной коммуникации, инициатив «снизу»;

7) *уровень вовлечённости*: регулярность участия членов в проектах и мероприятиях организации.

Данные индикаторы использовались при проведении оригинального социологического опроса 2019, 2023 и 2025 года, а также при проведении множественного корреляционно-регрессионного анализа его результатов.

Выводы:

1) Разграничение институтов и организаций гражданского общества позволяет точнее зафиксировать роль последних как носителей идентичности и коллективного действия, в то время как институты охватывают более широкий спектр формальных и неформальных практик. Организации гражданского общества выступают ключевым механизмом воспроизводства участия, аккумулируя ресурсы (информационные, символические, организационные) и формируя устойчивое чувство принадлежности у своих членов.

2) Организационная структура общественных объединений является производной от политической и социокультурной среды, а не исключительно результатом рационального выбора акторов. В условиях ограниченной или враждебной политической среды преобладают иерархические и централизованные модели, повышающие выживаемость организаций, тогда как инклюзивная среда способствует распространению более горизонтальных и сетевых форм. Сетевая (гибридная) модель общественной организации демонстрирует высокую адаптивность и инновационный потенциал, особенно в условиях ad hoc активности, однако её ограниченная способность к долгосрочному воспроизводству идентичности снижает её значение как устойчивого институционального основания политической культуры. Тем самым эффективность организации оказывается связанной не только с её гибкостью, но и с возможностью институционализации.

3) В общественно-политических условиях современного Казахстана среди общественных объединений преобладают иерархизированные формы, что может быть объяснено давлением факторов внешней среды (государственное вмешательство), дефицитом ценностей персональной ответственности и инициативности участников (фактор внутренней среды), а также исторически сложившимися представлениями о «работоспособной» организационной форме. Многие общественные организации в Казахстане занимают промежуточное положение между НПО, НКО и GONGO, что делает целесообразным использование обобщающего термина *civil society organizations* как аналитически более корректного. В целом, несмотря на то, что многие молодёжные общественные организации привлекают участников на безвозмездной основе (Лига Волонтёров), они, зачастую, получают государственное финансирование в рамках различных программ по продвижению идей добровольчества в РК. В условиях казахстанской политической системы, которая является достаточно неинклюзивной, забюрократизированной и недружелюбной для общественных организаций, подобный фактор необходим для существования организации. Кроме того, существенный государственный контроль за деятельностью институтов гражданского общества, ценностями, распространяемыми ими, сферами деятельности, также приводит к зависимости институтов гражданского

общества от государства и низкой степени их самостоятельности. Позиция государства в данных обстоятельствах заключается в необходимости сохранения безопасности и стабильности политической системы, что ингибирует гражданскую институционализированную инициативу «снизу». Это может являться одной из причин перехода к неинституционализированным формам гражданской активности, как показали результаты авторского социологического опроса 2025 года, приведённые в Главе 3 настоящего исследования.

1.3 Факторы внутренней среды в формировании институтов гражданского общества

В качестве теоретико-методологической базы для изучения данного аспекта исследуются *два противостоящих друг другу подхода – 1) теория рационального выбора; 2) сетевой институционализм*. Теория рационального выбора утверждает, что в решении участвовать в деятельности общественной организации основную роль играют материальные факторы, то есть, выгода, которую индивид может получить. Эмоции, привязанности, иррациональные чувства не имеют значения при принятии такого решения [78, p. 36]. Данная теория приемлема при описании одномоментного несистематического действия. В современных казахстанских реалиях данная теория не представляется релевантной базой для теоретического анализа, так как по результатам оригинального социологического исследования, значительное количество молодых людей в Казахстане выбирает неучастие (см. Главу 3 настоящего исследования). Сетевой институционализм критикует теорию рационального выбора за игнорирование иррациональных факторов, мотивирующих участие. Согласно ей, индивиды действуют и принимают решения в зависимости от социально-политического контекста. Решение участвовать в деятельности того или иного института зависит от ожиданий индивида и предполагаемого итога его участия. Зачастую у новичков опыт этого общения определяет дальнейшее решение участвовать [79, p. 331]. Эмпирические данные, полученные в ходе оригинального социологического исследования, подтверждающие этот тезис, рассматриваются в главе 3 диссертационного исследования.

На данный момент в политических науках отсутствует единый консенсус относительно предпочтительности того или иного теоретического подхода. Исходя из предположения, что функционирование эффективного гражданского общества опирается на добровольное и безвозмездное участие, в рамках настоящего исследования наиболее оправданным представляется использование теории идентичности. Данный подход позволяет выявить существующие проблемы формирования гражданской институциональной идентичности молодёжи в современном Казахстане, а также сложности, связанные с эффективностью деятельности молодёжных общественных объединений.

Рассматривается определение термина «идентичность» в контексте *сетевого институционализма*. Это процесс, при котором участники осознают себя и признаются другими как часть общей группы, имея эмоциональную связь с последней [79, p. 332]. Формирование идентичности включает в себя стремление с одной стороны, отделить себя от остальных, с другой стороны, быть их частью [80, p. 104]. Группы, объединяющие индивидов, нельзя сводить к какому-либо единственному связующему признаку (класс, пол, этничность, возраст). Институциональная идентичность может быть основана на разделяемых ориентациях, ценностях, отношении, мировоззрении, равно как и на предыдущем опыте участия. Зачастую ценности, установки, предпочтения индивидов переплетены столь тесно, что реализовать их способны лишь несколько институтов. Кроме идентичности участников, общественная организация сама должна обладать идентичностью, заявляя о себе миру посредством определённых действий [79, p. 333]. Нельзя сводить формирование идентичности лишь к персональному отношению индивида к определённому институту [80, p. 104]. Таким образом, идентичность – это процесс, при котором индивид, взаимодействуя с другими, осознаёт и определяет собственные цели и задачи в рамках общественной организации, результаты своей деятельности, цели и задачи общественной организации как коллективного актора, а также систему общественно-политических отношений, в рамках которых функционируют эти организации.

Знания или информация, имеющаяся у индивидов, формирует их мировоззрение относительно институтов гражданского общества. Согласно теории сетевого институционализма, институты гражданского общества способны формировать массив знаний у участников, касающиеся политических, общественных, экономических проблем общества и государства. Особенность этого вида знания в том, что их едва ли можно получить в учреждениях образования. Это знания, показывающие возможности гражданского общества на практике, а также способности граждан решить свои проблемы и отстоять интересы, исходя из состояния политической системы [17, с. 362]. Важность данных знаний заключается в том, что, с одной стороны, участвуя, граждане интересуются правовой, политической, экономической информацией по рассматриваемому вопросу. Они читают газеты, заявления чиновников, интервью бизнесменов, так или иначе связанных с вопросом, смотрят новости. С другой стороны, приступая к практической реализации, граждане проходят определённый путь к достижению своей цели и овладевают эмпирическими знаниями. Как представляется, если граждане участвуют в деятельности уже состоявшейся общественной организации, процесс приобретения знаний и навыков гражданского участия происходит быстрее. В дальнейшем, социально активные граждане, скорее всего, лучше информированы о политической системе, более социально и политически активны. Наиболее важным в данном контексте представляется осознание гражданами общего блага, его совместимость с личным благом, возможности их сочетания [17, с. 365].

Сетевой институционализм предполагает, что общественные организации способны *научить людей быть гражданами, воспитать у них гражданскую культуру и гражданское поведение*. Участвуя, люди учатся слушать альтернативную точку зрения, искать компромисс для решения общей проблемы. В данном контексте под *гражданской культурой (civicness)* подразумеваются стойкие намерения активно участвовать в преобразовании социальной и политической системы; под *гражданским поведением (civility)* – цивилизованные контакты лицом к лицу с представителями общественных организаций и государственных институтов, имеющих отношение к проблеме и способных её решить [81, p. 608]. Предполагается, что в процессе деятельности в рамках институтов гражданского общества, индивид учится быть гражданином именно с точки зрения гражданского общества, но не государства. Каковы специфические черты гражданина с позиции гражданского общества? Во-первых, регулярная политическая активность не только в периоды электорального цикла. Во-вторых, гражданский долг, выражающийся в подчинении законам. В-третьих, социальная ответственность, проявляющаяся в заботе об окружающей среде, толерантности, добровольной помощи нуждающимся в кризисных ситуациях (природные и техногенные катастрофы) [82, p. 766]. В РК понятие «гражданин» рассматривается преимущественно с позиции государства, но не гражданского общества, хотя, в последнее время, данный подход стал меняться. С точки зрения первого Президента РК Н. Назарбаева: «Идеалом нашего общества должен стать казахстанец, знающий свои историю, язык, культуру, при этом современный, владеющий иностранными языками, имеющий передовые и глобальные взгляды» [83]. По мнению Президента РК К-Ж. Токаева, активная гражданская позиция, наряду с трудолюбием, ответственностью, дисциплиной, патриотизмом, образованностью и единством, являются чертами современного гражданина РК [84]. Таким образом, подход государства в Казахстане эволюционирует в сторону усиления роли гражданского общества в формировании идентичности граждан через активную гражданскую позицию, что может подразумевать участие в общественных организациях. В ходе зарубежных социологических исследований выяснилось, что респонденты с высшим образованием считают, что гражданин, в первую очередь, должен быть политически активен и проявлять социальную ответственность. В то время как респонденты без высшего образования считали законопослушание наиболее выраженным качеством гражданина [82, p. 776]. Подобной статистики в Казахстане пока нет. Проведя анализ блогосферы Казахстана, автор данного исследования выяснила, что гражданин Казахстана глазами блогеров представляет собой человека, любящего и уважающего свою родину, знающего историю, чтобы иметь возможность понять происходящее сегодня, почитающего законы государства и готового защищать его в случае необходимости [85, с. 119]. Таким образом, идея, высказанная К-Ж. Токаевым ближе первой группе респондентов зарубежных исследований, в то время, как позиция блогеров ближе к второй группе.

Весьма интересен тот факт, что *идентичность* участника с какой-либо общественной организацией одновременно *статична и динамична*. С одной стороны, идентичность, будучи однажды выработанной, достаточно устойчива. С другой стороны, она подвержена влиянию внешней среды, как со стороны института, организации, других участников, так и со стороны общественно-политического пространства. Идентификация с институтом гражданского общества вовсе не означает системного и глубинного принятия индивидом всех ценностей института. Она не способна отвратить его от других институтов и участия в них. Следовательно, идентичность полицентрична [17, с. 98]. Сформированная институциональная и гражданская идентичность способна снизить сложности и потенциальные издержки участия – материальные, физические, временные и душевные [17, с. 102]. Институциональная идентичность не возникает в случае, если участники не называют организацию «мы» и себя как её членов. Соответственно, наличия лишь общих целей недостаточно. Необходим сформированный кластер солидарности индивида с группой [17, с. 94], хотя, постоянное существование коллективного «мы» едва ли возможно [86, p. 109].

С точки зрения сетевого институционализма, проблема казахстанских институтов гражданского общества заключается в том, что деятельность общественных организаций зачастую не носит системного характера. Поскольку идентичность участников института формируется в процессе участия, которое должно быть длительным и насыщенным событиями, несистемное функционирование общественных организаций вообще, и молодёжных общественных организаций в частности, препятствует созданию достаточно прочной базы для эффективного формирования идентичности участников. Как представляется, именно по этой причине, в молодёжной среде гражданская культура развита достаточно слабо, что, в свою очередь, порождает недостаточное развитие молодёжных добровольных ассоциаций «снизу». Результаты оригинального социологического опроса 2025 года (см. Главу 3) показывают, что существует тенденция на формирование гражданской культуры молодёжи в результате неинституционализированного гражданского участия, то есть институты гражданского общества не играют значимой роли в воспитании гражданской политической культуры в молодёжной социальной группе. Это может говорить о том, что в молодёжной среде молодёжные общественные организации воспринимаются как GONGO и транслируют интересы государства «сверху-вниз», но не является НПО, созданными с целью общественного контроля и решения проблем «снизу-вверх». Соответственно, у определённой части молодёжной группы есть запрос на участие, однако, она стремится реализовать его самостоятельно, минуя институты гражданского общества (см. Главу 3).

В данном контексте сетевой институционализм критикуется его оппонентами, которые полагают, что в практической плоскости так называемое «негражданское» или массовое общество, состоящее из хаотичных индивидов, более многочисленно, чем гражданское общество. Часто участники институтов

гражданского общества пассивны, инертны, эмоционально отдалены от общественной организации, поскольку участвуют либо от безысходности, либо по принуждению (авторитарные государства) [87, p. 24]. Наиболее успешные общественные объединения, как правило, очень большие (национального уровня), они управляются профессионалами. Их основная цель – сохранить живучесть организации. В силу своего размера она поглощает индивидуального участника и не уделяет ему достаточно внимания, и, в конечном счёте, не способствует развитию у него навыков гражданского поведения [88, p. 71]. Плюрализм институтов гражданского общества и децентрализованный характер их взаимодействия, обусловленные высокой степенью институциональной фрагментарности, не способствуют формированию устойчивых норм поведения, а, следовательно, не обеспечивают консолидацию идентичности участников и развитие их гражданской культуры [89, p. 458]. Наконец, наблюдается пробел в данных и отсутствие доказанной прямой зависимости между гражданским поведением в рамках институтов гражданского общества и вне его, перестав быть частью института, индивид не обязательно сохранит желание активно действовать самостоятельно [17, с. 291].

Подытоживая, исследователи делают акцент на том, что воспитание гражданской культуры населения должно идти параллельно с развитием демократических институтов и правового государства. В случае преобладания GONGO, созданных с целью формирования гражданской культуры, гражданского поведения и идентичности участников, государство оказывает давление на сферу деятельности гражданского общества, нарушая саму идею существования гражданского общества [90, p. 32]. В авторитарных политических контекстах доминирование GONGO способно положительно повлиять на формирование гражданкой идентичности участников, однако, долгосрочный эффект поддержания гражданской идентичности в условиях низкой развитости правового государства, хаотичной и несистемной работы организаций является дискуссионным [91, p. 533].

Выводы:

1) Формирование гражданской идентичности в рамках институтов гражданского общества не может быть адекватно объяснено исключительно через логику рационального выбора, поскольку устойчивое участие и вовлечённость индивидов выходят за пределы материальной выгоды и инструментальной рациональности. Теория сетевого институционализма обладает более высоким объяснительным потенциалом применительно к добровольному и безвозмездному участию, так как позволяет учитывать эмоциональные связи, ценностные ориентации, опыт взаимодействия и социально-политический контекст, в рамках которого индивид принимает решение о включённости в деятельность институтов гражданского общества.

2) Институциональная идентичность носит полицентричный характер, формируясь не как простая сумма индивидуальных установок, а как результат длительного взаимодействия между участниками, общественной организацией и внешней средой. Она предполагает одновременное существование

устойчивости и изменчивости, а также возможность множественной идентификации индивида с различными институтами. Ключевым условием её формирования выступает наличие коллективного «мы», основанного не только на общих целях, но и на солидарных связях и совместно переживаемом опыте.

3) Институты гражданского общества выполняют уникальную образовательную и социализирующую функцию, формируя у участников специфические знания и навыки гражданского участия. Через сочетание информационного и эмпирического опыта участия институты гражданского общества способствуют развитию гражданской культуры и гражданского поведения участников, включая способность к диалогу, поиску компромиссов и осмыслению соотношения личного и общественного блага.

4) Специфика казахстанских институтов гражданского общества, особенно молодёжных общественных организаций, заключается в несистемности и эпизодичности деятельности, что препятствует формированию устойчивой институциональной и гражданской идентичности участников. Доминирование государственных инициатив в сфере создания и поддержки институтов гражданского общества отражает стремление государства к управляемой гражданской социализации молодёжи, однако одновременно порождает структурное противоречие между логикой гражданского общества и практиками государственного вмешательства, способного подрывать автономию институтов гражданского общества и саму основу формирования подлинной гражданской культуры.

5) Множественные государственные инициативы, направленные на активизацию добровольчества, улучшение функционирования институтов гражданского общества, повышение политической и гражданской грамотности и активности молодёжи (Закон «Об общественном контроле 2023-2024 года», обновлённая Концепция развития гражданского общества (2023-2025 год), гранты для НПО в рамках ЦПГИ) и существующие в рамках концепции «Закон и порядок», на данный момент, не стимулировали рост интереса к гражданскому вовлечению у молодёжи. По-видимому, индивидуальный опыт участия является более значимым в формировании гражданской идентичности и политической культуры, соответственно, большей склонности к участию.

1.4 Факторы внешней среды как детерминанты формирования гражданского общества в Казахстане: критический анализ

1.4.1 Исторические факторы

Поскольку Казахстан является постсоветским государством, рассмотрим влияние коммунистической *идеологии* и *советской политической системы*, так как используемый в диссертации подход Path Dependence указывает на значимость пройденного исторического пути развития государства и его институтов при характеристике и анализе их современного состояния.

Согласно исследованиям, проведённым в странах Восточной Европы (бывших членах социалистического блока), выяснилось, что среди множества

факторов экономического, политического и культурного характера, наиболее существенную роль в определении степени развитости гражданского общества и гражданской активности в целом играет тип политического режима, существовавший в государстве ранее [92, p. 81-90]. Данное исследование было посвящено бывшим социалистическим странам Европы и постсоветской России. В рамках настоящего диссертационного исследования используются те его результаты, что обладают релевантностью.

Во-первых, в силу тоталитарного характера политического режима, государство в лице Коммунистической партии СССР контролировало все сферы жизнедеятельности граждан, включая их гражданскую активность. Существовала достаточно разветвлённая сеть профсоюзов, клубов спортивного характера, клубов по интересам и молодёжных общественных объединений. Однако, все они создавались по распоряжению и под контролем КПСС, и участие граждан в них было обязательно-принудительным. Отказ от участия мог повлечь неприятности на работе и сложности в карьере [93, p. 76]. Как полагают авторы исследования, это вынуждало людей приспосабливаться и участвовать в объединениях против своей воли, чтобы избегать проблем. Естественно, их активность была крайне низкой, ограничивалась лишь выплатой членских взносов, которые иногда отчислялись от заработной платы вне зависимости от желания человека [17, с. 140]. Соответственно, после исчезновения политической системы социалистического типа, государственной идеологии и становления демократической системы, предусматривающей выбор, у граждан появилась возможность, наряду с гражданским участием, выбрать неучастие. Неучастие казалось более привлекательным, так как предыдущий опыт был скорее негативным. По-видимому, этим можно объяснить невысокий уровень активности казахстанцев в целом, их низкий уровень доверия различным общественно-политическим объединениям. В массовом сознании граждан институты гражданского общества продолжают восприниматься преимущественно как формальные и обязательные элементы общественно-политической системы, ассоциируемые с механизмами государственного контроля над частной сферой жизни. При этом их функциональное назначение как инструментов оптимизации социальных взаимодействий и повышения качества жизни нередко игнорируется, а участие в их деятельности интерпретируется как инициированное и навязанное государством. Данная точка зрения подтверждается разработками отечественных учёных. В частности, согласно мнению Ю. Булуктаева: «Пока для значительной части населения республики характерен отчуждённый (пассивно-отстранённый) тип отношения к институтам гражданского общества. Для этого типа характерна осознанная враждебно-отстранённая позиция по отношению к любым видам общественной деятельности, к участию в любой совокупности личностей, объединяемой общностью интересов или ставящих перед собой некие общие цели, а, следовательно, и по отношению к обществу в целом. Можно предположить, что по мере повышения эффективности гражданских институтов всё больший удельный вес приобретает включённо-

пассивный тип, который отличается более или менее устойчивым участием в группах и организациях, объединяемых совпадением конкретных интересов или очевидной необходимости коллективных действий в их защиту. При этом будет преобладать относительно низкая степень включённости, не выходящая за рамки формальной принадлежности к общественным организациям» [48, с. 196].

В современных постсоветских государствах наиболее эффективными являются общественные объединения, созданные «сверху» при непосредственном участии государства. Несмотря на то что действующие конституции указанных государств (включая Казахстан) закрепляют их демократический характер и, следовательно, предполагают наличие у граждан соответствующего комплекса прав и свобод, на практике наблюдается тенденция к их реализации преимущественно в формах, не связанных с гражданским участием, коллективным действием и вовлечённостью в деятельность институтов гражданского общества. Вместо этого граждане демонстрируют склонность к индивидуализированным стратегиям поведения, ориентированным на опору на собственные ресурсы.

Во-вторых, плановая экономика коммунистических государств Восточной Европы и СССР способствовала появлению дефицита некоторых товаров широкого потребления, что открывало возможности различного рода спекуляциям. Соответственно, ценились дружеские контакты с теми людьми, кто в силу занимаемой должности, либо высокой мобильности мог иметь доступ к дефицитным товарам. Именно такие неформальные, неофициальные связи являлись ценностью, и люди стремились ими обзавестись [17, с. 140].

В-третьих, в силу тотального контроля за общественной жизнью, люди могли относительно свободно высказывать свои мысли, которые, к примеру, шли вразрез с официальной пропагандой, лишь в кругу семьи [94, p. 79]. Следовательно, семья играла роль той формы объединения, где существовала почва для политических и общественных дискуссий. Тем не менее, практически никаких прикладных шагов в общественно-политической сфере граждане не стремились осуществить из опасения за свою карьеру, свободу, жизнь и благополучие своих близких.

В-четвёртых, некоторый всплеск гражданской активности в Казахстане после 1991 года (см. Рисунок 1) можно объяснить разочарованием в социалистической политической системе, демократизацией общественно-политической жизни и появившимися возможностями создавать объединения, способные оказывать влияние на текущие политические процессы. Однако, в 1993-1995 годы наблюдается спад активности, который, по-видимому, коренится в том, что люди не увидели практического долговременного эффекта от деятельности новых, созданных при их участии, институтов гражданского общества [17, с. 141].

Таким образом, вывод заключается в том, что у граждан бывших социалистических государств сформировалось стойкое недоверие к различным общественным и иным объединениям и сохранилось доверие к родственникам

и близким друзьям. Благодаря именно этим связям, люди чувствуют, что смогут решить свои проблемы, обеспечить себя какими-либо благами (вещами, информацией, положением) [17, с. 141]. Такие связи R. Putnam называет сильными горизонтальными связями [7, p. 52]; он полагает, что они слабо способствуют развитию независимого, автономного и справедливого гражданского общества. В силу традиционных этнических особенностей казахов, семья и клан играли ключевую роль для индивида, так как от них зависело физическое выживание отдельного члена рода. Соответственно, до настоящего времени сильные связи, основанные на личном близком знакомстве и родственных узах, достаточно влиятельны в Казахстане.

В западной политической науке существует множество точек зрения относительно того, что стратегии деятельности общественных объединений подвержены влиянию исторического этапа развития государства, а также воздействию национальной политической культуры [95, p. 279]. Согласно гипотезе H. Kriesi, государства, ориентированные на политическую эксклюзивность (преимущественно с закрытым типом политической системы), имеют идеологически гомогенное правительство и состояние конфликта с оппонентами [96, p. 300]. В системе подобного рода гражданское общество воспринимается как оппозиция и антагонист государству, соответственно, возможен конфликт между властью и институтами гражданского общества. В противоположность этому, в условиях ориентации политической системы на инклюзивность и идеологическую гетерогенность правительства, гражданское общество выступает лишь одним из акторов политического процесса, даже в тех случаях, когда его институты придерживаются альтернативных позиций по ряду общественно значимых вопросов. Поскольку молодые демократические государства, к которым относится современный Казахстан, встают на путь инклюзивности, они неохотно воспринимают нарождающиеся институты гражданского общества, особенно созданные «снизу», возможно, рассматривая их как дестабилизирующий фактор, который не способствует развитию демократии, но, напротив, препятствует этому процессу [9, p. 207]. Будучи весьма молодой по историческим меркам демократией, Казахстан на сегодняшний день, можно охарактеризовать как переходный этап от неинклюзивного типа к инклюзивному. Определённая настороженность власти по отношению к гражданскому обществу всё ещё присутствует, однако, её уровень постепенно снижается.

1.4.2 Социально-экономические факторы

Далее диссертационное исследование рассматривает *общественные и экономические условия развития постсоветского Казахстана* с целью проследить возможные предпосылки для формирования институтов гражданского общества.

После обретения независимости в обществе Казахстана можно проследить несколько направлений в общественной и экономической сфере. Во-первых, с распадом СССР закончилась эпоха экономического и товарного

дефицита. Казахстан перешёл к рыночной экономике, однако, по причине экономического кризиса 1990-х годов, изобилия (а, зачастую, и необходимой достаточности товаров широкого потребления) не наблюдалось. Следовательно, потребность в связях с людьми, имеющими возможность достать необходимые вещи, сохранялась в сознании граждан молодой республики и в первые годы независимости. Во-вторых, в силу экономических проблем, заработная плата работников бюджетной сферы была невысока (см. Рисунок 3). Люди вынуждены были либо набирать дополнительную рабочую нагрузку, либо открывать свой бизнес (что было достаточно сложно сделать в силу отсутствия необходимых навыков капиталистической и рыночной культуры, бюрократичности процедуры), дабы улучшить своё благосостояние.

Данная ситуация не способствовала высвобождению большого количества свободного времени. Почему это может быть значимо в рамках данного аспекта анализа? Существует подход, берущий начало в западной интеллектуальной традиции и восходящий к античной Греции, когда работа рассматривалась как удел животных и рабов, в то время как свободные граждане имели досуг, чтобы заниматься делами полиса, соответственно, быть акторами гражданского общества. Современная западная политологическая традиция как наследница этого подхода чётко разделяет работу и гражданскую деятельность, в том числе в рамках институтов гражданского общества [20, p. 44]. Гражданская активность не воспринимается как работа. Гражданин может собираться вместе с другими гражданами в общественных местах (библиотеках, парках, кафе) и обсуждать волнующие их проблемы, а также возможные пути решения, наряду с организацией общественных объединений с целью институционализации гражданского участия [17, с. 25-26].

После преодоления острой фазы экономического кризиса (ориентировочно к началу 2000-х гг.) в Казахстане начинает формироваться культура общества потребления, характеризующаяся ориентацией на краткосрочные жизненные стратегии, снижением значимости долгосрочного планирования и переориентацией досуговых практик на потребление товаров, услуг и индустрии развлечений. Причина в том, что экономический кризис начала 1990-х годов не позволял большинству населения потреблять то, что хочется в необходимом объёме. Кроме того, периодические экономические сложности, возникающие в Казахстане по причине мировых экономических проблем, не формируют у граждан ощущения долговременной стабильности. Политика в глазах граждан остаётся сферой действия государства, работа – бизнеса и экономики, а социальная и гражданская сфера принадлежит гражданскому обществу. Гражданам нет необходимости вмешиваться в какую-либо из этих сфер.

С точки зрения социальных условий, образованные в 1990-е годы общественные объединения граждан оказались неспособны поддержать и канализировать интересы граждан в преодолении социальной разобщённости, социального отчуждения, а также решения экономических проблем граждан [52, с. 127].

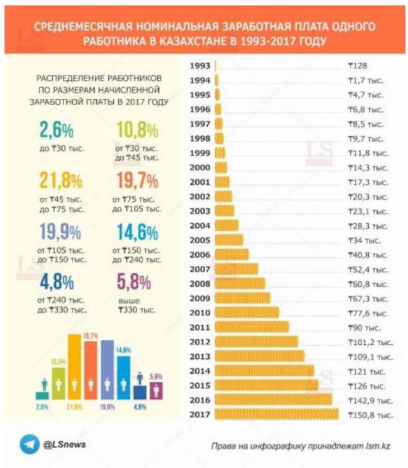


Рисунок 3 – Среднемесячная номинальная заработная плата на одного работника в Казахстане в 1993-2017 гг. Источник: официальный сайт БНС АСПиР РК

1.4.3 Аксиологические факторы

В западной политологической литературе значительное внимание уделяется *аксиологическим факторам социальной среды*. Ценности являются тем фундаментом, который позволяет преодолеть кризисные ситуации (прежде всего, состояние социальной аномии), определить ориентиры для индивида, группы, организации, государства и общества, и направление их развития.

Весьма интересно разграничение ценностей на две категории: материалистические и постматериалистические. Первые характеризуют удовлетворение, прежде всего, экономических (материальных) потребностей. Это означает, что для среднестатистического гражданина самой главной ценностью являются деньги, их необходимое количество для приобретения продуктов питания, одежды, крова. Деятельность, не дающая материальной выгоды, но несущая личностное развитие, не рассматривается как ценность. В эпоху глобализации и быстрого технологического развития, голод и немедленная смерть уже не угрожают подавляющему большинству населения планеты. Материальные блага становятся всё доступнее. Следовательно, в развитых, и в значительной степени, в развивающихся странах, всё большее значение начинают приобретать постматериалистические ценности. Они нацелены на удовлетворение потребности самовыражения посредством вовлечения и активного участия в общественно-политической жизни [12, с. 68]. Как представляется, в современном Казахстане, в основном, постматериалистические ценности распространены в среде городской молодёжи, материалистические – в среде сельской. Однако, проблема в том, что постматериалистические ценности трудно выделить в особую категорию, поскольку, они, зачастую, слабо выражены.

Согласно исследованию немецких учёных R. Inglehart и C. Welzel, в 2019 году 93,5% казахстанцев поставили семью на первое место в списке ценностей. Работа занимает второе место, она имеет ценность для 49,2% опрошенных. Досуг занял третье место (35,5%), политика же оказалась на последнем месте

по значимости для казахстанцев. Лишь 13,5% респондентов указали её как имеющую для них важность [97]. Согласно культурной карте мира, составленной R. Inglehart и C. Welzel, Казахстан медленно движется от традиционных ценностей к секулярно-рациональным (см. Рисунок 4) [97]. В 2010-2014 году традиционные ценности находились на уровне -0.3, в 2017-2020 годах – -0.2 (см. Рисунок 5). Чем ближе показатель к нулю, тем выше ценятся секулярные ориентации в обществе. Однако, ценности самовыражения менее значимы для казахстанцев, чем ценности выживания. В 2010-2014 году показатель самовыражения был -0.6, и в 2017-2020 году он не изменился [97]. Следовательно, экономическая и физическая безопасность сохраняет свою значимость для казахстанцев. Граждане республики не стремятся участвовать в политике и социальной жизни. Данные этого исследования совпадают с результатами оригинального социологического исследования и глубинных интервью представителей молодёжных общественных организаций (см. Главу 3).

Будучи открытым государством, Казахстан с момента обретения независимости оказался под влиянием глобализации. В данном контексте диссертационное исследование интересует информационная составляющая, способствующая формированию глобального унифицированного информационного и интеллектуального пространства на базе информационных технологий [98, с. 356]. Учёный F. Webster в книге «Теория информационного общества» определяет глобализацию как процесс роста взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений параллельно с ростом интеграции социо-экономической жизни [99, с. 227]. Исследователь R. Robertson считал, что западные ценности самовыражения и либеральной демократии, распространяясь, проходят через фильтр локальных социальных и культурных условий нелиберальных стран [100]. Следовательно, они приобретают различную окраску в разных государствах. Согласно этой точке зрения, либерально-демократические ценности, пройдя форматирование местной культурной спецификой, становятся более приемлемыми для локальных условий [7, p. 52].

В сферу анализа аксиологических факторов входит также теория социального капитала. Он рассматривается как один из столпов действенного гражданского общества. Социальный капитал определяется как совокупность норм и сетевых отношений между индивидами, которые позволяют им действовать коллективно [101, p. 327]. Учёные выделают также «физический капитал» - уровень развития различной инфраструктуры и «человеческий капитал» - уровень развитости и доступности образования и здравоохранения [17, с. 199]. Согласно Отчёту о развитии человечества в рамках Программы развития ООН, Казахстан по Индексу человеческого развития занимает 56 место в мире. Среднее образование имеет 100% населения страны, высшее – 46% [102].

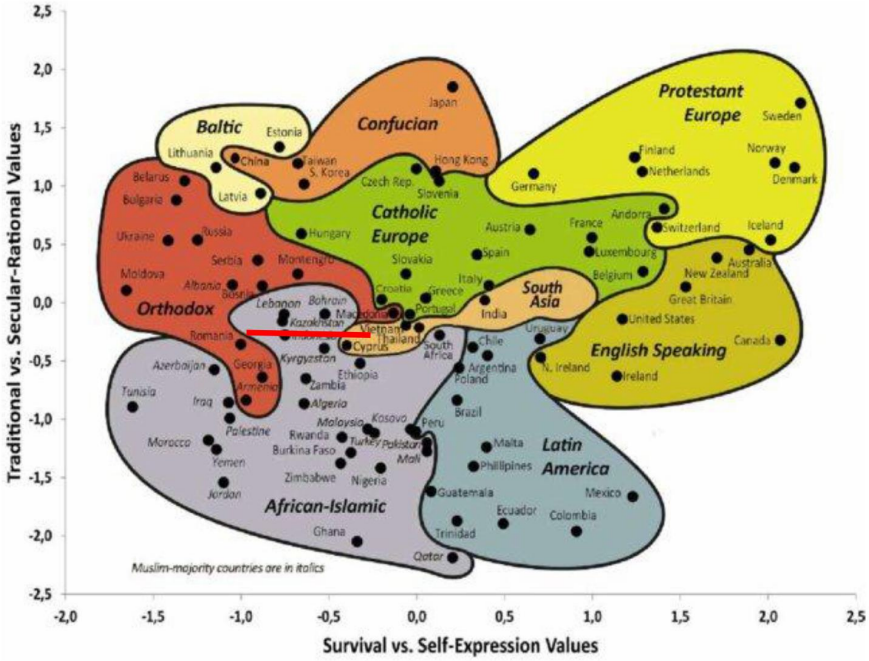


Рисунок 4 – Карта мировых культурных ценностей R. Inglehart и C. Welzel (2010–2014 гг.). Источник: официальный сайт World Values Survey

Влияние социального контекста на ценности, ориентации и выбор индивида (и, в конечном счёте, на гражданское общество) описывали различные учёные, такие как Аристотель, David Hume, Alexis de Tocqueville. Наиболее полно концепцию социального капитала развил R. Putnam. Он, в частности, утверждает, что социальный капитал стимулирует создание местных гражданских, общественно-политических институтов, которые продвигают модернизацию «снизу» и делают демократию работоспособной [7, p. 32]. Социальный капитал, основанный на доверии, слабых и (иногда) сильных горизонтальных связях, способствует созданию относительно равных возможностей для участия всех граждан, безотносительно от их экономического, социального, профессионального статуса [7, p. 36]. Он позволяет индивидам осознать собственную ответственность за свои действия и укрепляет их в осознании значимости и эффективности собственных усилий в решении локальных проблем. Помимо этого, социальный капитал способен распространять идеи культуры гражданского участия в обществе, способствуя его модернизации [101, p. 329]. Социальный капитал стимулирует снижение разделительных линий в обществе, преодолевает его атомизацию.

Почему социальный капитал так важен? Исследования выявляют тесную связь между доверием (социальным доверием в терминологии R. Putnam) и гражданским участием – чем более тесная и густая сеть гражданских ассоциаций в государстве, тем более граждане склонны доверять друг другу [103, с. 145]. Помимо этого, социальный капитал способствует формированию норм и ценностей гражданского общества, и, в конечном счёте, гражданской культуры.

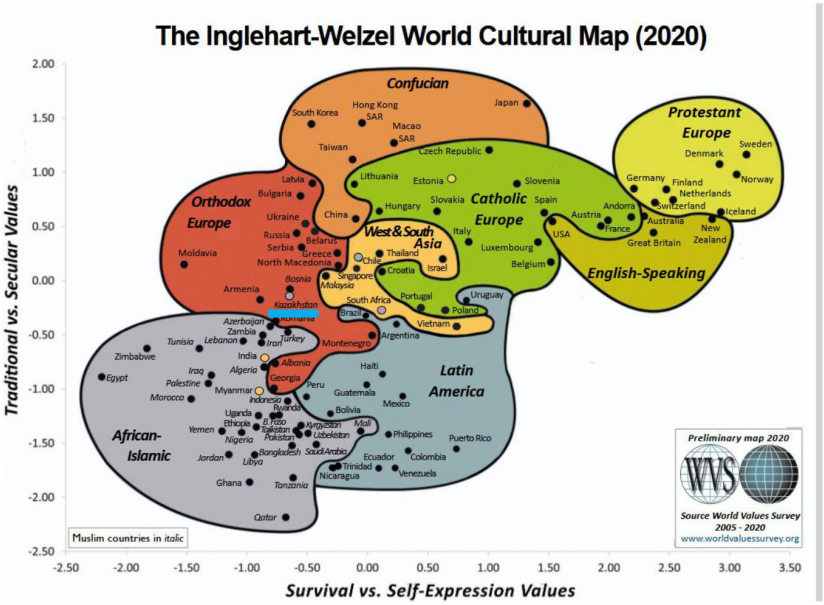


Рисунок 5 – Карта мировых культурных ценностей R. Inglehart и C. Welzel (2017–2020 гг.). Источник: официальный сайт World Values Survey

Проблема казахстанских институтов гражданского общества в контексте социального капитала, горизонтальных связей и ценностей гражданской политической культуры и поведения заключается в том, что вертикальные связи и отношения (патрон-клиентские) доминируют над горизонтальными (в особенности, слабыми горизонтальными). Тогда как мировой теоретический и прикладной опыт свидетельствует о том, что действенное гражданское общество возникает там, где горизонтальные отношения преобладают над вертикальными [36, с. 153].

По мнению К. Габдуллиной, в Казахстане недостаточно оформились социальные группы частных интересов [104, с. 99-103]. Соответственно, данный факт не способствует созданию прочной платформы для развития гражданского общества. Частные социальные интересы зачастую неопределённы, аморфны, узки. С этим связан низкий уровень культуры социального взаимодействия, отсутствие осознания частных интересов как составной части целостной системы интересов, направленных на общее благо и достижение его посредством зрелого гражданского общества. Прогноз социолога говорит о том, что при таких условиях, формирование эффективного гражданского общества займёт несколько десятилетий [104, с. 99-103].

1.4.4 Политические и правовые факторы

Далее рассматриваются политические и правовые условия для образования и функционирования институтов гражданского общества (общественных организаций).

В рамках данного раздела диссертационного исследования приоритетное внимание уделяется анализу факторов политической и правовой среды. Политическая среда рассматривается через призму характеристик

политической системы и политического режима, тогда как правовая среда – посредством оценки нормативно-правовой базы республики, регулирующей деятельность общественных организаций и функционирование институтов гражданского общества в целом.

Известный французский исследователь Alexis de Tocqueville высказывал предположение о том, что при «слабой» государственной власти возможно существование «сильного» гражданского общества (например, в США) и, наоборот, при «сильной» государственной власти – «слабое» гражданское общество (например, во Франции) [105, p. 202]. Что это означает? «Слабая» государственная власть, в данной трактовке, предполагает разделение полномочий между многими участниками. Соответственно, система имеет достаточно слабую иерархизированность, ответственность в ней множественна, контроль за исполнением принятых решений в значительной степени возложен на гражданское общество. Поэтому оно называется «сильным», то есть обладающим широким объёмом полномочий, хотя и более узким, чем государственная власть. В её руках сохраняется важнейшая функция принятия решения и осуществления наказания за его неисполнение. В случае с «сильной» государственной властью, гражданское общество имеет крайне ограниченный круг обязанностей и полномочий. Власть слабо стремится к сотрудничеству с ним и неохотно идёт на него, как правило, лишь в случае острой необходимости. Данный подход критиковался в XX веке [106, p. 170-173]. Тем не менее, в литературе сформировалось направление «a Tocquevillian», при котором «открытость» политической системы определяется количеством точек доступа к ней. Основная идея в том, что чем больше участников разделяют власть, и, соответственно, ответственность, тем больше шансов у общественных организаций получить доступ к системе. Эта гипотеза рассматривает три основных кластера: 1) территориальную децентрализацию власти; 2) функциональное рассредоточение власти; 3) объём власти в руках государства [107, p. 468]. *Первый кластер* заявляет, что чем больше власть рассредоточена по регионам, тем больше у общественных организаций возможности получить доступ к процессу принятия решения. Чем более открыта власть, чем больше полномочий передаётся от центра к периферии, тем более система открыта для давления на неё «снизу». Под давлением понимается возможность гражданского общества эффективно воздействовать на политическую систему. Следуя этой логике, федеративные государства представляют собой более открытые системы, чем централизованные (унитарные) [107, p. 470]. Соответственно, поскольку Казахстан – унитарное государство с достаточно жёсткой централизацией, подобную систему, согласно данной концепции, нельзя отнести к открытому типу. *Второй кластер* утверждает, что чем более независимыми являются ветви власти, чем более независимы в них отдельные акторы, тем больше открывается каналов для доступа к процессу принятия решения [107, p. 471]. Соответственно, уровень доступа к системе выше в парламентских республиках, где представительный орган имеет больше полномочий, чем президент; в президентских республиках

этот уровень ниже. Согласно Конституции, Казахстан является республикой с президентской формой правления [108, с. 2]. Следуя данному подходу, в республике меньше возможностей для доступа к процессу принятия решения. Затем политическая культура (традиции политического лидерства, превалирование индивидуалистического или коллективистского) воздействует, в свою очередь, на структуру власти и отношения внутри структуры [107, p. 473]. В Казахстане в силу особенностей исторического развития, культурных и поведенческих моделей, достаточно сильны позиции активного политического лидерства (то есть доминирующего решения и ответственности одного человека, стоящего на вершине политической иерархии) и достаточно слабы традиции диверсификации власти, то есть её распределения (а наравне с нею и ответственности) по политической системе, прежде всего, в рамках представительного органа, каковым является парламент. *Третий кластер* касается объёма власти, сосредоточенного в руках государства по сравнению с группами давления, политическими партиями, СМИ и институтами гражданского общества. Здесь существуют возможности для формирования групп сторонников и противников общественных организаций, включающих в себя политические партии и группы интересов. Сторонники поддерживают организации ресурсами, политическими возможностями; противники стремятся не допустить к ним организации [107, p. 480]. Государство, являясь тем актором, в руках которого сосредоточена сила и возможность её легального применения, так или иначе воздействует на институты гражданского общества, поддерживая одни и ограничивая другие [17, с. 299]. Ограничения усиливаются в периоды нестабильности, когда деятельность гражданского общества способна более навредить обществу и государству, чем способствовать их развитию. Сторонники подхода «a Tocquevillian» замечают, что этот кластер сильно варьирует от государства к государству, что обусловлено особенностями общественно-политического развития, а также типом и уровнем развитости политической культуры [17, с. 204]. Как уже упоминалось нами выше, специфика Казахстана в том, что как постсоветское государство, он не располагает сформировавшейся либеральной политической культурой. В силу особенностей историко-политического развития можно наблюдать достаточно большой объём власти, сосредоточенной в руках государства.

Данная модель взята для анализа в рамках диссертационного исследования с целью продемонстрировать возможные проблемные точки в политической системе Казахстана. Мы не имели целью показать, что унитарные государства с президентской формой правления проигрывают федеративным и парламентским республикам. Унитарная организация в случае Казахстана способствует дополнительной интеграции и унификации весьма пёстрого в этническом и конфессиональном плане населения республики. С той же целью после распада СССР и обретения независимости, была избрана президентская форма правления, чтобы не допустить дезинтеграции и разобщения граждан страны. Население Казахстана на тот момент исторического времени не было готово к парламентской республике с точки

зрения политического сознания и политической культуры, поскольку в парламентской республике большую роль играют политические партии, формируемые в результате выбора граждан. Будучи длительное время в составе тоталитарного государства, граждане Казахстана не имели условий для формирования либерально-демократического политического сознания, которое является основой успешной парламентской республики.

Рассматриваемый подход «a Tocquevillian» критикуется его противниками в связи с некоторой однонаправленностью. В частности, критики обращали внимание на то, что множественность точек доступа одновременно означает множественность точек вето [109, p. 61]. То есть, отбор акторов, их деятельность регулируется путём наложения запрета со стороны власти, поскольку государственная власть остаётся единственным актором, имеющим легитимность и право на применение силы. Кроме того, общественные организации в подобной модели могут не выдержать конкуренции с группами давления, к примеру, в силу наличия у последних большего объёма ресурсов. К группам давления, в данном контексте, относят крупные финансовые и бизнес-структуры, различные компании и корпорации, как местного, так и международного уровня.

Критики подхода полагают, что институциональная среда и историко-политические факторы способны повлиять гораздо больше на стратегическое поведение общественных организаций [109, p. 64]. Чем сложнее общественным организациям попасть в политическую систему, тем более продуманной, долгосрочной и выверенной будет их стратегия. Общественные объединения будут много внимания уделять рекрутированию, мероприятиям, формулированию целей и задач. Следовательно, их качество будет расти.

Заметим, что Alexis de Tocqueville был сторонником парадигмы политического либерализма, что не могло не наложить отпечаток на его теоретические разработки. Тем не менее, подход «a Tocquevillian» показывает особенности казахстанской политической системы в отношении институтов гражданского общества.

Далее диссертационное исследование рассматривает специфику демократического политического режима Казахстана с целью определить проблемы и предпосылки для развития гражданского общества.

Рассмотрим теоретическую концепцию, изучающую взаимосвязь между развитием гражданского общества и демократизацией (модернизацией) политической системы государства. Согласно ей, институты гражданского общества способствуют развитию совещательной демократии (сочетающей в себе прямую и представительную), вместо представительной (репрезентативной) [110, p. 93]. Совещательная демократия больше отвечает интересам групп, которых представляют гражданские ассоциации. Репрезентативная демократия нехороша тем, что контролировать своих представителей избиратели имеют возможность только во время выборов, посредством осуществления выбора. Затем контроль за эффективностью деятельности депутатов снижается [110, p. 93]. Они могут попасть под влияние

лобби, групп интересов и отойти от задачи реализовывать интересы своих избирателей. Кроме того, объём первостепенных задач и тех, которые могут подождать, зависит от решения депутатов, в то время как в случае совещательной демократии процесс решения проблем происходит по мере их возникновения и степень важности определяется самими организациями и их участниками [110, p. 94]. С точки зрения данной концепции, активисты и члены общественных организаций являются людьми, действительно интересующимися политикой. Соответственно, они, отстаивая интересы социальных групп, несут ту ответственность, которая в представительной демократии возлагается на избранных представителей.

Помимо всего прочего, сторонники данного подхода рассматривают качество коммуникации между властью и обществом. Они полагают, что совещательная демократия способна обеспечить её достойное качество. Репрезентативная демократия в чистом виде не способствует эффективной деятельности институтов гражданского общества, поскольку основные акторы в ней – политические партии, в то время как в совещательной демократии возможность воздействовать на политический процесс есть как у партий, так и у иных институтов гражданского общества. Соответственно, качество коммуникации в такой системе повышается. Сторонники теории совещательной демократии полагают, что институты гражданского общества способны, с одной стороны, создавать почву для плодотворных дискуссий на институциональном уровне, с другой стороны, выступают в качестве так называемого «контролирующего органа» по отношению к ответственному институту, будь то политическая партия, парламент или иной орган, на предмет эффективности решаемого вопроса, беспрерывности и качества коммуникации [111, p. 69]. Кроме того, построение отношений институтов гражданского общества и власти именно по данной модели способствует тому, что общественные объединения являются платформой для воспитания политической культуры участия у своих членов [111, p. 70]. Сторонники данного подхода полагают, что эта модель демократии представляет собой альтернативу иерархической модели управления (сверху-вниз), пусть даже демократического характера, поскольку они считают, что в эпоху глобализации и появления сетевой организации управления, легитимности в ней всё меньше и управлять при помощи иерархии всё сложнее [110, p. 98]. Модель совещательной демократии способствует не только повышению политической культуры граждан, но и уровня доверия граждан к власти, то есть создаёт основу для развития социального капитала [107, p. 464].

Сторонники данного подхода утверждают, что возможности репрезентативной демократии увеличиваются, когда на условиях равенства, инклюзивности и прозрачности взаимодействие различных акторов (включая институты гражданского общества) способно трансформировать индивидуальные проблемы в общественный запрос и решить их успешно [112, p. 240]. Предполагается, что, поскольку в данной модели отношений все участники равны, следовательно, не может быть перевеса ни в одну из сторон

[107, p. 242]. Фактически, таким образом формируется горизонтальный тип отношений в политической сфере, основанный на диалоге. При этом, поскольку, многое зависит от уровня политической культуры акторов (возможности убеждения, донесения и разъяснения определённой точки зрения), необходимо воспитание и поддержание её на должном уровне [107, p. 242]. В Казахстане на сегодняшний день, по-видимому, преобладает репрезентативная демократия.

Как представляется, модель совещательной демократии могла бы послужить рекомендацией для Казахстана по развитию независимого, активно действующего и эффективного гражданского общества. Она позволила бы преодолеть существующие недостатки политической системы Казахстана. Сторонники данного подхода видят в нём средство для преодоления кризиса демократии в случае снижения гражданской активности и падения уровня политического участия граждан. В западных «старых» демократиях такая ситуация наблюдается в связи с разочарованием граждан во многих её институтах и в самой идее демократического режима управления. В Казахстане несколько иная ситуация. Республика является молодой демократией, в отличие от западных государств, граждане Казахстана ещё не испытывают в ней разочарования. Вместе с тем, уровень политического участия в Казахстане невысок, как представляется, несколько по иным причинам. Возможно, эти причины кроются в относительно невысоком уровне политической культуры участия среди граждан Казахстана. Следовательно, реализуя описанную нами выше модель совещательной демократии на практике, возможно формирование политической культуры участия у граждан, с одной стороны, и с другой – развитие и совершенствование деятельности институтов гражданского общества.

За годы независимого существования в Казахстане образовалось, по разным оценкам, около пяти тысяч различных общественно-политических объединений. С самого начала их деятельности как негосударственных институтов их роль постепенно усиливалась в связи с повышением их статуса, а также формированием первых, хотя не до конца эффективных, каналов коммуникации и обратной связи между властью и гражданским обществом [66, с. 18].

Далее рассмотрим ещё одну концепцию, затрагивающую процессы демократизации политической системы и возможности гражданского общества в этом процессе. Существуют две различающиеся концепции относительно роли общественных объединений в процессе демократизации [113, p. 127].

1) *Популистский подход к демократии* – его сторонники настаивают, что участие «снизу» крайне важно, и общественные объединения своим существованием и активной деятельностью вносят значительный вклад в создание автономного общественно-политического пространства, достаточно независимого от государства и экономической сферы. С этой точки зрения, институты гражданского общества должны непременно образовываться «снизу» и быть некоммерческой ориентации [113, p. 128]. Именно в

создаваемой ассоциациями автономной неправительственной сфере возникают условия для развития демократии. Мы можем предположить, что политическая культура гражданского участия, ответственность и активизм также являются продуктом именно данной сферы.

2) *Элитистский подход*, согласно которому демократизация и процесс формирования институтов гражданского общества – это процессы, направленные «сверху-вниз». Политическая элита таким образом контролирует деятельность институтов гражданского общества и направляет её по определённому каналу. Институты гражданского общества, исходя из данного подхода, формируются преимущественно «сверху», с целью создания определённой гражданской среды, внешне не связанной напрямую с государством, которая даёт возможность избежать слишком быстрых перемен в политической системе [113, p. 129].

Казахстан, по всей видимости, следует отнести к элитистскому подходу, что обусловлено совокупностью исторически детерминированных факторов, включая продолжительный период функционирования в рамках тоталитарной государственной системы, ускоренный переход к демократической модели политического устройства в 1991 году, а также значительную этноконфессиональную неоднородность населения. В этих условиях наиболее эффективно функционирующие институты гражданского общества, по крайней мере в сегменте, связанном с молодёжной проблематикой, формировались при непосредственном участии государства. В силу достаточно неразвитой культуры гражданского участия в настоящее время едва ли можно утверждать, что молодёжные общественные объединения, созданные «снизу», могут составить конкуренцию в эффективности молодёжным ассоциациям, созданным при участии государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что общественные организации способны внести вклад в демократизацию. Однако, если демократия молодая, неокрепшая и находящаяся в процессе укрепления, большое количество институтов гражданского общества способно не только не стимулировать её развитие, но, напротив, способно спровоцировать серьёзный кризис политической системы [113, p. 117]. Следовательно, поскольку Казахстан является молодой демократией с небольшой историей развития демократических институтов, ценностей и политической культуры, существующая ситуация, при которой наиболее действенные общественные объединения создаются «сверху» при участии государства, является приемлемой. Данные ассоциации служат культурно-политической основой для воспитания политического сознания и культуры участия у молодёжи Казахстана. Впоследствии, возможно, будут сформированы молодёжные добровольные ассоциации, возникшие «снизу», и Казахстан начнёт движение к первой из упомянутых выше моделей.

Рассматривается нормативно-правовая основа функционирования институтов гражданского общества в Казахстане.

Начиная с 1991 года деятельность общественных организаций в Казахстане регулировалась Законом «Об общественных объединениях Казахской ССР». Основополагающими документами в сфере функционирования гражданского общества являются Конституция Республики Казахстан 1995 года, Закон Республики Казахстан «Об общественных объединениях» 1996 года [38, с. 178]. Согласно статье 5 Конституции: 1) В Республике Казахстан признается идеологическое и политическое многообразие. Не допускается слияние общественных и государственных институтов». 2) «Общественные объединения равны перед законом. Не допускается незаконное вмешательство государства в дела общественных объединений и общественных объединений в дела государства, государственное финансирование общественных объединений» [108, с. 3]. Таким образом, в данный период была создана общая организационно-правовая основа для общественных объединений и легализована возможность участия в них граждан на добровольной основе.

В 1994 году был принят Гражданский кодекс, который законодательно закрепил понятие «Некоммерческая организация». В 2001 году появляется Закон РК «О некоммерческих организациях». В 2002 году Правительство Республики Казахстан одобряет Концепцию государственной поддержки некоммерческих организаций. Данный документ предусматривает разработку Программы государственной поддержки НКО и Закон «О государственном социальном заказе», который позднее был принят в 2005 году [39, с. 189]. В 2006 году была принята Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы. В августе 2020 года была утверждена новая Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан, включающая два этапа: 1) 2020-2025 – внедрение инструментов «Слышащего государства» и развитие волонтёрства; 2) 2026-2030 – разработка плана действий с привлечением общественности [114]. После 2022 года в РК был принят ряд законов и программ, направленных на развитие гражданского общества, усиление роли НПО и обеспечение прозрачности государственного управления через систему общественного контроля. В частности, 2 октября 2023 года принят Закон РК «Об общественном контроле», дающий право гражданам и НПО проводить общественный мониторинг, экспертизу, слушания и запрашивать информацию у государственных органов [115]. Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам общественных объединений», принятый в декабре 2023 года, направлен на демократизацию процесса создания общественных объединений, в том числе снижение требований к количеству учредителей [116]. В июле 2022 года внесены поправки в законодательство по вопросам волонтёрской деятельности и благотворительности, в которых предусмотрены меры по поддержке благотворительных организаций, включая передачу им государственного имущества по льготным условиям. В новом Налоговом кодексе (2024 год) расширены льготы для НКО, включая освобождение от ИПН за счёт грантов и благотворительной помощи [117].

Как видно из данного анализа, нормативно-правовая основа в Казахстане для функционирования и развития гражданского общества существует. Тем не менее, по-видимому, есть определённые проблемы, не позволяющие институтам гражданского общества развиваться и работать энергичнее. В частности, в законодательстве существует запрет на деятельность незарегистрированных общественных объединений, что приводит к невозможности создания неформальных общественных объединений (grassroots organizations) локального и ad hoc характера [63, с. 192]. При этом процедура регистрации достаточно проста, если общественное объединение не связано с религиозной деятельностью [63, с. 194]. Существует территориально разграничение деятельности общественных организаций на местные, региональные и республиканские, что усложняет их взаимодействие и может послужить причиной закрытия со стороны контролирующих органов [63, с. 192]. Зарубежные эксперты уточняют, что для того, чтобы получить статус республиканской, общественная организация должна открыть филиалы как минимум в восьми областях республики [57, p. 10]. К сожалению, небольшим по объёму ресурсов и штату организациям осуществить данную операцию весьма затруднительно. Помимо всего прочего, отечественные эксперты отмечают высокую стоимость государственной регистрации общественных организаций [63, с. 192], а зарубежные – недостаточную свободу общественных объединений от налоговых сборов [57, p. 11].

Выводы:

1) Историческое наследие советского прошлого сформировало устойчивый паттерн «отчуждённого участия», который оказывает воздействие на институты гражданского общества и гражданское вовлечение граждан Казахстана. Опыт обязательного, контролируемого государством «участия» в советских общественных организациях привёл не к увеличению гражданской активности, а к формированию адаптивно-пассивной стратегии поведения. В постсоветский период свобода ассоциаций была воспринята не как ресурс участия, а как возможность отказа от него. Это объясняет структурно низкий уровень доверия к институтам гражданского общества и их восприятие как инструментов внешнего контроля, а не как механизмов коллективного действия. Таким образом, проблема слабости гражданского общества в Казахстане носит не институциональный, а глубинно историко-культурный характер. Несмотря на то, что молодёжь современной РК появилась уже после распада СССР, инерция общественно-политического сознания и доминирование пассивной гражданской культуры, распространила данные тенденции на неё. Более того, согласно результатам авторского социологического опроса 2025 года, приведённым в Главе 3, молодёжь поколения Z сохраняет настороженное отношение к институтам гражданского общества, предпочитая или не участвовать вовсе, или участвовать несистемно или вне рамок института.

2) Доминирование сильных родственных связей над слабыми горизонтальными ограничивает потенциал формирования автономного и

инклюзивного гражданского общества. Сочетание советского опыта дефицита и традиционных кланово-семейных структур привело к закреплению приоритета неформальных, персонализированных сетей доверия. Эти сети эффективны на микроуровне выживания, но плохо масштабируются и не производят публичные блага. В терминах R. Putnam, социальный капитал в Казахстане носит преимущественно закрытый характер, что препятствует развитию горизонтальной солидарности, универсалистских норм и устойчивых гражданских институтов. Несмотря на то, что молодёжь традиционно стремится к сепарации от семьи и клана, сильные горизонтальные связи по-прежнему крайне важны для неё, как показали результаты авторского социологического опроса, приведённые в Главе 3. Зачастую семью заменяют друзья и однокурсники, однако, они по-прежнему служат поддержанию ценностей выживания (в терминологии Inglehart-Welzel), но не самовыражения. Молодёжь современного Казахстана, в целом, не демонстрирует тенденцию к осознанному формированию сетей отношений горизонтального характера, направленных на решение проблем общего блага (согласно результатам оригинального социологического опроса и множественного корреляционно-регрессионного анализа, приведённым в Главе 3).

3) Социально-экономические условия постсоветского периода не создали необходимого ресурса досуга и стабильности, без которых гражданская активность не может стать массовой практикой. Экономический кризис 1990-х годов, низкий уровень доходов и необходимость множественной занятости вытеснили гражданскую активность за пределы жизненных приоритетов. В отличие от западной традиции, где гражданская деятельность концептуально отделена от труда, в Казахстане она не получила культурной легитимации как значимая и ценная форма социальной практики. Это структурно воспроизвело модель «гражданства без участия».

4) Аксиологический профиль казахстанского общества указывает на преобладание ценностей выживания над ценностями самовыражения, что объективно сдерживает развитие активного гражданского общества. Данные R. Inglehart и C. Welzel демонстрируют, что, несмотря на медленный сдвиг к секулярно-рациональным ориентациям, ценности самовыражения остаются слабо выраженными. Политика и общественная активность не воспринимаются как значимая сфера самореализации. Это означает, что институциональные реформы в сфере гражданского общества без параллельной трансформации ценностных установок будут иметь ограниченный эффект.

5) Политико-институциональная конфигурация Казахстана структурно благоприятствует развитию «управляемого» гражданского общества, а не автономного grassroots-сектора. Унитарное государственное устройство, президентская форма правления и высокая концентрация власти ограничивают число точек доступа институтов гражданского общества к процессу принятия решений. В этих условиях наиболее жизнеспособными оказываются GONGO, созданные или поддержанные «сверху». Это подтверждает применимость элитистской модели демократизации к казахстанскому контексту и объясняет,

почему ассоциации, возникающие «снизу», остаются фрагментарными и малоресурсными.

6) Нормативно-правовая база Казахстана формально соответствует демократическим стандартам, однако фактически институционализирует барьеры для спонтанного и локального гражданского участия. Запрет на деятельность незарегистрированных объединений, территориальная фрагментация статусов общественных объединений, финансовые и налоговые ограничения препятствуют развитию гибких, низовых и ad hoc форм самоорганизации. Это приводит к институциональному смещению в пользу крупных, формализованных и часто аффилированных с государством структур, что снижает разнообразие и инновационный потенциал гражданского общества.

Общие выводы по главе 1:

1) Понятие «гражданское общество» в диссертационном исследовании обоснованно трактуется как динамическая, исторически и культурно обусловленная система, а не как универсальная нормативная модель. Проведённый анализ классических, неоклассических и современных подходов (от G. Hegel до A. de Tocqueville, R. Putnam и J. Habermas) демонстрирует, что гражданское общество не может быть адекватно описано в статических или универсалистских терминах. Его содержание, функции и формы институционализации зависят от исторического контекста, политического режима и социокультурных характеристик общества. Это методологически оправдывает отказ от прямого заимствования западных моделей при анализе гражданского общества в Казахстане и задаёт рамку контекстуального, а не нормативного анализа.

2) Институты гражданского общества выступают не только институциональной базой, но и механизмом производства социальной идентичности и доверия, без которых невозможно устойчивое гражданское участие. Глава 1 диссертационного исследования убедительно показывает, что значение общественных организаций заключается не столько в их формальной структуре, сколько в способности конструировать коллективную идентичность, формировать нормы солидарности и воспроизводить социальный капитал. В этом смысле слабость гражданского общества в Казахстане обусловлена не количеством организаций, а ограниченной глубиной вовлечённости и низким уровнем институционального доверия, что подтверждает применимость теории социального капитала к анализу постсоветского казахстанского контекста.

3) До Январских событий 2022 года государство рассматривало институты гражданского общества преимущественно как формально необходимый элемент демократического государства, фактически ограничивая их свободу и зону ответственности. Существовала модель государственного контроля за их деятельностью, но не общественного контроля, осуществляемого НПО за работой государства. В силу эксклюзивности политической системы современного Казахстана, авторитарного характера политического режима, элитистского подхода к демократизации, институты

гражданского общества не рассматривались как самостоятельный элемент политической системы, призванный выступать посредником между властью и обществом, осуществляющий общественный контроль. После 2022 года в отношении государства к гражданскому обществу наметились изменения. Государство законодательно пытается стимулировать институты гражданского общества через упрощение бюрократических процедур, снижение финансовой нагрузки. В новой Конституции 2026 года НПО признаны субъектом политики, а не её объектом. Наряду с этим, государство пытается патронировать активизацию гражданского участия через GONGO. Однако, результаты оригинальных социологических опросов и множественного корреляционно-регрессионного анализа, приведённые в Главе 3, показывают невысокий уровень успеха на данном направлении.

4) Типология институтов гражданского общества (общественных организаций) выявляет структурный дисбаланс между формализованными, институционально встроенными и низовыми, спонтанными формами самоорганизации. В Главе 1 диссертации показано, что наибольшую устойчивость в казахстанских условиях демонстрируют формально зарегистрированные, ресурсно обеспеченные и часто аффилированные с государством общественные организации (GONGO). Напротив, низовые добровольные инициативы и неформальные объединения остаются фрагментарными и уязвимыми. Это указывает на институционально закреплённую асимметрию в развитии гражданского общества и объясняет ограниченность его критического и представительного потенциала.

5) Теоретико-методологический анализ подтверждает, что ключевым ограничителем развития гражданского общества в Казахстане является не отсутствие правовых норм, а специфика институциональной и ценностной среды. Формально нормативно-правовая база соответствует базовым демократическим стандартам, однако институциональная практика, административные барьеры и доминирование патерналистских установок существенно сужают пространство автономного гражданского действия. Это позволяет сделать вывод о расхождении между декларируемой институциональной моделью и реально функционирующими механизмами гражданского участия.

6) Постсоветская специфика гражданского общества бывшей социалистической страны, какой является современный Казахстан, выражается в сочетании формальной институционализации и низкого уровня субъектности, что воспроизводит модель «ограниченного участия». Анализ советского и постсоветского опыта показывает, что историческая травма принудительной коллективности трансформировалась в устойчивое недоверие к публичной активности. В результате гражданское общество функционирует преимущественно в адаптивном, а не трансформационном режиме, ориентируясь на выживание и лояльность, а не на артикуляцию интересов и общественный контроль. Молодёжь современного Казахстана сохранила тенденцию к модели «ограниченного участия», несмотря на отсутствие прямого

воздействия на неё коммунистической идеологии и социалистической политической системы. Это говорит о политической пассивности, инертности и негибкости как молодёжи, так и государства и гражданского общества, поскольку они оказываются неспособны преодолеть инерционность и трансформировать «отказ от участия» в эффективное гражданское вовлечение.

7) Выбор теоретико-методологического подхода в Главе 1 обоснован и продуктивен для дальнейшего эмпирического анализа. Комбинация неоинституционализма, исторического и сетевого институционализма позволяет избежать редукционизма и создать аналитическую рамку, способную объяснить противоречивый характер развития гражданского общества в Казахстане. Это создаёт прочный фундамент для последующих частей исследования, в которых эмпирические данные могут быть интерпретированы не как отклонение от «нормы», а как закономерный результат структурных условий.

Теоретический анализ показывает, что дальнейшее развитие гражданского общества невозможно без изменения отношения государства к институтам гражданского общества с эксклюзивного на инклюзивный, развития доверия между государством и институтами гражданского общества, повышения ответственности как институтов гражданского общества, так и граждан при участии в общественно-политической жизни, делегирования части властных функции гражданскому обществу, трансформации ценностных установок молодёжи, институтов гражданского общества и государства, расширения пространства автономного действия и переосмысления роли организаций как производителей доверия и коллективной идентичности, а не исключительно как формальных акторов.

2 ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ

2.1 История развития интернета и информационных технологий

В рамках настоящего диссертационного исследования информационные технологии, прежде всего социальные медиа, рассматриваются в качестве значимого фактора, способного оказывать влияние на деятельность молодёжных общественных организаций в современном Казахстане. Особое внимание уделяется анализу их потенциала в контексте формирования эффективных институтов гражданского общества в республике.

Значимость этого фактора заключается в том, что информационные технологии являются продуктом информационной революции и глобализации. Поскольку глобализация, интернет и социальные медиа являются порождением западной цивилизации, они способны распространять её ценности, в частности, ценности демократии, гражданского активизма и норм гражданского общества, что особенно актуально для бывших социалистических государств, таких как Казахстан. Глобализационные процессы стимулировали открытость государств и обществ во всём мире, способствовали мобильности идей, информационных потоков и людей. Молодёжь, как наиболее активная в интернете социальная группа, улавливает эти тенденции очень чутко и немедленно на них реагирует. В отличие от стран Европы и США, бывшие социалистические государства, в частности, Казахстан, ещё не испытали разочарования и усталости от глобализации. Для нашей страны глобализация открыла и продолжает открывать новые возможности.

Глобализация медиа имеет два компонента: 1) нивелирование роли физического местоположения пользователя. Сегодня местонахождение, наряду с другими параметрами, такими как пол, возраст, социальный статус, - уже не имеют решающего значения для коммуникации. Значимо лишь наличие технологий, возможностей для их использования и соответствующие навыки пользователя. 2) содержание коммуникации (контент) – с помощью цифровых технологий стало возможным взаимопроникновение культур [118, p. 335]. Благодаря распространению технологий, стиранию географических, лингвистических и социальных барьеров, идеи о нормах гражданского общества и гражданского участия проникают в Казахстан.

История развития информационных технологий берёт своё начало в 1950-х годах XX века в США с появлением первых электронно-вычислительных машин – компьютеров. Новый виток развития они переживают в 1970-1980-е годы XX века после появления интернета. В начале 1960-х годов профессор Массачусетского технологического института J. Licklider предложил идею создания сети компьютеров для обмена информацией [119, p. 31]. Проект финансировался Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA), так как подобная сеть могла служить

для коммуникации между ключевыми военными ведомствами США в чрезвычайных ситуациях [118, p. 305].

Затем сеть стала распространяться среди университетов и исследовательских центров для упрощения обмена данными. Вплоть до 1991 года зарождающийся интернет был недоступен для гражданских лиц и коммерческого использования. В 1991 году Конгресс США принял The High Performance Computing and Communication Act (Акт о вычислительной технике и коммуникации), позволяющий распространять сетевые технологии. Это дало толчок к быстрому появлению и распространению технологических усовершенствований, направленных на упрощение использования новых технологий. В 1993 году появляется первый интернет браузер – Mosaic [118, p. 306].

С появлением WWW (WorldWideWeb) в 1991 году формируется новый тип сетевой коммуникации. Появляются веб блоги, сервисы электронной почты [118, p. 309]. Они помогают образовывать онлайн сообщества и дополнять общение и деятельность офлайн групп. Этот тип позволял обмениваться информацией между уже существующими группами, но не позволял автоматически связывать нового члена со всеми остальными. Например, блог может функционировать как платформа для распространения контента, обеспечивая возможность его восприятия и комментирования со стороны аудитории, однако при этом не предполагает механизмов совместного производства контента блогером и подписчиками в онлайн-пространстве.

Первой электронной социальной сетью считается сайт SixDegrees.com, созданный в 1997 году [120, с. 223]. Целью создания сайта заявлялась проверка эмпирическим путём теории «шести рукопожатий» (“Six degrees separation” как и название сайта). SixDegrees.com закрылась в 2001 году. После этого появляются первые массовые онлайн социальные сети Friendster.com и Reunion.com. В 2003-2004 годах появились такие социальные сети как Netlog.com, Hi5.com, Tagged и существующие до настоящего времени LinkedIn.com, MySpace.com (появилась в 2003 году), Facebook (появился в 2004 году) [120, с. 223].

В 2000-х интернет прочно вошёл в общественную жизнь, по-прежнему имея целью ускоренный и облегчённый процесс передачи информации. Появляется новая технология Web 2.0, позволяющая создание сайтов сетевого типа (социальные сети), специализированных контент-платформ (YouTube), платформ для совместного создания и редактирования информации (Wikipedia) [119, p. 306]. С появлением Web 2.0 на пороге 2000-х сервисы стали предоставлять не просто канал для коммуникации, пусть и сетевой, но возможность для интерактивного взаимодействия участников [121, p. 134].

Согласно определению Тима О’Рейли, Web 2.0 – это методика проектирования систем, которые путём учёта сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются [122, с. 304]. Большинство платформ Web 2.0 начинались как сервисы для обмена сообщениями с друзьями, однокурсниками, коллегами по работе. Однако,

воспринимать их лишь как способ облегчения общения – ошибочно. Многие коммуникативные привычки, особенно в молодёжной среде, сегодня уже переместились в онлайн – общение с друзьями, совместный просмотр видео, показ фото, групповое обсуждение просмотренного. Это значит, что всё, что раньше было личным, теперь становится публичным, так как проходит через определённую технологическую платформу и становится достоянием общественности в сети [123, p. 6]. Значительная часть повседневных действий людей (вплоть до выражения текущего эмоционального состояния человека) перешла в область социальных сетей.

В 2011 году 1.2 миллиарда пользователей по всему миру были зарегистрированы в социальных сетях – это 82% от общего количества пользователей интернета старше 15 лет. Для сравнения в 2007 году их было 6% [123, p. 4]. В чем причина столь быстрого расширения числа пользователей? Предполагается, что потребность во включенности в скоростной информационный обмен, упрощённый способ коммуникации, который доступен практически каждому, движет людьми заходить и подключаться к социальным сетям. В начале 2000-х Web 2.0 воспринималась как линейный, несложный, доступный способ выстраивания связей, построение сообществ и продвижения демократии. Сегодня социальные медиа представляют собой экосистему (то есть, значительно более сложную структуру, нежели вначале) связанных и связующих медиа, имеющих очень немного больших игроков (в лице виртуальных социальных сетей) и очень много маленьких (обычные пользователи). Происходит трансформация от сетевой коммуникации к социальности «на платформе» и от культуры участия к культуре подключённости [123, p. 4]. Это подводит нас к выводу о том, что информационные технологии порождают ситуацию необходимости подключения (что не означает автоматического участия в группе, к которой (ым) присоединяется пользователь). *Подключённость не может быть приравнена к участию. Подключаясь, пользователь открывает для себя возможность участия, что подтверждается результатом оригинального социологического опроса 2019, 2023 и 2025 года и множественного корреляционно-регрессионного анализа, приведённым в Главе 3.* Однако, степень участия будет зависеть, по-видимому, от иных факторов, которые рассматриваются ниже.

В связи с вышеизложенным, научное сообщество задалось вопросом: способны ли информационные технологии стимулировать общественно-политическую активность людей, в частности в рамках гражданского общества? Если способны, то до какой степени? Если не способны, то каковы могут быть пути их вовлечения в деятельность гражданского общества? В ходе диссертационного исследования мы попытаемся ответить на них.

История Казнета (интернет, использующий казахстанский домен .KZ) берёт начало в 1994 году. В 1998 году появляется первый интернет-сайт на казахском языке. В том же году появляется первое в республике онлайн-радио. Количество пользователей на тот момент было крайне низким – менее 70 тысяч

человек, что составляло 0,5% населения страны [124]. По состоянию на 2015 год, интернет — единственный растущий медиаканал в Казахстане, охват которого почти в 2 раза превышает охват прессы. В июле 2015 года количество интернет-пользователей в РК достигло 3,47 млн., то есть 71% населения страны в возрасте от 12 до 54 лет заходят в сеть минимум не реже одного раза в месяц [125]. По состоянию на 2017 год, 77% населения Казахстана имеют доступ к интернету [125]. Можно проследить изменения в государственной политике цифровизации до и после 2022 года. Веб-портал электронного правительства был запущен в РК в 2006 году, с 2012 года он стал предоставлять государственные услуги в электронном виде [126]. Несмотря на это, интерфейс и экосистема была сложной и недружелюбной для пользователя и воспринималась как дополнение, а не основной способ взаимодействия с государством. Онлайн-банкинг также были достаточно ограничен. Цифровизация до 2022 года была менее мобильной, так как многие операции требовали наличие ноутбука, QR подпись и цифровые документы почти не использовались. После 2022 года появилась концепция «mobile-first», при которой большинство операций стало возможным осуществлять через смартфон. Egov mobile стало универсальной площадкой для цифровой бюрократии, большинство финансовых операций проходят через цифровые платформы и отсутствуют в бумажном формате. После 2023 года в Казахстане появляется концепция отечественной ИИ-стратегии, заключающаяся во внедрении ИИ в различные сферы жизнедеятельности [127]. На государственном уровне формируется стратегия перехода от цифрового государства к интеллектуальному государству.

Выводы:

1) Информационные технологии способны выступать системным каналом трансляции норм и ценностей гражданского общества в постсоветском контексте Казахстана, поскольку являются продуктом глобализации и информационной революции, исторически связанной с западной цивилизацией. Через интернет и социальные медиа в казахстанское общество проникают идеи демократического участия, гражданского активизма и общественной самоорганизации, что особенно значимо в условиях текущей незавершённой институционализации гражданского общества в стране. Безусловно, информационные технологии способны упрощать коммуникацию между всеми участниками политического процесса: государством, институтами гражданского общества и обществом. Проблема заключается в том, что зачастую каналы коммуникации власти не направлены на необходимую целевую аудиторию в силу её осознанного исключения их из своей сферы общения (как показывают результаты авторского социологического исследования и корреляционно-регрессионного анализа, приведённые в Главе 3), а также в силу низкого уровня обратной связи от общества к государству.

2) Ключевым эффектом развития информационных технологий является трансформация коммуникации от локальной и иерархической к сетевой и платформенной, что нивелирует значение географических,

социальных и демографических границ. Это расширяет потенциальную социальную базу институтов гражданского общества, но одновременно делает решающими не формальные характеристики акторов, а уровень цифровых компетенций и доступ к технологиям.

3) Эволюция интернета от Web 1.0 к Web 2.0 привела к качественному изменению форм общественного взаимодействия, сместив акцент с обмена информацией на интерактивность, совместное производство контента и формирование онлайн-сообществ. Однако, данная трансформация не означает автоматического роста гражданского участия: «подключённость» к цифровым платформам лишь создаёт возможность участия, но не гарантирует его реального воплощения в деятельности гражданского общества.

4) Казахстанский сегмент интернета (Казнет) развивался с временным лагом по сравнению с глобальными тенденциями, но демонстрирует ускоренную диффузию информационных технологий, что делает интернет наиболее динамичным медиаканалом в стране. Рост интернет-проникновения, особенно среди молодёжи, формирует структурные предпосылки для расширения цифровых форм гражданской активности, при этом их реальное влияние на институты гражданского общества зависит от сочетания технологических, социально-политических и институциональных факторов.

2.2 Теоретические направления изучения влияния информационных технологий на гражданское общество: аналитический обзор

Диссертационное исследование далее посвящено анализу теоретических подходов к оценке способности и потенциала информационных технологий (социальных медиа) оказывать самостоятельное влияние на процессы трансформации гражданского общества, а также их воздействия в сочетании с нецифровыми факторами.

С развитием информационных технологий, их роль в развитии институтов гражданского общества, построении идентичности в рамках общественных организаций и коллективном общественно-политическом участии стала активно обсуждаться и изучаться. W. Bennett [128, p. 46] полагает, что, поскольку, информационные технологии способствуют резкому бесконтрольному и безграничному распространению идей, представлений, эмоций по виртуальным сетям, общественно-политическая сфера непременно окажется под их влиянием. M. Hilbert утверждает, что применительно к вопросу об общественных организациях, информационные технологии способны сработать в качестве ускорителя, облегчающего контакт представителей организации как внутри ассоциации, так и за её пределами, предоставить возможность создавать социокультурные «анклавы» и служить технической поддержкой деятельности общественных организаций [129, p. 193]. Бесспорна роль интернета в установлении связующего канала коммуникации между различными индивидами, группами, сообществами, которые географически могут быть удалены друг от друга [130, p. 349].

Существует противоположная точка зрения. Её сторонники задаются вопросом: могут ли информационные технологии сформировать институциональную идентичность в рамках гражданского общества без помощи офлайн взаимодействия? Их ответ: скорее нет. Исследования M. Diani показывают, что участники виртуального взаимодействия нередко неохотно идентифицируют себя (скрываются за никами, аватарками, придумывают ложные сведения о себе или вовсе ничего не сообщают) [131, p. 390]. Они участвуют в практической деятельности общественной организации лишь время от времени, не стремясь установить прочные связи с другими членами. P. Van Aelst и S. Walgrave полагают, что виртуальные сети не способны генерировать доверие и взаимное расположение участников общения, так как отсутствует общение лицом к лицу [132, p. 100]. Они считают, что интернет-контакты создают специфическую сеть взаимодействия, которая лишь дополняет и связывает уже существующие в реальном мире контакты.

Эмпирические данные на этот счёт разнятся. С одной стороны, есть массив научной информации, свидетельствующий о возможности выстраивания отношений доверия, солидарности и взаимного расположения посредством виртуальных сетей [133, p. 236]. С другой стороны, виртуальные сети способны сработать лишь в том случае, когда они подкреплены связями в реальном мире в достаточно географически ограниченных сообществах. Инициирование новых связей «с нуля» для них не представляется возможным. [134, p. 284]. Таким образом, *вопрос остаётся открытым: являются ли социальные медиа лишь дополнительным каналом передачи информации или площадкой для формирования институтов гражданского общества?*

В попытках найти ответы на обозначенный выше вопрос, мировое научное политологическое сообщество разделилось на два больших теоретических направления. *Первое направление представлено теорией технологического детерминизма.* Его сторонники полагают, что, именно благодаря информационным технологиям, гражданское общество выходит на качественно новый уровень развития. При помощи интернета и социальных медиа институты гражданского общества распространяют информацию о себе, получают дополнительные возможности в рекрутировании членов, привлечении внимания спонсоров и так далее [135, p. 71]. Сторонники технологического детерминизма полагают, что использование информационных технологий способно изменить не только образ действий использующих их акторов, но и самый контекст их деятельности [135, p. 74]. Они утверждают, что каждая последующая инновация в технологиях улучшает общество и государство. Соответственно – компьютер в 1960-е, интернет в 1990-е, социальные медиа в 2000-е годы – всё это способствовало продвижению общественного и политического контекста на следующую ступень развития [135, p. 83]. Появляется цифровая экономика, электронное правительство, онлайн обучение. Это дало толчок к развитию общественных наук и появлению новых понятий, таких как «киберпространство», «киберобщество», «виртуальная общественная сфера», «сетевое общество»,

«блогосфера». Сторонники технологического детерминизма полагают, что интернет и социальные медиа позволяют преодолевать ограничения, начиная с географии и заканчивая идентичностью, временем и государством [136, p. 58].

В западной политологии объём литературы по технологическому детерминизму весьма значителен. В частности, C. Shirky полагает, что программное обеспечение, находящееся в открытом доступе, сетевая экономика, управление посредством информационных технологий трансформируют социальные отношения и, следовательно, природу институтов гражданского общества [137, p. 117]. C. Li и J. Bernoff полагают, что данный учёный настроен чрезмерно оптимистично [138, p. 35]. В рамках технологического детерминизма существует точка зрения о том, что интернет и социальные медиа способствуют формированию «сетевого гражданского общества», которое обеспечивает виртуальное общение онлайн с целью решения реальных социальных проблем. Согласно мнению Ю. Хабермаса, главными характеристиками сетевого гражданского общества являются «открытость», то есть установление широких, многомерных связей коммуникации и «спонтанность» - свободное формирование, текучесть, постоянное изменение структуры [139, с. 21]. Таким образом, социальные медиа формируют так называемую “open space” – пространство, где образуются новые возможности для развития гражданского общества, преодоления фрагментации массового общества, усиление личностной вовлечённости граждан в общественно-политические дела.

Y. Benkler утверждает, что социальные медиа способны стимулировать экономические отношения нового типа. Будучи очень дешёвыми, онлайн ресурсы позволяют покупать, продавать, работать, не выходя из дома [140, p. 29]. Соответственно, у граждан дополнительно высвобождается свободное время, которое они могли бы посвятить гражданскому участию и активизму и осуществлять его частично за счёт информационных технологий, создавая группы в Facebook, каналы в YouTube и другое. Кроме того, ресурсы, подобные Wikipedia, как считают сторонники технологического детерминизма, способны стимулировать совместное участие индивидов в создании общественно полезного бесплатного продукта, что, в сущности, является сутью гражданского общества [141, p. 433].

Далее диссертационное исследование изучает массив вторичных статистических данных, показывающих уровень развития информационных технологий в современном Казахстане с целью выявления достаточности условий воздействия информационных технологий на общественно-политические процессы. Рассмотрим уровень доступа к стационарному широкополосному интернету (на 100 человек населения) (см. Рисунок 6) [142]. Согласно Рисунку 6, после 2010 года наблюдается резкий рост количества подключений к стационарному интернету в Казахстане. Далее рассматривается уровень доступа к мобильному широкополосному интернету в Казахстане (см. Рисунок 7) [143]. Исходя из приведённых данных, можно заметить, что граждане пользуются более, чем одной точкой доступа. Затем мы

рассматриваем количество интернет-пользователей в Казахстане (см. Рисунок 8) [144]. Как видно из приведённых данных, количество интернет-пользователей в Казахстане неуклонно растёт.

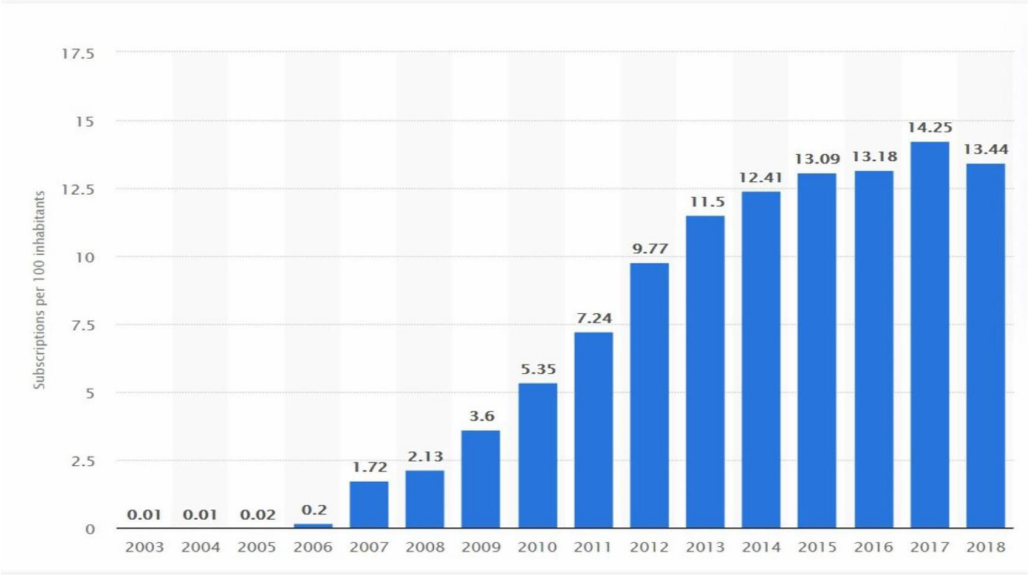


Рисунок 6 – Уровень доступа к стационарному широкополосному интернету в Казахстане (на 100 человек населения). Источник: [142]

Рисунок 7 – Уровень доступа к мобильному широкополосному интернету в Казахстане. Источник: [143].

Рисунок 8 – Количество интернет-пользователей в Казахстане. Источник: [144]

Таким образом, согласно вышеобозначенным статистическим данным, информационно-технологические возможности современного Казахстана достаточны для применения их в качестве инструмента использования в деятельности институтов гражданского общества.

Нужно учитывать, что степень общественно-политической активности как граждан, так и институтов гражданского общества, по-видимому, не соответствует уровню развития информационных технологий в республике. Согласно теории технологического детерминизма, информационные технологии могли бы ускорить эволюцию общественно-политических институтов в Казахстане, упростив коммуникацию, вовлекая всё большее число заинтересованных людей в работу общественных объединений.

Второе теоретическое направление называется теорией социальных сил и рассматривает фактор информационных технологий более сдержанно. Его сторонники полагают, что гражданское общество радикально не меняется под воздействием информационных технологий, но эволюционирует и подстраивается под изменяющуюся цифровую среду [145, p. 85]. Несмотря на бурный информационно-технологический рост, институты, нормы, ценности, установки и особенности политической системы того или иного государства происходят из истории его развития. В данном случае, как представляется, работает принцип «Path dependence» - если институты гражданского общества в ходе всего исторического пути не применяли информационные технологии активно, ситуация не может положительно измениться за очень короткий срок, и в этом случае, информационные технологии не способны оказать радикальное воздействие на институты гражданского общества. Толчком может послужить лишь кризисная ситуация, которая продемонстрирует важность и полезность информационных технологий. Однако, даже в этом случае, моментального

эффекта социальные медиа не окажут. Информационные технологии не решают многих проблем, например, не уничтожают дискриминации и неравенства [145, p. 92]. Сторонники теории социальных сил считают, что информационные технологии вовсе не оказывают какого-либо существенного трансформирующего влияния на гражданское общество [145, p. 94].

Теория социальных сил утверждает, что культурные нормы, экономические условия, правовые нормы задают пути для развития информационных технологий, но не наоборот. Поэтому учёные, разрабатывающие это направление, считают, что исследовательский вопрос при изучении темы воздействия информационных технологий на гражданское общество должен звучать не «Что новая технология сделала для людей?», но «Как люди используют новую технологию?» [120, с. 223].

Сторонники теории социальных сил полагают, что термин «новые технологии» вводит в заблуждение и уводит исследователей в сторону от «старых» проблем, порождённых политической системой конкретного государства. По их мнению, представители технологического детерминизма склонны к избыточной абсолютизации потенциала цифровых технологий в контексте решения обозначенных проблем [146, p. 51]. *Сторонники теории социальных сил приводят четыре наиболее весомых аргумента, указывающие, по их мнению, на неверную позицию сторонников технологического детерминизма*.

1) *Критика технологического детерминизма в целом*. L. Winner [147, p. 33] считает, то технологический детерминизм – это уверенность, что технологии – основное и единственное средство, которое определяет уровень развитости культуры, общества и государства. Он полагает, что данное утверждение слишком однозначно и считает, что на самом деле значение имеет социальная и экономическая система, в рамках которой развиваются технологии [147, p. 38]. Таким образом, не технологии задают развитие общественных институтов, но социальный контекст, состояние экономики, политики, науки и культуры в целом.

2) *Иллюзия контроля информации в Сети*. Пользователи интернета, социальных медиа ошибочно полагают, что способны контролировать информацию, поступающую к ним посредством подписки на определённые каналы, наличию функции подбора контента, исходя из предпочтений пользователя. На самом деле, ситуация обратна – социальные медиа способны манипулировать пользователями [148, p. 392]. Фактически, большинство людей становится участниками сетевого взаимодействия в интернете, чтобы сохранить свои офлайн контакты и не выпасть из общества. Не имея аккаунта в социальных сетях, не пользуясь мессенджерами, индивид может чувствовать отчуждение, соответственно, возможности его информированности (а также вовлечённости в общественно-политическую жизнь) снижаются [149, p. 65]. Кроме того, возникают вопросы, насколько информационные технологии способны создавать прочные онлайн альянсы, связи и ассоциации, которые

впоследствии могут создать основу институтов гражданского общества [150, p. 78].

3) *Критика возможностей информационных технологий в демократизации и модернизации обществ*. Сторонники технологического детерминизма утверждают, что государство постепенно теряет свою власть, и гражданское общество получает больше шансов на увеличение автономности от государства при развитых информационных технологиях. Гражданское общество способно с их помощью усилить влияние на массовое общество. В этом случае, как полагает С. Мау (сторонник теории социальных сил), представители технологического детерминизма упускают из виду тот факт, что государство по-прежнему остаётся единственным институтом, обладающим легитимной властью и способным воздействовать на развитие и распространение технологий, регулировать информационные потоки [151, p. 13] и, при необходимости, ограничивать доступ к ним как граждан, так и институтов.

4) *Цифровая инфраструктура находится преимущественно в руках государства, соответственно, зависит от него*. Доступ к инфраструктуре может быть неодинаков среди граждан и институтов гражданского общества. Соответственно, цифровой разрыв в обществе сохраняется, поскольку, к примеру, в городах доступ к инфраструктуре, а также качество услуг выше, нежели в сельской местности. Следовательно, в городской среде возможностей для привлечения информационных технологий к деятельности институтов гражданского общества больше, чем в сельской местности [152, p. 34].

Выводы:

1) Дихотомия технологического детерминизма и теории социальных сил отражает не только теоретическое противостояние, но и различие аналитических уровней рассмотрения влияния информационных технологий на гражданское общество. Первый фиксирует микро- и мезоуровневые эффекты информационных технологий (ускорение коммуникаций, снижение транзакционных издержек, расширение каналов участия), тогда как вторая актуализирует макроуровневые структурные ограничения (политический режим, государственный контроль инфраструктуры, социальное неравенство). Их синтез возможен через многоуровневый анализ, учитывающий цифровую грамотность, доступ к информационным технологиям и степень институциональной автономии институтов гражданского общества.

2) Несмотря на значительный рост цифровой инфраструктуры и уровня интернет-проникновения в современном Казахстане, данные говорят о разрыве между технологическим потенциалом и фактической общественно-политической активностью институтов гражданского общества. Это указывает на методологическую ограниченность технологического детерминизма и необходимость учёта исторических, институциональных и культурных факторов при анализе развития гражданского общества. Информационные технологии выступают преимущественно как вспомогательный, а не автономный механизм формирования устойчивых общественных объединений.

Виртуальные информационные сети эффективны главным образом в тех случаях, когда они опираются на уже существующие офлайн-сообщества и социальные связи. Интернет и социальные медиа усиливают коммуникацию и мобилизацию, но в большинстве случаев не способны самостоятельно генерировать устойчивое доверие, коллективную идентичность и институциональную вовлечённость «с нуля».

3) Опыт Казахстана демонстрирует несоответствие между уровнем цифровизации общества и способностью гражданского общества к самоорганизации «снизу». Это подтверждает тезис теории социальных сил и подход исторического институционализма «Path dependence» о том, что технологии не инициируют институциональные изменения автоматически, а лишь отражают и усиливают уже существующие социально-политические практики.

4) Информационные технологии не устраняют структурные асимметрии власти и неравенства, а в ряде случаев воспроизводят их в новой форме. Государственный контроль над цифровой инфраструктурой, манипулятивный потенциал социальных медиа, а также сохраняющийся цифровой разрыв между городскими и сельскими территориями ограничивают демократизирующий потенциал информационных технологий. В этом контексте интернет и социальные сети не столько ослабляют роль государства, сколько становятся объектом его регулирования и инструментом селективного допуска к общественно-политическому участию. Несмотря на усиленную политику цифровизации, проводимую государством как до, так и после Январских событий 2022 года, существует проблема цензурирования материалов, создание «эхо-камер» путём манипулирования контентом, что говорит о точечном и фрагментарном воздействии информационных технологий на политическую сферу.

2.3 Определение понятий «социальная сеть» и «социальные медиа»

Рассматриваются определения терминов, необходимых в дальнейшем исследовании.

Социальная сеть: 1) это интерактивный сайт, объединяющий множество пользователей, контент которого создаётся ими самими; 2) это социальная офлайн структура, включающая в себя людей, организации, группы, которые связаны между собой общими интересами и виртуальными взаимоотношениями [153, с. 17]. Соответственно, социальной сетью можно именовать как определённый тип взаимоотношений, осуществляемых в офлайн режиме, так и специализированные сайты в интернете. Связи между участниками в социальной сети развиваются лавинообразно, однако, не бесконтрольно.

В целом, в исследованиях виртуальных социальных сетей можно выделить два подхода. Сторонники первого акцентируют внимание на технической стороне. Социальные сети характеризуются как веб-платформы, которые позволяют пользователям: 1) создавать профили; 2) формировать

список пользователей, разделяющих интересы определённого пользователя; 3) просматривать связи других пользователей [154, p. 49]. Другой подход ставит на первое место социальное взаимодействие пользователей, пусть и имеющее место в виртуальном пространстве. Социальные сети – это виртуальные сообщества, позволяющие устанавливать связи и взаимодействовать друг с другом с определёнными целями или для совместного времяпрепровождения [155, p. 57].

Далее рассмотрим *теорию социального капитала*, разделяемую некоторыми неоинституционалистами (R. Putnam), которая поможет уточнить определение термина «социальная сеть». Существует точка зрения, что офлайн социальные сети, выстроенные по горизонтальному принципу и лишённые иерархизированности, способны повлиять на решения индивида участвовать в деятельности какой-либо общественной организации. Участники сети имеют возможность усилить уже существующие отношения и установить новые. *В рамках теории социального капитала под социальными сетями следует понимать отношения горизонтального типа, существующие в реальном мире, основанные на личном контакте*. Идентичность с социальной сетью и группами внутри неё способна сформировать новые сети отношений, выстроенные на доверии между членами. Отношения такого рода являются основой для неформальной коммуникации и последующей поддержки членами друг друга. Развитая сеть таких отношений внутри институтов гражданского общества лежит в основе формирования социального капитала [156, p.13].

Социальные сетевые отношения являются не только средством упрощения участия индивида в деятельности общественных объединений, но и продуктом участия. В процессе участия в мероприятиях организации индивид устанавливает отношения с другими участниками, что, впоследствии, может оказать воздействие на его желание участвовать [156, p. 14].

Сторонники теории социального капитала полагают, что социальные сети являются своеобразной гарантией того, что индивид не покинет организацию внезапно и продолжит своё участие в ней [157, p. 160]. Социальные сети имеют возможность оказывать влияние на формирование коллективного «мы» в процессе самоидентификации индивидов в рамках института гражданского общества [158, p. 483]. Поскольку, как утверждали сторонники теории идентичности, решение участвовать зависит от социального контекста, социальные сети могут играть его роль. Социальные сети являются очень важным инструментом мобилизации участников в общественные организации, деятельность которых слабо освещена в СМИ и мало известна широкой общественности. Напротив, очень известные организации менее нуждаются в социальных сетях как в способе рекрутирования новых членов [159, p. 26]. Исследователи роли социальных сетей [159, p. 28] заметили, что их значимость в мобилизации к участию индивидов в деятельности институтов гражданского общества весьма значительна. Лишь крайне закрытые организации религиозного характера не подвержены воздействию социальных сетей. Однако, существует противоположная точка зрения [160, p. 366] о том, что

социальные сети не способны играть решающей стимулирующей роли. В частности, вовлечённость в ассоциации культурного или спортивного направления не требует наличия серьёзных социальных сетевых отношений для участия [161, p. 1383]. R. Stark и W. Bainbridge утверждают, что этот тезис касается всех организаций, чья деятельность связана с получением материального вознаграждения (то есть, тех, где членство предполагает определённые материальные выплаты, организация получает финансовую компенсацию, покинуть её легко, она заинтересована не столько в самих участниках, сколько во взносах, выплачиваемых ими) [161, p. 1386]. Выход участника из организации не приносит практически никаких негативных проявлений. Однако, применительно к общественно-политическим организациям, занимающимся безвозмездной деятельностью, ситуация несколько иная. Решение об участии принимается на основе нематериального интереса индивида к деятельности организации [161, p. 1388]. Оставление индивидом организации, как правило, является индикатором её неэффективности, что несёт негативные последствия как для индивида – возможное снижение активности и желания участвовать, так и для самой организации – сложности в рекрутировании потенциальных участников.

Тем не менее, мы должны иметь в виду, что даже при условии, что социальные сети не являются серьёзным стимулом для участия, они способны распространять идеи, представления, отношения к тому или иному институту гражданского общества. Следовательно, они могут служить проводником идентичности как членов какой-либо организации, выступая в роли социального контекста и своеобразного «отражателя», так и выступать проводником идентичности самой организации, распространяя информацию о ней.

Тезис о том, что социальные сети способны облегчить процесс рекрутирования в общественные объединения справедлив ещё и потому, что специфика казахстанской социально-политической реальности такова, что индивид более склонен принять участие в деятельности такой организации, если его близкие друзья или родственники уже участвуют там. Он полагает, что они откровенно расскажут ему о специфике организации и он получит информацию, которую едва ли удастся получить через СМИ и незнакомых ему представителей организации. Данный тезис подтверждается результатами нашего оригинального социологического исследования, а также результатами глубинного интервью представителей молодёжных общественных организаций Казахстана.

Как представляется, (и это не только проблема казахстанских общественных объединений) институтам с чётко выраженной политической линией достаточно сложно привлечь участников, в том числе, и на основе социальных сетей [162, p. 209]. Идеология, деятельность в политической среде может отпугнуть потенциальных участников как рискованная, непредсказуемая, что может послужить ингибирующим фактором в процессе рекрутирования членов. Этот тезис находит подтверждение как в результатах

авторского социологического опроса, так и в результатах регрессионного анализа его данных, приведённых в Главе 3.

Подведём промежуточный итог и обозначим, *какова роль офлайн социальных сетей в: 1) формировании идентичности участников; 2) в рекрутировании новых членов в институты гражданского общества:*

1) Роль социальных сетей варьируется в зависимости от направления деятельности организации, а также потенциальных издержек, которые может понести индивид как материального, так и нематериального характера.

2) Роль социальных сетей заметна в формировании идентичности как участников института, так и самого института, поскольку они служат проводником культуры участия.

3) Социальные сети, особенно объединяющие различные инклюзивные организации, способны стать основой для формирования доверия между участниками. Доверие участников друг к другу в рамках институтов является основой социального капитала, что служит фундаментом для развития гражданской культуры [7, p. 156]. Доверие в данном контексте рассматривается как отношения между знакомыми людьми, которых объединяют не просто рамки института, но и совместное участие в его деятельности. Специфика данного тезиса в том, что участие формирует доверие между посторонними людьми, которые не являются близкими родственниками.

Социальные медиа и молодёжные общественные организации: специфика взаимосвязи.

Социальные медиа привлекают молодёжь по причинам наличия определённых опций, таких как: возможность указать информацию о себе; демонстрация информации о том, кто в данный момент находится на сайте и с кем, соответственно, можно вступать в диалог; формировать группы по интересам, привлекая как друзей, так и малознакомых и незнакомых людей; возможность отслеживать поведение конкретного участника внутри сети, возможность совместного творчества, участия в создании видео, текстов, иной информации [163, p. 15].

Социальные медиа имеют уникальную в сравнении с другими информационными технологиями функцию – возможность делиться материалами с другими участниками сетевого взаимодействия. Следовательно, это расширяет возможности по организации процесса отношений. Социальные медиа можно разделить на общедоступные, для которых не важны особенности участников, будь то гендерные, профессиональные, финансовые характеристики, и специальные, создаваемые для участников, объединённых общими признаками и направленные на решение общей задачи [164, p. 105]. Особенность интернета и современных устройств в том, что они позволяют уместить разношёрстный контент в одном месте. Раньше информация распространялась при помощи различных носителей – книги, радио, телевидение. Сейчас всё можно найти в одной ленте новостей в виртуальной социальной сети [145, p. 15]. Ещё одна особенность интернета в том, что пользователи могут сами создавать оригинальный контент, одновременно

являясь и производителями, и потребителями информации. Помимо этого, современные электронные устройства очень мобильны (такие, например, как смартфоны), следовательно, это облегчает и ускоряет доступ к контенту, так как можно зайти в интернет, находясь где угодно [145, p. 15].

Далее рассмотрим понятия *«традиционные медиа», «новые медиа», «социальные медиа».*

Слово «медиа» произошло от латинского слова «медиус», что означало «середина». *Коммуникационные медиа* – это различные технологические инструменты, которые облегчают коммуникацию, то есть находятся посередине, между отправителем сообщения и его получателем [140, p. 8]. *Масс медиа* – это медиа, имеющие относительно большую аудиторию обычно анонимных пользователей [140, p. 13].

Дадим определение традиционных медиа и «новых» медиа. *Традиционные медиа характеризуются наличием следующих признаков*: 1) отправитель сообщения известен (фамилия редактора газеты, ведущего телепередачи), получатель – нет (неизвестно, кто читает и смотрит полученную информацию); 2) неинтерактивные – нет обратной связи от получателя информации; 3) производители информации – специально обученные люди, получающие за работу материальное вознаграждение (журналисты). Обычные люди – только получатели. Обратная связь возможна лишь в случае, когда они могут послать письмо в газету, позвонить в студию во время прямого эфира, но будет ли принято письмо и их звонок – наверняка не известно [153].

Цифровизация и интернет стёрли границы между разными видами медиа. Исследователи полагают, что термин «новые» медиа не вполне подходит для характеристики явления. Однако, иного варианта термина пока не было предложено. Эти медиа далеко не новые – в 2018 году интернету исполнилось 30 лет. Но за неимением другого учёные используют этот термин [165, p. 95].

В чем особенности «новых» медиа?

1) Интернет стирает различия в потребителях и производителях информации, то есть заменяет связь одного с многими на связь многих с многими по принципу сети. Возможны варианты распространения цифрового контента целенаправленно, когда известен получатель (и) сообщения (e-mail, мессенджер); когда идёт групповая коммуникация и число получателей ограничено (группа в социальных медиа, блог, паблик); и неограниченное число неизвестных получателей (вебсайты, форумы, каналы).

2) Проблема анонимности и её отсутствия у отправителей и получателей. С одной стороны, блогер или пользователь, подающий информацию, может использовать ник (псевдоним), поэтому идентифицировать его сложно, но возможно, благодаря IP адресу. Существуют анонимные сайты, где пользователи не идентифицируются вовсе. С другой стороны, некоторые сайты требуют регистрацию, чтобы посещать их, оставлять комментарии, присоединяться к группам.

3) Интерактивность присутствует, в том числе в обратной связи, выражаемая через комментарии, функции “like” («нравится») или “dislike” («не

нравится») и аналогичные, возможности прямого участия в формировании контента.

4) Как уже говорилось, потребитель информации может сам стать автором при наличии определённых технологий (интернет, смартфон) и элементарной цифровой грамотности [153].

Таким образом, новые медиа объединяют социальные медиа различного рода, такие как онлайн социальные сети, веб-сайты, онлайн радио, телетрансляции.

Социальные медиа можно определить, как группу интернет-платформ, которые основаны на идеологии и технологии Web 2.0 и позволяют создавать и обмениваться контентом, сгенерированным пользователями [166, p. 62]. Американский исследователь Sean Cartone так определил социальные сетевые медиа: «социальные» значит коммуникативные, с их помощью люди общаются друг с другом, «медиа» - это техники, которые являются средством передачи информации (находятся в середине этого общения) [167]. Исходя из этой логики, изобретение радио, телефона, телеграфа положило начало существованию социальных сетевых медиа. Интернет лишь придал новый вид этому типу коммуникации [167].

D. Boyd и N. Ellison [168, p. 219] полагают, что *историю развития социальных сетей можно разделить на четыре этапа*:

1) *Этап офлайн социальных сетей*– различные объединения людей, напрямую относящиеся к гражданскому обществу (клубы по интересам, гильдии, политические партии, позднее НПО, НКО и иные институты гражданского общества) – самый исторически продолжительный на сегодняшний день.

2) *Этап системы мгновенного обмена сообщениями*. На данном этапе социальная сеть уже имела электронный вид (пейджеры, SMS-сообщения).

3) *Этап ранних онлайн социальных медиа*. На данном этапе появляются блоги, форумы. Например, classmate.com, появившаяся в 1995 году, а также LiveJournal, возникший в 1999 году.

4) *Этап социальных медиа на основе технологии Web 2.0*. На данном этапе возникают интерактивные онлайн социальные медиа Meta (Facebook, Instagram, What’s App), X (Twitter), YouTube, VKontakte и другие.

Как уже упоминалось, в момент появления технологии Web 2.0 она вызвала энтузиазм в научной среде от тех возможностей участия, которые предоставляла. Отныне любой пользователь мог вносить вклад в обмен информацией на равных условиях с остальными участниками сети. Однако, контент в новых платформах по-прежнему формировался относительно ограниченным кругом людей. Подавляющее большинство пользователей по-прежнему просто поглощали его, ничего не вкладывая. Это явление называется participation inequality (неравенство участия). Появилось правило 1%, утверждающее, что на каждого человека, создающего контент, приходится 99% пользователей, которые не создают ничего [169, p. 130]. Вариация этого правила – это принцип 90-9-1 – 90% пользователей не участвуют в создании

контента, лишь потребляют, 9% пользователей делают это от случая к случаю, 1% - постоянно [170, с. 62]. Впоследствии была разработана *классификация пользователей социальных медиа по степени участия в создании контента*:

1) *Creators (создающие)* – блогеры, журналисты и обычные пользователи, кто загружает видео, музыку, тексты, которые потом потребляют остальные.

2) *Conversationalists (беседующие)* – те, кто делится своим мнением по поводу какого-то продукта, услуги, компании и тому подобного через социальные медиа, оказывая влияние на мнение других пользователей по конкретным вопросам.

3) *Critics (критики)* – реагируют на контент в комментариях, редактируют статьи в Википедии.

4) *Collectors (собиратели)* – используя теги, собирают в одном месте информацию, касающуюся одной конкретной темы.

5) *Joiners (присоединившиеся)* – поддерживают свой профайл в социальных медиа, периодически посещая его, выставляют фото, видео и другое.

6) *Spectators (зрители)* – просто потребляют информацию, созданную другими, собственный профайл используют как точку входа в социальные медиа.

7) *Inactives (неактивные)* – не создают, не потребляют контент, зачастую не имеют профайла в социальных медиа [171].

Исследователи выявили характерные особенности общения пользователей, возникшие за счёт интернета, но не способствующие разрешению проблем коммуникации [153], а именно:

1) большинство пользователей виртуальных социальных сетей (или социальных медиа) по-прежнему *spectators*, как было и с традиционными медиа;

2) создание контента требует времени и определённых знаний;

3) использование интернета варьируется не только в разных странах, но и в регионах одной страны.

Вывод учёных: несмотря на то, что цифровые технологии развиваются, вклад и участие пользователей даже в создании серьёзного развлекательного контента, пополняемого систематически и способного привлечь как можно больше интересующихся, значительно не увеличивается.

Существует ещё одна классификация пользователей социальных медиа, предложенная американскими исследователями Б. МакКонелл и Дж. Хуба [172, с. 19-43]. Они сформулировали *типологию 4Ф политически активных пользователей социальных медиа: «фильтры», «фанатики», «функционеры» и «фейерверки».* Рассмотрим каждый тип отдельно.

1) *«Фильтры»* - пользователи (преимущественно блогеры), которые собирают информацию, касающуюся какой-либо проблемы, в чатах, форумах, блогах и выпускают её на своих страничках, в пабликах или блогах.

2) *«Фанатики»* - сторонники или противники какой-либо политической партии или общественного движения, которые активно обсуждают его деятельность с положительной или критической точки зрения. Продвигаемый ими контент содержит только такую информацию.

3) *«Фейерверки»* - пользователи, которые создают интернет-мемы (иронически поданная информация в графическом или ином виде) на резонансные события и рассылают их по Сети, ставя таким образом в известность многих пользователей о произошедшем.

4) *«Функционеры»* - создатели сообществ, которые моделируют контент и составляют повестку для конкретного сообщества. Именно последние, как представляется, являются наиболее необходимыми акторами при использовании социальных медиа институтами гражданского общества. Возможно также привлечение «фильтров», «фанатиков» и «фейерверков» для придания работе «функционеров» большей интерактивности, инновационности и креативности.

С течением времени социальные медиа развиваются, эволюционируют. Некоторые из них преуспели – Facebook, YouTube, Twitter, VKontakte, другие исчезли – Xanga [159, p. 23].

*Рассмотрим типы социальных медиа***.** Как и в случае с общественными организациями, существует несколько вариантов типологий социальных медиа. Одна из них приведена ниже [159, p. 20]:

1) *Социальные сети* – продвигают межличностные контакты между индивидами и группами, формируют личные, профессиональные, географические связи и усиливают слабые связи – Meta (Facebook, Instagram, What's App), X (Twitter), VKontakte, LinkedIn, Research Gate.

2) *Сайты, содержащие контент, генерируемый пользователями* – поддержка творчества, культурной деятельности, обмен любительским или профессиональным контентом – YouTube, Wikipedia.

3) *Интернет-торговля* – Amazon, eBay, Wildberries.

4) *Сетевые игры* – Farm Ville, Angry Birds, World of Tanks, Counter Strike.

Сейчас границы между этими видами социальных медиа стираются. YouTube уже приобретает функции социальной сети (в терминологии данной классификации). Facebook позволяет создавать короткие видеоролики, Instagram открывает возможности для проведения видео звонков [173, p. 1740].

Американский исследователь R. Jones предлагает *разделить социальные медиа на четыре группы*:

1) *Социальные новости* – исключительно новостные ресурсы с функцией комментирования новостей пользователями и подписчиками: informburo.kz, tengrinews.kz, nur.kz, zakon.kz и другие.

2) *Социальный обмен* – платформы, позволяющие создавать, загружать и обмениваться видео или фото: Flickr.com, YouTube.com, Instagram.com.

3) *Социальные сети* – ресурсы, создаваемые в первую очередь для коммуникации: Meta (Facebook, Instagram, What's App), VKontakte, LinkedIn, MySpace, X и другие.

4) *Социальные закладки* – платформы, позволяющие пользователям сохранить свои закладки в интернете и делиться ими: delicious.com, blogmarks.com [174, p. 237].

Существует иная классификация, основанная на идее экосистемы социальных медиа. Её авторы L.Safko и D. Brake считают, что социальные медиа представляют собой экосистему наподобие биологической. Элементы в ней способны как сосуществовать, так и конкурировать [175, p. 58]. Как считают эти исследователи, можно выделить следующие категории социальных медиа:

1) *Социальные сети* – платформы, позволяющие обмениваться информацией о себе, своих интересах и новостях с коллегами, друзьями и знакомыми. Большинство этих платформ предоставляют пользователю возможность бесплатного создания профиля и последующей публикации контента, отражающего сферу интересов человека.

2) *Сетевые издания* – ресурсы, позволяющие загружать, обрабатывать и обсуждать различную информацию (блоги, форумы, Wikipedia).

3) *Фотохостинг* – веб-сайты, онлайн сообщества, позволяющие публиковать различные изображения, в частности Flickr. Instagram также изначально функционировал как подобный ресурс.

4) *Аудио и видеохостинг* – веб-сайты, позволяющие загружать и воспроизводить аудио и видеозаписи: YouTube, Одноклассники.ru, Яндекс.Музыка.

5) *Миниблоггинг* – ресурсы, позволяющие загружать и обмениваться текстовыми и аудио сообщениями, изображениями. Есть возможность получения и обмена новостями, обеспечения информацией. Как представляется, мессенджеры, такие как What'sApp, Telegram, Viber, Singal можно отнести к данному типу.

6) *Лайфкастинг* – платформы, позволяющие ретранслировать информацию в прямом эфире в социальных сетях (аналог интернет-радио). Некоторые социальные сети, такие как Facebook, Одноклассники.ru предоставляют такую возможность.

7) *Онлайн игры*. Большинство сетевых игр предоставляют возможность обмена сообщениями между игроками как в процессе игры, так и вне её.

8) *Поисковые системы* – программы, позволяющие осуществлять поиск информации в интернете: Google, Yandex, Mail, Bing и другие [175, p. 60].

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные сети представляют собой часть социальных медиа. Этот вывод базируется на изучении массива зарубежной литературы по теме.

Российские же исследователи придерживаются иной точки зрения. Они полагают, что социальная сеть имеет целью построение онлайн сообществ людей со схожими интересами. Связь между ними осуществляется через обмен сообщениями и комментариями в общих группах. Таким образом, социальная сеть создаёт основу для развития социальных медиа. Как представляется, западный подход к социальным сетям скорее можно считать дедуктивным, российский – скорее индуктивным [176].

Социальные сети включают в себя три компонента:

1) Концепцию (искусство, информация);
2) Медиа (аудио, видео, текст);
3) Социальное взаимодействие (электронное, прямое, вирусное) [153].

Наиболее яркими характеристиками социальных медиа можно считать следующие:

1) Досягаемость. Социальные медиа дают пользователям возможность обратиться к глобальной аудитории.
2) Доступность. Социальные медиа не подразумевают больших финансовых вложений со стороны пользователя, так как регистрация на большинстве наиболее популярных платформ бесплатна.
3) Простота. Для регистрации и работы в социальных медиа не требуются специализированные навыки и профессиональные курсы подготовки.
4) Мобильность. Социальные медиа обеспечивают практически мгновенное распространение контента в Сети. Доступ к контенту можно получить в любой точке мира, не будучи привязанным к персональному компьютеру (ПК), использовать смартфон.
5) Гибкость. В социальных медиа контент может быть изменён посредством комментирования и редактирования [153].
6) Возможность кооперации, постановки и достижении целей (создание групп по интересам).
7) Возможность обмена информации.
8) Возможность удовлетворения потребностей (расширение сети знакомых, увеличение вовлечённости в различную деятельность посредством увеличения членства в различных группах) [176].

Направления использования социальных медиа зависят от социокультурного и политико-экономического контекста. В рамках темы диссертационного исследования мы сконцентрируем своё внимание на таких типах социальных медиа, как социальные сети и сайты, содержащие контент, генерируемый пользователями (первый и второй тип в классификации выше), поскольку они отвечают целям нашего исследования.

В самом начале своего развития интернет (после появления WWW в 1991 году) воспринимался как площадка, олицетворяющая свободу индивида от государственного и правового регулирования. Появление социальных медиа в 2000-х усилило эту иллюзию, поскольку индивиды получили возможность по собственному желанию создавать контент и делиться им. Именно поэтому

многие исследователи медиа воспринимают социальные медиа как новый канал и одновременно инструмент по продвижению идей либерализма (свободы в различных её проявлениях), неформальности, толерантности, демократии. Все эти явления возникают на уровне пользователей, постепенно проникают в их сознание и шаг за шагом воздействуют на их мировоззрение (согласно идеям M. McLuhan) [177, p. 122]. Исследователь медиа A. Bruns предположил появление нового социального класса «produsers» - совмещение «producer» и «user» - пользователи, являющиеся одновременно создателями и распространителями контента [178, p. 46]. Возможности технологии Web 2.0 идеализировались и в направлении способности выстраивать связи в онлайн режиме и заменять собой реальные отношения.

Действительно, социальные медиа способны объединять пользователей, упрощать совместную деятельность. Сам термин «социальные» медиа говорит об этой направленности [178, p. 87]. Социальные медиа и предоставляемые ими механизмы способны создавать, укреплять и расширять сеть взаимодействий за счёт специфики технологии Web 2.0. К примеру, Meta (Facebook, Instagram, What's App) отслеживает контакты, группы, контент, который потребляет и производит определённый пользователь и подыскивает подобные группы, людей и контент, предлагая индивиду вступить в группу, подписаться на страницу, добавить кого-либо в друзья. Таким образом, платформа выступает в роли направляющего дальнейших контактов индивида. Если предыдущее поколение технологических платформ (Web 1.0) стимулировало индивида к самостоятельному поиску, то Web 2.0, предоставляя и такую возможность, основной акцент делает именно на автоматизированных предложениях самой платформы. Кроме того, социальные медиа на платформе Web 2.0 показывают пользователю, что его друзья делают онлайн, какую музыку слушают, какие видео смотрят, что читают. Следовательно, социальные медиа делают отношения более технологизированными, поскольку ранее частные эмоциональные проявления, о которых мы упомянули выше, демонстрировались при личных контактах [153].

С появлением и развитием платформы Web 2.0 понятия «участие» и «взаимодействие», казалось, обрели новый смысл в рамках новых технологических возможностей социальных медиа. Пользователи рассматривались как со-распространители и со-промоутеры контента, что обогащало онлайн сообщество. Это открыло новые перспективы для исследования, поскольку технологические возможности социальных медиа позволяют отследить, кто делится с кем какими фото, видео, новостями; кто создаёт основной контент; какие видео популярны в каких группах [153]. Институты гражданского общества получают возможность расширить свою целевую аудиторию, увеличить количество подписчиков и рекрутировать новых членов.

В связи с проблемой участия, связей и взаимосвязанности, и развитием социальных медиа, возникает вопрос: каким образом следует оценивать контакты индивида в социальных медиа? В офлайн мире индивида оценивают

не по количеству его контактов, но по их качеству и статусности. В контексте социальных медиа возникает термин «друзья». Он рассматривается применительно ко всем контактам индивида, включая в себя сильные связи (людей, которых он знает лично) и слабые связи (малознакомых и незнакомых людей) в терминологии R. Putnam. Похожее значение имеет термин «подписчики», которыми могут быть абсолютно любые индивиды, отслеживающие публикации какого-либо пользователя – от близких знакомых до посторонних людей. В онлайн мире востребованность и значимость пользователя зачастую оценивается по количеству контактов (друзей и подписчиков). Однако, их качество может быть невысоким.

Подобная проблема возникает в ситуации с так называемыми «лайками» и количеством просмотров. Чем их больше у пользователя, сообщества, сообщения, тем они популярнее. Следовательно, они способны стать трендом и влиять на пользователей. Качество информации с большим количеством лайков может быть различно, эту особенность социальных медиа нужно учитывать при распространении информации.

Как утверждает J. van Dijk, термин «социальные» медиа не вполне уместен, так как они не способны заменить прямую (социальную, общественную) коммуникацию между индивидами. Наиболее предпочтительным был бы термин «связующие» медиа (“connective media”), однако первый вариант на сегодняшний день устоялся, следовательно, в науке они именуются именно так [179, p. 46].

Как уже упоминалось, неудивительно, что социальные медиа, их возможности, привлекательные для молодёжи в особенности, породили множество теоретических и научных споров. С одной стороны, появились горячие сторонники социальных медиа на технологической платформе Web 2.0, такие как Y. Benkler [140, p. 77], H. Jenkins [180, p. 117]. Они полагают, что новые цифровые возможности способны стимулировать пользователей создавать, продвигать контент, образовывать новые связи, практически оформить новое общественно-политическое пространство в онлайн среде. Например, исследователь коммуникаций Z. Papacharissi утверждает, что социальные медиа создают пространство, стирающее границы между частным и публичным, и формируют новые возможности для формирования идентичности [181, p. 43].

С другой стороны, подобные взгляды критиковались весьма серьёзно. Сторонники политической экономии K. Milberry и S. Anderson рассматривают социальные медиа как неудачный эксперимент по увеличению демократического участия [182, p. 398]. Идеи исследователей медиа воспринимаются ими как наивная вера в возможности социальных медиа по формированию новой альтернативной публичной сферы взамен уже существующих [183]. Критики полагают, что объединение разных платформ под одной корпорацией, пересечение их сфер деятельности ограничивает возможности платформы Web 2.0 как инструмента формирования партиципаторной культуры (культуры участия), демократии, самоуправления.

Эксперты в области права обвиняют социальные медиа в нарушении конфиденциальности, разглашении персональных данных [184, p. 33].

Выводы:

1) Понятие социальной сети в исследовательском поле носит дуалистический характер, объединяя как офлайн-формы горизонтальных социальных связей, основанных на личном взаимодействии и доверии, так и онлайн-платформы Web 2.0, обеспечивающие технологически опосредованную коммуникацию. Такое разграничение позволяет методологически корректно различать реальные социальные сети как источник социального капитала и социальные медиа как инструмент его трансляции и расширения.

2) Социальные сети офлайн характера выступают одновременно условием и результатом участия индивидов в институтах гражданского общества, поскольку включённость в деятельность общественных организаций способствует формированию устойчивых сетевых связей, которые, в свою очередь, усиливают мотивацию к дальнейшему участию. Тем самым социальные сети функционируют как самовоспроизводящийся механизм институциональной устойчивости институтов гражданского общества.

3) Роль офлайн социальных сетей в рекрутировании и удержании участников дифференцируется в зависимости от типа организации, характера её деятельности и структуры стимулов участия. Для общественно-политических и безвозмездных организаций социальные сети имеют значительно более высокую мобилизационную и идентификационную значимость, чем для организаций, ориентированных на материальные выгоды или обладающих закрытым, эксклюзивным характером.

4) Офлайн социальные сети выполняют ключевую функцию формирования индивидуальной и коллективной идентичности в рамках институтов гражданского общества, выступая социальным контекстом, в котором формируется чувство принадлежности, коллективное «мы» и культура участия. Именно через сетевые взаимодействия происходит трансляция ценностей, норм и символов институциональной идентичности, что особенно важно для инклюзивных, неиерархизированных общественных организаций.

5) Онлайн социальные медиа, несмотря на технологический потенциал, характеризуются структурным неравенством участия, при котором активное создание контента сосредоточено у узкой группы пользователей. Это ограничивает их способность к формированию подлинно партиципаторной среды, однако не снижает их значения как каналов распространения идей, символов и образов институтов гражданского общества.

6) Для казахстанского контекста социальные сети обладают повышенной значимостью как канал доверительного рекрутирования, поскольку решение об участии в деятельности институтов гражданского общества во многом принимается через призму межличностных связей с родственниками и близкими знакомыми. Онлайн социальные медиа играют роль дополнительной и опосредованной функции, так как неспособны заменить

сильные горизонтальные связи, что показано в Главе 3 по результатам авторского социологического опроса и корреляционно-регрессионного анализа.

2.3.1 Операционализация понятия «социальные медиа»

В рамках настоящего исследования понятие «социальные медиа» определяется как совокупность интернет-платформ, основанных на идеологии и технологических принципах Web 2.0, обеспечивающих пользователям возможность создания, распространения и обмена контентом, генерируемым самими пользователями. Для целей эмпирического анализа данное теоретическое определение подлежит операционализации через выделение измеряемых индикаторов и переменных.

Во-первых, в качестве *критерия отнесения платформ к социальным медиа* используются следующие признаки: 1) наличие пользовательских аккаунтов; 2) возможность генерации оригинального контента (тексты, изображения, видео); 3) наличие интерактивных механизмов (комментарии, лайки, репосты); 4) сетевой характер взаимодействия (подписки, друзья, сообщества). На основе данных критериев в исследование включаются такие платформы, как Instagram, Facebook, TikTok, Telegram, VKontakte и аналогичные сервисы.

Во-вторых, понятие «социальные медиа» конкретизируется через систему *операциональных переменных*, отражающих степень вовлечённости индивида:

1) *Наличие аккаунта в социальных медиа* (дихотомическая переменная: 1 — имеется, 0 — отсутствует).

2) *Частота использования социальных медиа* (порядковая шкала: от «никогда» до «ежедневно»).

3) *Интенсивность использования* (интервальная/квазиинтервальная переменная: среднее количество времени, проводимого в социальных медиа в день).

4) *Тип активности* (номинальная переменная: пассивное потребление контента / активное создание контента / участие в обсуждениях).

5) *Уровень интерактивности* (порядковая шкала, фиксирующая частоту лайков, комментариев, репостов).

6) *Подписка на общественно-политический контент* (дихотомическая или порядковая переменная, отражающая наличие и степень интереса к тематическим страницам и каналам).

Данные индикаторы используются при проведении авторского социологического опроса молодёжи Казахстана в 2019, 2023 и 2025 годах, а также при проведении множественного корреляционно-регрессионного анализа его данных.

2.4 История развития социальных медиа в мире и Казахстане

Далее диссертационное исследование рассматривает историю функционирования наиболее популярных среди молодёжи Казахстана социальных медиа. Данные о популярности получены нами на основании оригинального социологического исследования, результаты которого анализируются в Главе 3.

VKontakte (ВКонтакте) – одна из самых популярных социальных сетей на территории стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Основана Павлом Дуровым в 2006 году. Как и Facebook, VKontakte реализовывался как проект для онлайн общения студентов крупнейших ВУЗов. В ноябре 2006 года была открыта свободная регистрация всех желающих для увеличения числа пользователей. Согласно статистическим данным, в 2019 году количество пользователей VKontakte в странах СНГ распределилось следующим образом: Казахстан занимает второе место после России (см. Рисунок 9) [185].

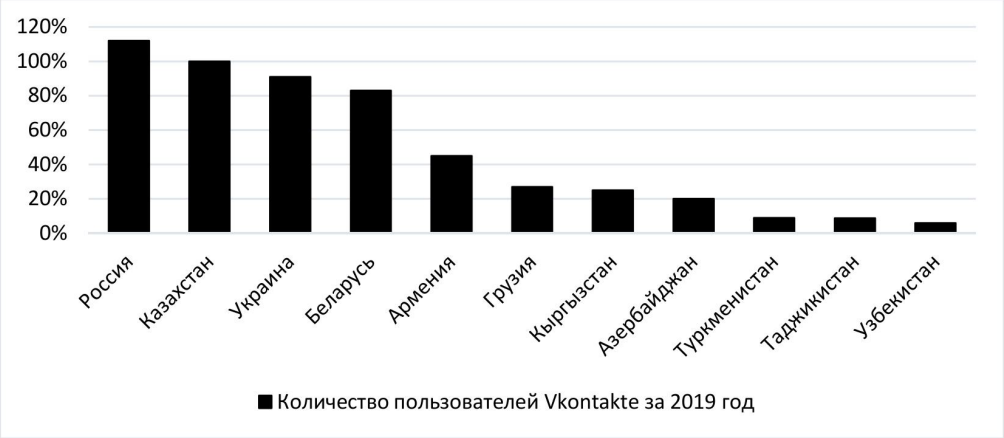


Рисунок 9 – Количество пользователей VKontakte за 2019 год. Источник: [185].

В 2019 году молодёжь составляла самую большую группу пользователей данной социальной сети (см. Рисунок 10).

31 января 2020 года VKontakte открыла в Казахстане своё единственное представительство за границами России. Казахоязычная версия данной социальной медиа появилась в первые годы её функционирования [186]. Однако, в 2023 году популярность ВКонтакте снизилась среди молодёжи, особенно в среде русскоязычных молодых людей [163, p. 9]. Это может быть связано с войной России-Украины и российской принадлежностью данной платформы.

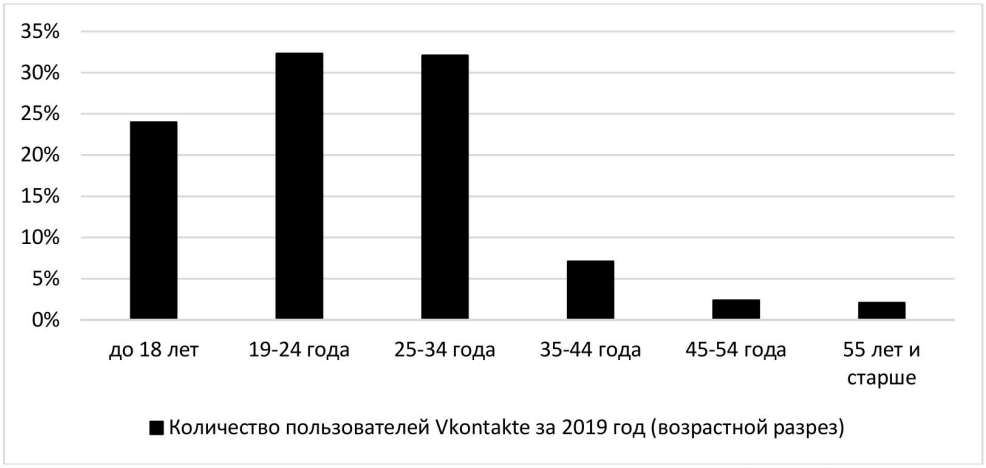


Рисунок 10 – Количество пользователей Vkontakte за 2019 год (возрастной разрез). Источник: [185]

Instagram в качестве приложения с элементами социальной сети появился в 2010 году. В 2011 году была выпущена версия на платформе Web 2.0. В 2012 году Facebook приобрела Instagram, после чего последняя стала трансформироваться в полномасштабную социальную сеть. На территории СНГ Instagram становится известным после 2013 года. Согласно статистике, молодёжь наиболее активно пользуется этой социальной сетью (см. Рисунок 11) [187]. По данным оригинального социологического исследования, приведённым в Главе 3, Instagram занимает первое\второе место по популярности среди молодёжи Казахстана [163, p. 9]. В 2023 году после падения популярности ВКонтакте, Instagram вышел на первое место [163, p. 9].

Facebook на сегодняшний день одна из крупнейших социальных медиа. Основана Марком Цукербергом в 2004 году как сайт интерактивного общения для студентов Гарварда. Позже к ней присоединились студенты других ВУЗов США. В 2006 году была открыта свободная регистрация всех желающих старше 13 лет и имеющих адрес электронной почты. Согласно статистике за 2019 год, количество молодёжи превалирует среди общего числа пользователей Facebook (см. Рисунок 12) [187]. По данным оригинального социологического исследования (см. Главу 3), с 2019 года по 2023 год число пользователей данной социальной медиа неуклонно снижается [163, p. 9].

Мессенджер What'sApp также достаточно популярен среди молодёжи Казахстана. В качестве системы мгновенного обмена сообщениями появилась в 2009 году. В 2014 году Facebook приобрела What'sApp. С 2016 года платформа становится бесплатной для скачивания и использования. Пользователь оплачивает лишь интернет-трафик.

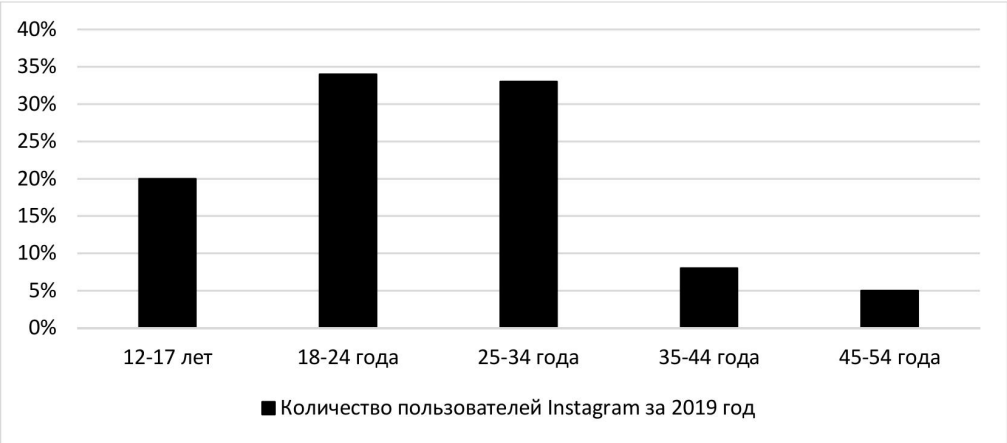


Рисунок 11 – Количество пользователей Instagram за 2019 год (возрастной разрез). Источник: [187]

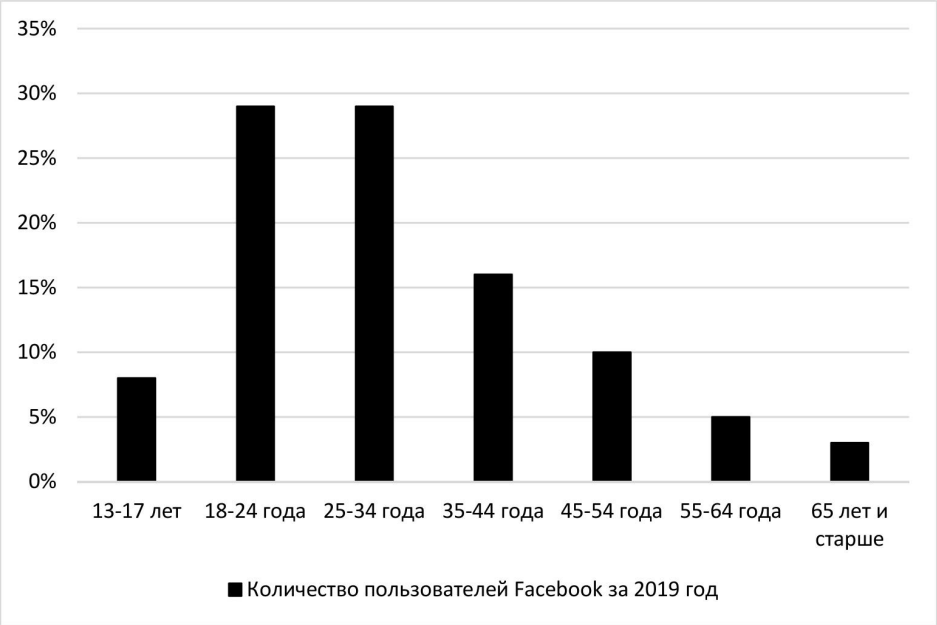


Рисунок 12 – Количество пользователей Facebook за 2019 год (возрастной разрез). Источник: [187].

На сегодняшний день What'sApp начинает приобретать черты социальной сети. В частности, возможность создавать группы, обмениваться файлами, включая видео и аудио. На данный момент пока отсутствует возможность совместного редактирования сообщений, интерактивность платформы ниже, чем у Facebook, Instagram или VKontakte. Поскольку возраст пользователей в What'sApp определить невозможно, на данном этапе можно проанализировать лишь статистику пользователей в целом (см. Рисунок 13) [188].

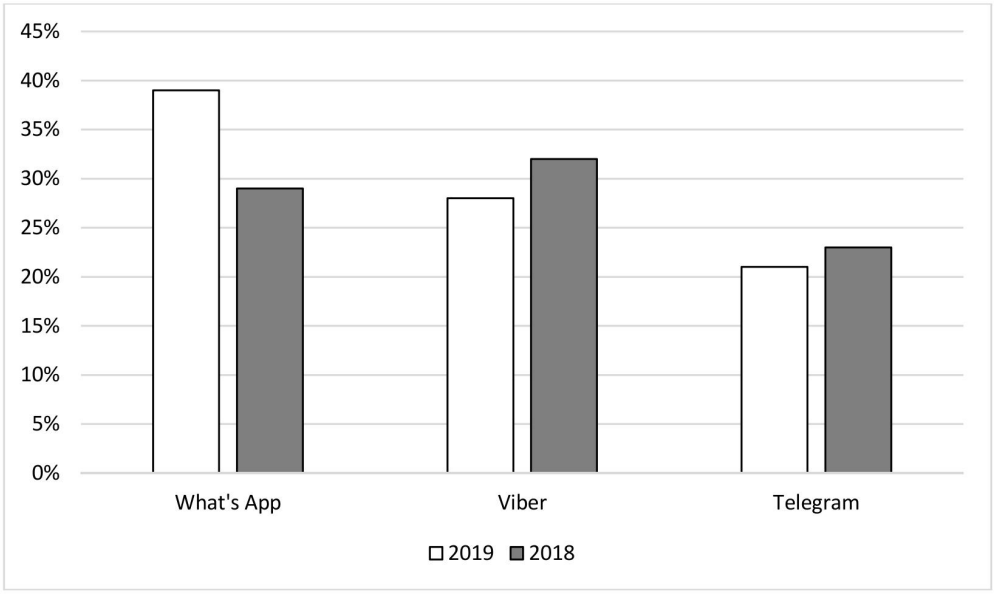


Рисунок 13 – Количество пользователей What'sApp за 2019 год (в сравнении с другими мессенджерами). Источник: [188].

По данным, приведённым на Рисунке 13, What'sApp – единственная из упомянутых платформ для обмена сообщениями, которая увеличила количество пользователей за последние два года. Согласно информации, приведённой в статье, опубликованной автором, популярность What'sApp немного снизилась с 2019 года до 2023 года [163, p. 9].

YouTube в качестве первого в интернете видеохостинга появился в 2005 году. В 2006 году компания Google купила YouTube. На 2019 год эта платформа насчитывала 1,9 млрд пользователей. Сейчас она приобретает черты социальной медиа, а именно – возможность создания групп по интересам вокруг тематических видео, обмена сообщениями о контенте [188].

Tiktok. В сентябре 2016 года ByteDance запустила приложение Douyin для внутреннего китайского рынка. Платформа изначально позиционировалась как сервис для создания и просмотра коротких видеороликов, длительность которых не превышала 15 секунд, с акцентом на музыкальное сопровождение и визуальные эффекты. Международная экспансия началась в 2017 году с запуска глобальной версии приложения под названием TikTok [189, p. 255]. Одной из ключевых особенностей TikTok является использование продвинутых алгоритмов рекомендаций, основанных на анализе пользовательского поведения. Лента «For You» (персонализированная рекомендационная система) обеспечивает высокую степень вовлечённости пользователей за счёт адаптации контента под индивидуальные предпочтения [190, p. 799]. Tiktok достаточно популярен среди молодёжи Казахстана в силу высокой интерактивности и визуальной привлекательности интерфейса платформы [191, p. 12].

Выводы:

1) Эволюция социальных медиа в Казахстане демонстрирует смену доминирующих платформ в молодёжной среде, обусловленную как технологическими трансформациями самих сервисов, изменениями

коммуникативных потребностей молодёжи, так и внешнеполитическими обстоятельствами. Если в 2019 году ключевые позиции занимала социальная сеть VKontakte, то к 2023 году наблюдается её устойчивое вытеснение Instagram, что свидетельствует о переходе от тексто-ориентированных и универсальных платформ к визуально-ориентированным и персонализированным формам цифровой коммуникации, а также о воздействии факторов внешней среды на выбор молодёжи, поскольку VKontakte является российской социальной сетью. На снижении популярности могла сказаться война России и Украины.

2) Региональная адаптация и институциональное присутствие социальных медиа (включая открытие представительств и локализацию интерфейсов) выступают значимыми, но недостаточными факторами долгосрочного удержания молодёжной аудитории. Несмотря на раннее появление казахоязычной версии VKontakte и открытие официального представительства в Казахстане, платформа утратила позиции среди молодёжи, что указывает на приоритет культурно-коммуникативных трендов и пользовательского опыта над формальными мерами локализации.

3) Наблюдается функциональное сближение социальных сетей и мессенджеров, что проявляется в трансформации таких сервисов, как What'sApp и YouTube, в гибридные коммуникационные платформы. Однако степень интерактивности и возможности коллективного участия остаются ключевыми критериями их классификации: мессенджеры, несмотря на рост пользовательской базы, пока не достигают уровня социального взаимодействия, характерного для полноценных социальных сетей.

Общие выводы по Главе 2:

1) Информационные технологии и социальные медиа способны выступить системным структурным фактором трансформации гражданского общества в Казахстане, а не лишь инструментом коммуникации. Их влияние проявляется в изменении логики общественного взаимодействия: от иерархических, территориально ограниченных форм к сетевым, платформенным и горизонтальным моделям, что особенно значимо для авторитарного политического контекста с незавершённой институционализацией гражданского общества.

2) Эволюция интернета от Web 1.0 к Web 2.0 привела к качественному сдвигу от пассивного потребления информации к интерактивному участию, однако данная технологическая возможность не тождественна реальному гражданскому участию. Социальные медиа создают условия для мобилизации, рекрутирования и распространения идей институтов гражданского общества, но не гарантируют формирование устойчивых практик участия без офлайн-подкрепления и институциональной поддержки.

3) Развитие социальных медиа в Казахстане характеризуется сменой доминирующих платформ в молодёжной среде, отражающей не только технологические тренды, но и влияние внешнеполитических и социокультурных факторов. Вытеснение VKontakte Instagram в период 2019-

2023 гг. свидетельствует о переходе от универсальных тексто-ориентированных сетей к визуально-персонализированным формам коммуникации, а также о чувствительности молодёжи к символическому и политическому контексту цифровых платформ.

4) Функциональные границы между социальными сетями, мессенджерами и контент-платформами постепенно стираются, формируя гибридную экосистему социальных медиа. WhatsApp и YouTube демонстрируют движение в сторону социальных медиа, однако сохраняющееся структурное неравенство участия и ограниченная интерактивность препятствуют их превращению в полноценные пространства партиципаторной культуры и коллективного действия.

5) Социальные медиа играют ключевую роль в формировании индивидуальной и коллективной идентичности в рамках институтов гражданского общества, выступая средой трансляции норм, ценностей и символов гражданского участия. Для Казахстана их значение усиливается спецификой рекрутирования, основанного на доверительных межличностных связях, что делает сетевые взаимодействия критически важным ресурсом для расширения социальной базы гражданского общества.

6) Усилия государства в цифровизации всех сфер жизнедеятельности увеличились после Январских событий 2022 года. Расширяется инструментарий онлайн-платформ прямой коммуникации (e-Petition, запущенная в 2024 году, e-Otinish и другие) между обществом и государством. Последнее получило возможность анализа общественных настроений и общественного запроса через изучение тем подаваемых обращений и количества людей, подписавших их. Кроме того, всё большее внимание уделяется месту ИИ в общественно-политических процессах в РК [192]. Эффект практического стимулирования системной гражданской активности в среде молодёжи, на данный момент, остаётся невысоким, о чём говорят результаты оригинального социологического опроса и корреляционно-регрессионного анализа, рассматриваемые в Главе 3.

Эмпирические данные показывают, что онлайн-взаимодействия преимущественно дополняют офлайн-связи и зависят от уже существующих социальных, ценностных, иногда территориальных комьюнити.

3 ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЁЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАЗАХСТАНА

3.1 Количественный анализ влияния социальных медиа на деятельность молодёжных общественных организаций Казахстана

3.1.1 Анализ результатов социологического опроса молодёжи Казахстана

В ходе диссертационного исследования был проведён оригинальный социологический опрос с целью выявления степени воздействия социальных медиа на гражданскую активность молодёжи в рамках молодёжных общественных организаций Казахстана и на уровень её осведомлённости о деятельности таковых, а также для выявления существования корреляционной зависимости офлайн гражданского активизма молодёжи от уровня онлайн активности молодых людей в социальных медиа.

В главе 2 рассмотрены идеи технологического детерминизма, утверждающие, что уровень гражданского активизма и развития общественных ассоциаций находится в прямой зависимости от уровня технологического развития общества, в данном случае от степени развития социальных медиа. Существует противоположная точка зрения, высказываемая сторонниками теории социальных сил, утверждающая, что информационные технологии (социальные медиа) являются лишь одной из составляющих гражданского участия. Первостепенную роль в гражданской активности и деятельности общественных организаций играют исторические, социальные, политические, экономические, культурные, мировоззренческие предпосылки, подкреплённые технологиями.

При анализе результатов оригинального социологического исследования используются положения данных теоретических направлений, на основании которых делается вывод о том, какая из этих точек зрения наиболее релевантна в условиях современной казахстанской общественно-политической реальности.

Нами был проведён оригинальный анкетный опрос с выборкой 600 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет из всех регионов Казахстана. 200 респондентов было опрошено в 2019 году, 200 – в 2023 году, 200 – в 2025 году. Отбор респондентов осуществлялся с использованием серийной вероятностной выборки [193, p. 123]. В процессе исследования автором были отобраны статистические серии, включающие в себя группы студентов нескольких ВУЗов города Алматы (КазНУ имени Аль-Фараби, КБТУ, УМБ имени Кенжегали Сагадиева, МОК). Отбор осуществлялся на основании следующих предположений автора: 1) студенты ВУЗов активно используют социальные медиа и имеют возможность участвовать в деятельности общественных объединений при университетах; 2) Алматы является образовательным центром республики, привлекающим молодёжь со всей страны. Это обеспечивает репрезентативность выборки. Исследование построено как повторное кросс-секционное когортное исследование: в каждой волне опроса формировалась независимая выборка респондентов одного и того же возрастного диапазона,

что позволяет анализировать динамику показателей внутри возрастной когорты без индивидуального панельного отслеживания.

Вопросы анкеты были разделены на три группы:

1) Вовлечённость молодёжи в социальные медиа;

2) Участие молодых людей в деятельности молодёжных общественных объединений;

3) Наличие либо отсутствие связи между онлайн активностью молодёжи в социальных медиа и её офлайн гражданским участием посредством вовлечения в деятельность молодёжных общественных организаций.

Характеристика выборки оригинального социологического исследования: социально-демографический состав выборки в целом соответствует общей структуре молодёжи (см. Таблицу 1, Таблицу 2 и Таблицу 3). Таблица 1 демонстрирует данные оригинального социологического исследования по распределению респондентов по половому признаку в опросе 2019 года.

Таблица 1 – Пол (из 200 респондентов социологического исследования 2019 года). Источник: данные автора

Респонденты	Количество	Процент
Мужской пол	72	36%
Женский пол	128	64%

Таблица 2 показывает данные оригинального социологического исследования по распределению респондентов по половому признаку в опросе 2023 года.

Таблица 2 – Пол (из 200 респондентов социологического исследования 2023 года). Источник: данные автора

Респонденты	Количество	Процент
Мужской пол	106	53%
Женский пол	94	47%

Таблица 3 демонстрирует данные оригинального социологического исследования по распределению респондентов по половому признаку в опросе 2025 года.

Таблица 3 – Пол (из 200 респондентов социологического исследования 2025 года). Источник: данные автора

Респонденты	Количество	Процент
Мужской пол	65	32,5%
Женский пол	135	67,5%

Таблицы 4, 5 и 6 описывают соотношение респондентов по возрасту (см. Таблицы 4, 5 и Таблицу 6). Таблица 4 показывает данные опроса 2019 года.

Таблица 4 – Возраст (из 200 респондентов социологического исследования 2019 года). Источник: данные автора

Респонденты	Количество	Процент
18-21 год	154	77%
22-25 лет	46	23%

Таблица 5 демонстрирует данные опроса 2023 года.

Таблица 5 – Возраст (из 200 респондентов социологического исследования 2023 года). Источник: данные автора

Респонденты	Количество	Процент
18-21 год	116	58%
22-25 лет	84	42%

Таблица 6 демонстрирует данные опроса 2025 года.

Таблица 6 – Возраст (из 200 респондентов социологического исследования 2025 года). Источник: данные автора

Респонденты	Количество	Процент
18-21 год	124	62%
22-25 лет	76	38%

С целью анализа онлайн участия молодёжи в социальных медиа, автором диссертационного исследования были выделены пять главных индикаторов, которые соответствуют трём группам вопросов анкеты оригинального социологического исследования.

Индикатор 1 – вовлечённость молодёжи в социальные медиа.

При изучении результатов оригинального социологического исследования выявлено, что в 2019 году 99,3% респондентов имеют аккаунт в социальных медиа, по итогам исследования 2023 года, это количество составляет 100%, в 2025 году количество респондентов, имеющих аккаунт, составило 99% (см. Рисунок 14).

Таким образом, можно проследить тенденцию к сохранению очень высокой представленности молодёжи в социальных медиа.

Далее рассматриваются предпочтения молодёжи в выборе социальных медиа – какие именно ресурсы наиболее популярны. Необходимо отметить, что отечественный мессенджер Aitu появился в Казахстане в 2020 году [163, p. 7]. На момент проведения исследования осведомлённость о нём у респондентов отсутствовала. В 2025 году Президент РК Касым-Жомарт Токаев распорядился перевести государственные сервисы в Aitu, с целью повышения его популярности и снижения зависимости от иностранных платформ [194]. По этой причине все платформы, рассмотренные в оригинальном социологическом исследовании, иностранного производства, адаптированные к казахстанской специфике. Согласно результатам оригинального социологического исследования 2019 года, российский ресурс ВКонтакте находился на первом

месте по популярности, американские платформы Instagram и Facebook – на втором и третьем месте соответственно (см. Рисунок 15). На данный вопрос отвечало 199 респондентов, при этом сумма не равна 100%, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответа.

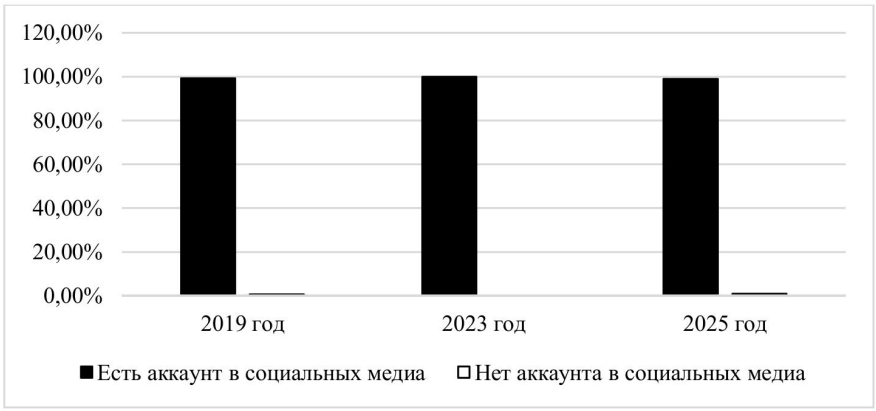


Рисунок 14 – Представленность молодёжи в социальных медиа в 2019, 2023 и 2025 годах. Источник: данные автора

Сравниваются данные результаты с результатами оригинального социологического исследования 2023 года (см. Рисунок 16). На данный вопрос отвечало 200 респондентов, при этом сумма не равна 100%, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответа. Как видно из Рисунка 16, Instagram вышел на первое место по популярности, ВКонтакте опустился на второе место, Telegram поднялся на третье место, What's App занимает четвёртое место.

Последние две платформы являются мессенджерами. Данная тенденция весьма интересна тем, что мессенджеры стремительно набирают популярность в молодёжной категории и начинают конкурировать с социальными сетями, несмотря на то, что по интерактивности пока ещё уступают последним.

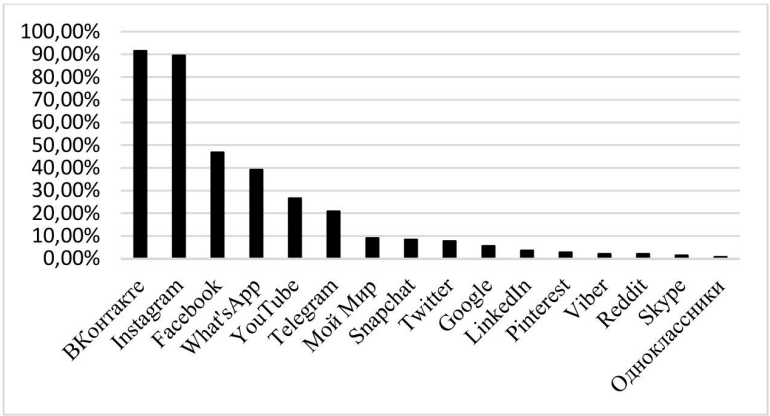


Рисунок 15 – Популярность различных социальных медиа среди молодёжи Казахстана (2019 год). Источник: данные автора

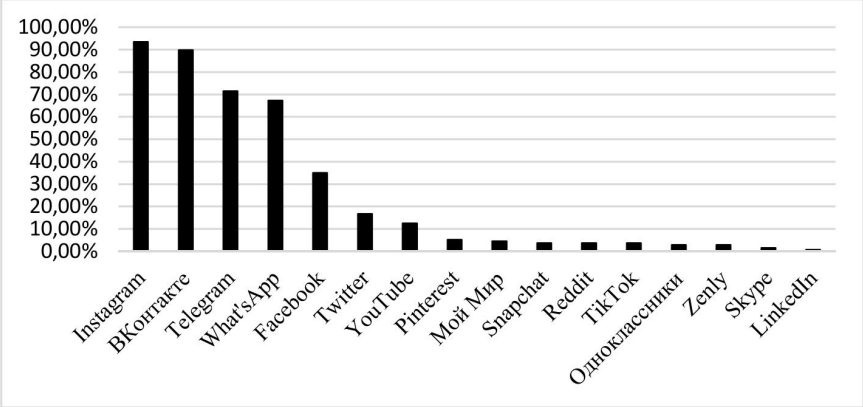


Рисунок 16 – Популярность различных социальных медиа среди молодёжи Казахстана (2023 год). Источник: данные автора

Рассматриваются результаты опроса 2025 года (см. Рисунок 17).

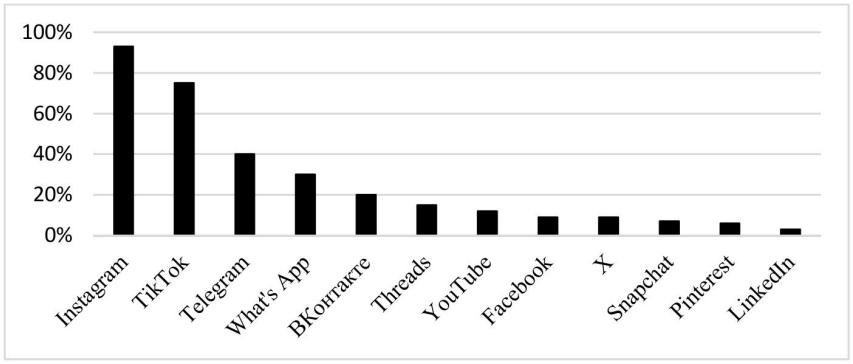


Рисунок 17 – Популярность различных социальных медиа среди молодёжи Казахстана (2025 год). Источник: данные автора

Как видно из Рисунка 17, Instagram сохранил лидирующие позиции, TikTok резко поднялся с двенадцатого места на первое, Telegram и What's App сохранили третье и четвёртое место по востребованности, ВКонтакте опустился на пятое место.

Индикатор 2 – частота посещения страницы молодыми людьми.

При сравнении результатов оригинального социологического исследования 2019, 2023 и 2025 годов видно, что в опросе 2019 года 89,5% респондентов посещают социальные медиа несколько раз в день (199 человек (сумма равна 100%)), в опросе 2023 года – это делают 90,5% респондентов (200 человек (сумма равна 100%)), в опросе 2025 года – 72,5% респондентов (200 человек (сумма равна 100%)) (см. Рисунок 18).

Анализируя индикатор 2, можно проследить изменения в тенденции на сохранение частоты посещения аккаунта в социальных медиа среди молодёжи. К 2025 году наблюдается снижение частоты посещений и рост доли пользователей, характеризующихся эпизодической онлайн-активностью. Данная тенденция может свидетельствовать об усилении значимости практик цифрового детокса в молодёжной среде, а также о формировании определённой

цифровой усталости, обусловленной перенасыщенностью информационного пространства и стремлением к самореализации вне цифровой среды.

Индикатор 3 – цели молодёжи в социальных медиа.

Сравним результаты оригинальных исследований за 2019, 2023 и 2025 годы. В оригинальном исследовании 2019 года на соответствующий вопрос анкеты ответило 199 человек (сумма не равна 100%), в 2023 году – 200 человек (сумма не равна 100%), в 2025 году – 199 человек (сумма не равна 100%) (см. Рисунок 19).

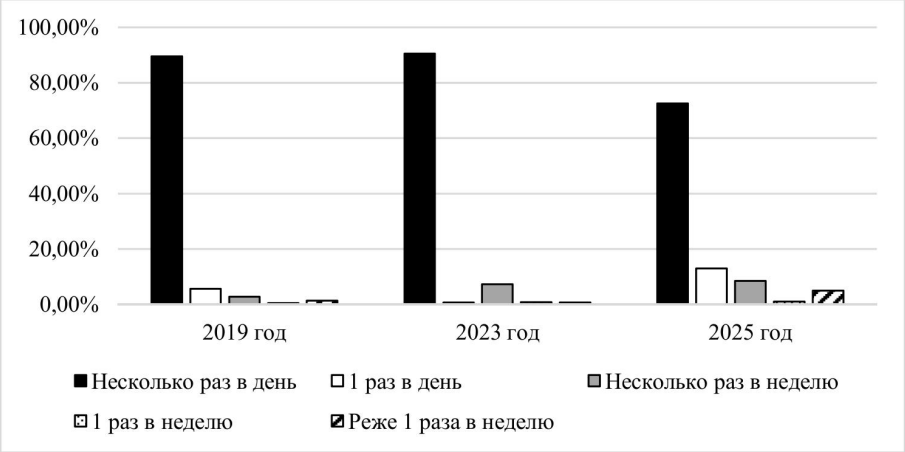


Рисунок 18 – Частота посещения страницы в социальных медиа (2019, 2023 и 2025 годы). Источник: данные автора

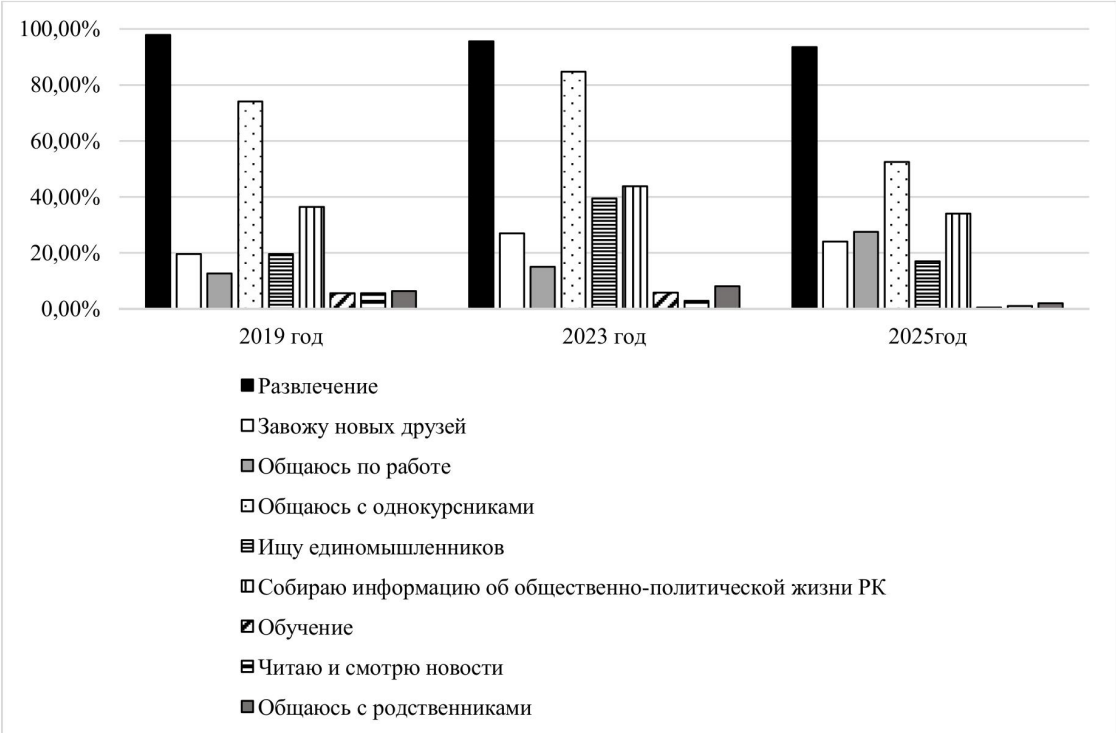


Рисунок 19 – Цели молодёжи в социальных медиа (2019, 2023 и 2025 годы). Источник: данные автора

Как видно из Рисунка 19, развлечение, как цель посещения молодёжью социальных медиа, имеет тенденцию к снижению (97,9%, 95,6% и 93,5%). Общение с однокурсниками занимает второе место по популярности во всех опросах. Важность данного показателя заключается в значимости фактора друзей при дихотомии участие\неучастие в молодёжных общественных организациях, что видно в дальнейших исследованиях, отражённых в главе 3. Немного поднялся показатель получения информации об общественно-политической жизни Казахстана (43,8% в 2023 году против 36,4% в 2019 году), однако, в 2025 году он снова понизился (34%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что, наряду с развлечением, молодёжь использует социальные медиа для общения со сверстниками и для получения общественно-политической информации. Возникает предположение, что социальные медиа имеют потенциал использования в создании виртуальной информационной основы для развития гражданской культуры молодёжи, что впоследствии может стимулировать развитие институтов гражданского общества (молодёжных общественных организаций).

Индикатор 4 – осведомлённость молодёжи о молодёжных общественных организациях Казахстана. Для анализа данного индикатора использованы результаты оригинальных социологических исследований за 2019, 2023 и 2025 годы. Сумма равна 100% во всех случаях, количество респондентов – 200 человек в каждом исследовании. Как видно из Рисунка 20 (см.), уровень осведомлённости вырос в 2023 году, по сравнению с 2019 годом, однако, достаточно сильно снизился в 2025 году. При этом уровень неосведомлённости существенно вырос с 2023 года по 2025 год. Уровень неопределённости (вариант ответа «затрудняюсь ответить») с 2019 года по 2025 год постепенно снижался. Несмотря на то, что 2020 год был объявлен Годом волонтёрства в Казахстане, эффект этого события оказался непродолжительным, несмотря на рост осведомлённости в 2023 году, к 2025 году она снизилась.

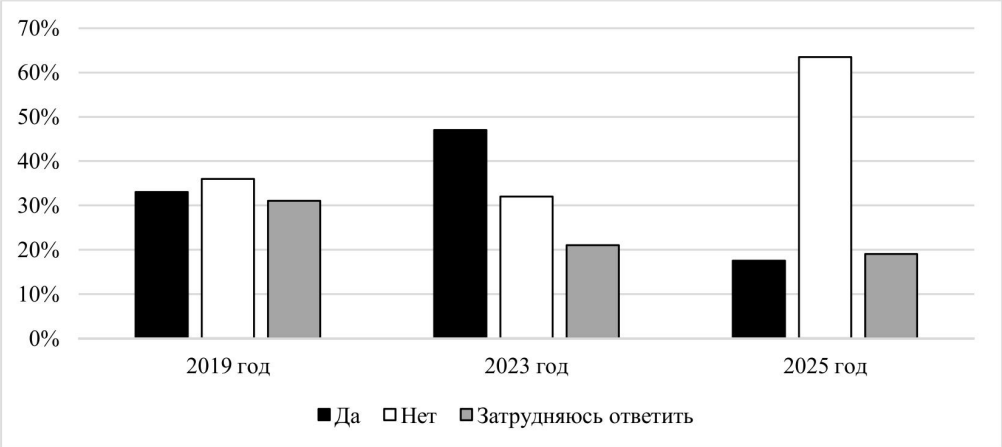


Рисунок 20 – Осведомлённость молодёжи о молодёжных общественных организациях Казахстана. Источник: данные автора

Проанализируем предметно какие именно молодёжные общественные объединения известны молодёжи. Согласно результатам исследования 2019 года, картина выглядит следующим образом (см. Рисунок 21), (сумма не равна 100%, так как респонденты могли предложить несколько вариантов ответов. Количество респондентов, ответивших на этот вопрос в опросе 2019 года – 66 человек): *Жас Отан* (в 2022 году переименована в *Жастар Рухы*) – молодёжное крыло партии *Нур Отан* (в 2022 году переименована в *Аманат*) [163, p. 14] является наиболее известной молодёжной организацией; на втором месте *AIESEC* – международная молодёжная общественная организация, в качестве целей которой заявлено обучение лидерству молодёжи с помощью кросс-культурной коммуникации; на третьем месте *Лига Волонтёров* – молодёжная волонтёрская общественная организация, которая существует с 2014 года. Таким образом, последняя из приведённых – единственная казахстанская молодёжная общественная организация, созданная «снизу». *Жас Отан* как крыло *Нур Отан* является организацией, созданной «сверху». В дальнейшем мы именуем их названиями, существовавшими на момент проведения опроса 2019 года. *AIESEC* – международная организация, которая не является казахстанским «продуктом».

Как видно из данных, приведённых на Рисунке 21 и Рисунке 22, ситуация с предметной осведомлённостью изменилась за рассматриваемое время. *Лига Волонтёров* вышла на первое место, *Жас Отан* опустилась на второе, *студенческие организации ВУЗов* заняли третье место, *AIESEC* переместилась на четвёртое место. Возможно, это связано с тем, что 2020 год объявлен годом волонтёра, соответственно, медийного внимания к волонтёрским общественным объединениям стало больше. Волонтёрские организации стремятся использовать эту ситуацию с целью рекламы и продвижения.

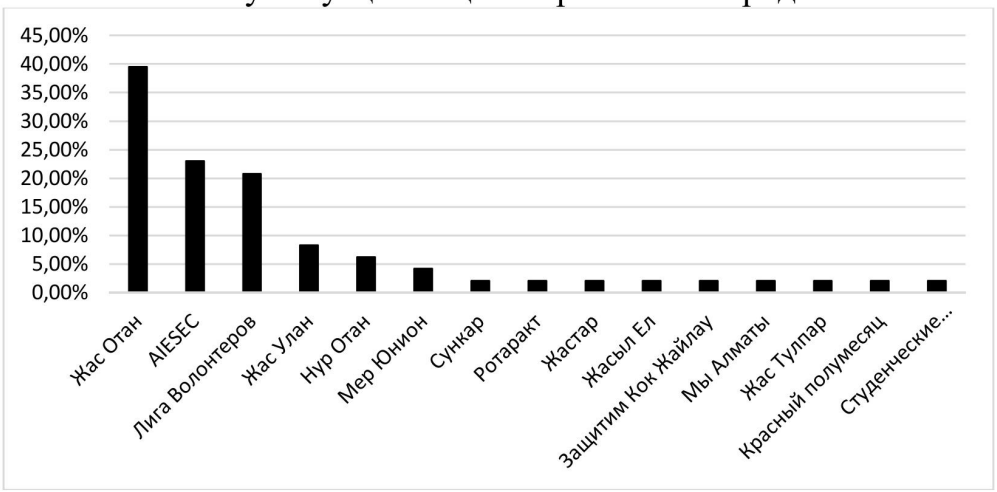


Рисунок 21 – Предметная информированность молодёжи о молодёжных общественных организациях (данные 2019 года). Источник: данные автора

Рассмотрим данные оригинального опроса 2023 года (см. Рисунок 22). Сумма не равна 100%, так как респонденты могли привести несколько вариантов ответов. Количество респондентов, ответивших на этот вопрос в опросе 2023 года – 94 человека. Можно заметить, что количество упомянутых

позиций, снизилось в сравнении с 2019 годом (см. Рисунок 21). При этом количество респондентов, ответивших на соответствующий вопрос в опросе 2023 года выше, чем в опросе 2019. Это может говорить, как об увеличении предметной осведомлённости, так и о концентрации внимания респондентов вокруг наиболее известных в информационном пространстве молодёжных общественных организаций.

Рассмотрим данные оригинального опроса 2025 года (см. Рисунок 23). Сумма не равна 100%, так как респонденты могли привести несколько вариантов ответов. Количество респондентов, ответивших на этот вопрос в опросе 2025 года – 72 человека.

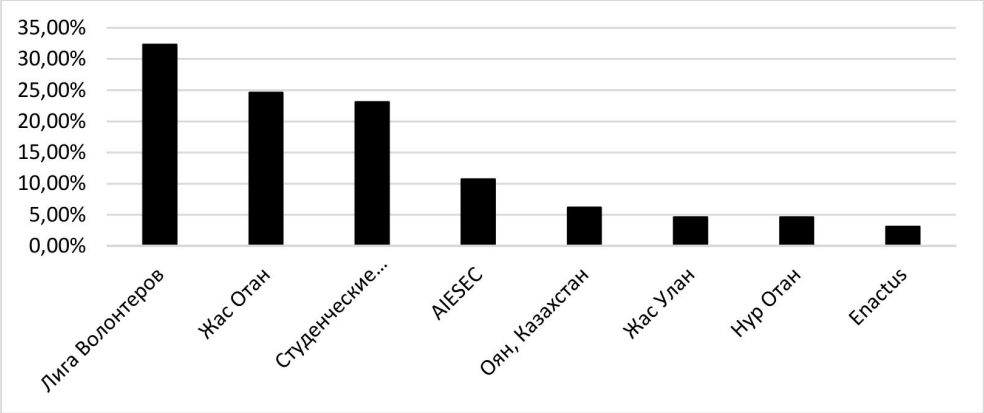


Рисунок 22 – Предметная информированность молодёжи о молодёжных общественных организациях (данные 2023 года). Источник: данные автора

Как следует из данных, представленных на рисунке 23, уровень предметной информированности по количеству упоминаемых позиций снизился по сравнению с 2023 годом. Организация *Лига Волонтёров*, равно как и *студенческие объединения*, полностью исчезла из ответов респондентов. Участники опроса называли разрозненные волонтёрские инициативы, в связи с чем при последующем анализе они были агрегированы в обобщённую категорию «волонтёрские организации». В то же время наблюдается рост узнаваемости организации *AIESEC* среди молодёжи. В целом, по сравнению с 2019 и 2023 годами, информированность молодёжной аудитории характеризуется как несфокусированная, фрагментированная и ограниченная.

При рассмотрении индикатора 4, включаем вопрос о количестве молодых людей, которые подписаны на страничку известной им молодёжной общественной организации в социальных медиа.

Сумма равна 100%. В опросе 2019 года на этот вопрос ответило 199 респондентов, в опросе 2023 года – 200 респондентов, в опросе 2025 года – 199 респондентов (см. Рисунок 24). Согласно диаграмме на Рисунке 24, в 2019 году количество молодых людей, которые следят за активностью известной им организации в социальных медиа очень невелико – 12,6%.

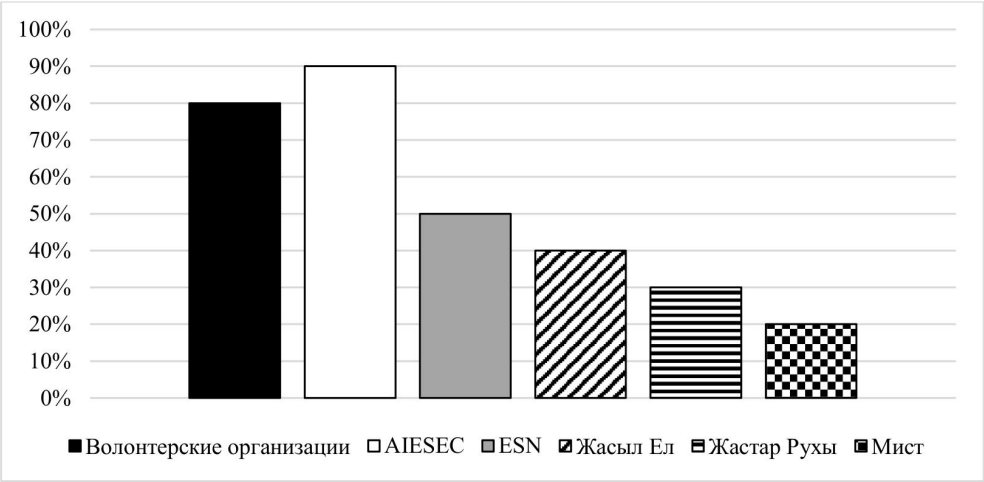


Рисунок 23 – Предметная информированность молодёжи о молодёжных общественных организациях (данные 2025 года). Источник: данные автора

Безусловно, данный показатель указывает на проблемную область в сфере информированности молодёжи, её заинтересованности в деятельности общественных организаций, желании следить за её работой в социальных медиа.

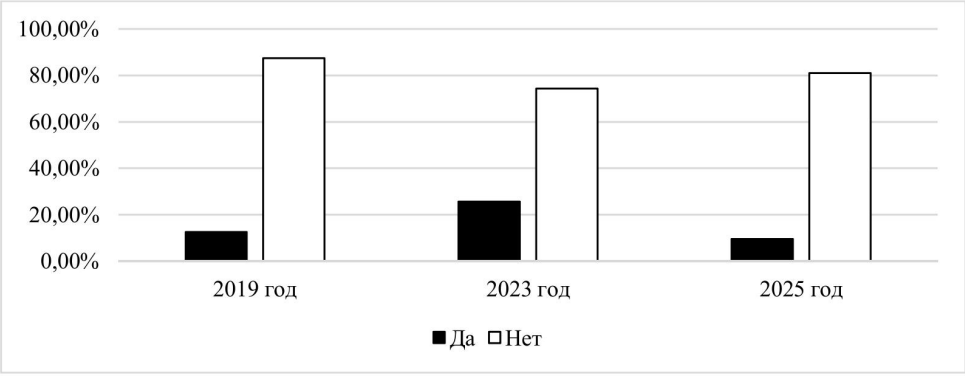


Рисунок 24 – Количество подписчиков молодёжных общественных организаций в социальных медиа. Источник: данные автора

В 2023 году этот показатель вырос (25,6%), но в 2025 снизился до 9,5%. Это говорит о том, что цифровое институционализированное вовлечение молодёжи снижается, несмотря на высокую неинституционализированную представленность молодёжи в социальных медиа (см. Рисунок 14).

Исследуем, на публичные аккаунты в социальных медиа каких именно молодёжных общественных организаций более всего подписывается молодёжь. Сумма не равна 100% во всех группах, так как респонденты могли предложить более одного варианта ответа (см. Рисунок 25 и Рисунок 26).

Рассмотрим результаты оригинального опроса 2023 года по данному вопросу и проведём компаративный анализ (см. Рисунок 26).

Как видно из диаграммы, приведённой на Рисунке 26, в 2023 году *студенческие организации* вышли на первое место по числу подписчиков, *Лига*

Волонтёров опустилась на второе место по сравнению с 2019 годом (см. Рисунок 25). Ещё одно отличие – ответы респондентов 2023 года более вариабельны, чем ответы респондентов 2019 года.

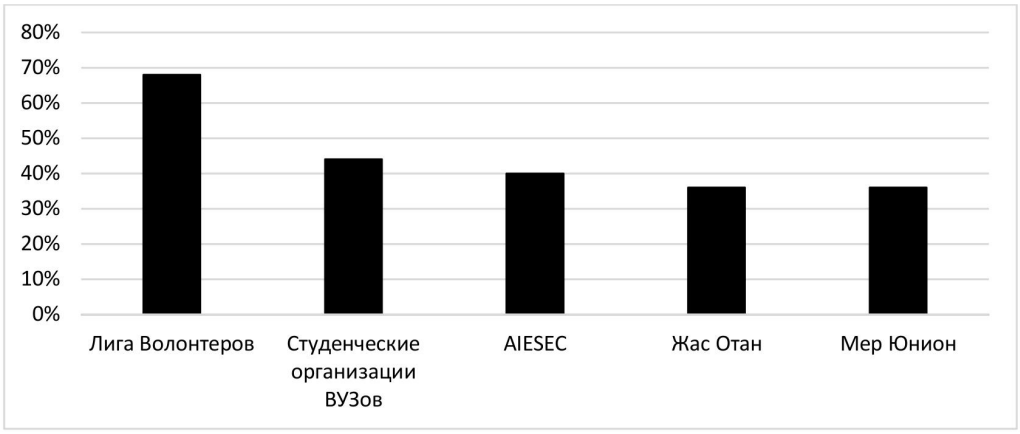


Рисунок 25 – Предметный анализ молодёжных общественных организаций Казахстана, на страницы которых молодёжь подписана в социальных медиа (2019 год). Источник: данные автора

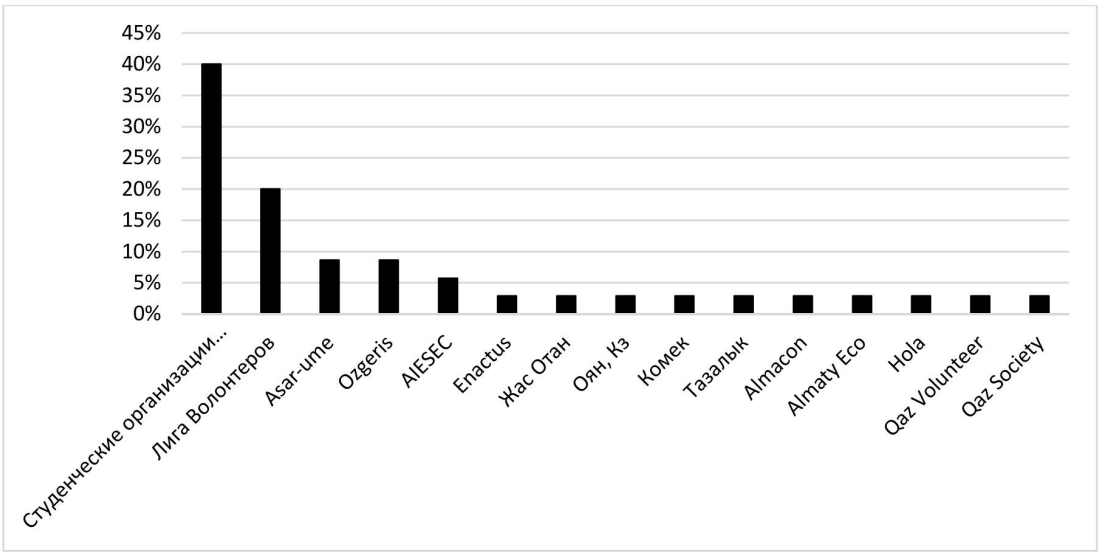


Рисунок 26 – Предметный анализ молодёжных общественных организаций Казахстана, на страницы которых молодёжь подписана в социальных медиа (2023 год). Источник: данные автора

По результатам опроса 2025 года (см. Рисунок 27) видно, что *AIESEC* и *ESN (Erasmus Student Network)* занимают первое и второе место по подписанности молодёжи на аккаунты общественных объединений в социальных медиа. Вариабельность ответов заметно ниже, по сравнению с 2023 годом.

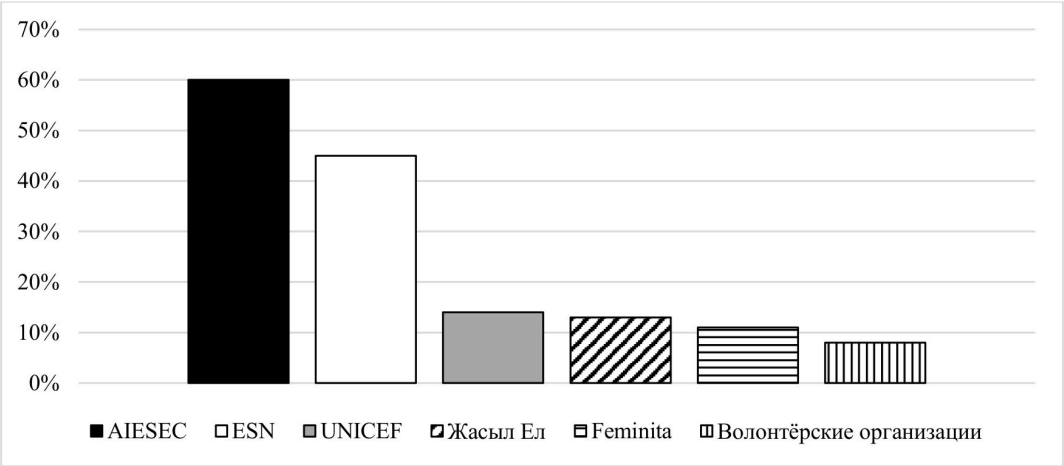


Рисунок 27 – Предметный анализ молодёжных общественных организаций Казахстана, на страницы которых молодёжь подписана в социальных медиа (2025 год). Источник: данные автора

Проведённый компаративный анализ данных, представленных на рисунках 25, 26 и 27, позволяет заключить, что к 2025 году организация *Лига Волонтёров* продемонстрировала снижение показателей как уровня осведомлённости, так и уровня подписки на её аккаунты в социальных медиа. В то же время организация *AIESEC* характеризуется ростом популярности, выраженным в увеличении показателей как офлайн-, так и онлайн-информированности.

Индикатор 5 – готовность молодёжи к офлайн участию в деятельности молодёжных общественных организаций.

Данный индикатор относится ко второму блоку вопросов нашей анкеты. Для его анализа использованы результаты оригинального социологического опроса, проведённого в 2019, 2023 и 2025 годах (см. Рисунок 28). Сумма равна 100%, количество респондентов в обоих опросах по 200 человек в каждом.

В 2019 году количество участвующих составило 18,75% опрошенных, в 2023 году – 27%, в 2025 году – 10% (см. Рисунок 28). Таким образом, роста количества готовых к офлайн участию не прослеживается. Заметна интересная тенденция: 2023 год (пост-ковидный период и пост-Январский период) характеризуется подъёмом готовности к офлайн гражданскому участию молодёжи, в то время как 2025 год (после реформ о «Слышащем государстве», концепции «Закон и порядок» и увеличению усилий по активизации роли гражданского общества во внутренней политике) напротив демонстрирует сильное снижение готовности.

Проведение компаративного анализа данных, представленных на Рисунках 24 и 28, позволяет констатировать, что уровень вовлечённости молодёжи в деятельность молодёжных общественных организаций как в онлайн-, так и в офлайн-форматах не только не продемонстрировал роста, но и характеризуется существенным снижением. При этом государство прилагает существенные усилия для повышения как гражданской культуры участия, так и функциональности институтов гражданского общества.

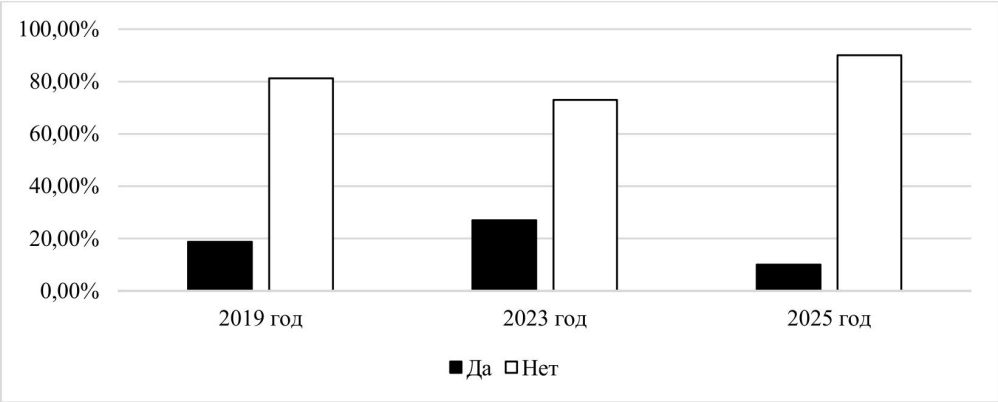


Рисунок 28 – Офлайн участие молодёжи в деятельности молодёжных общественных объединений. Источник: данные автора.

Рассмотрим наиболее востребованные для участия молодёжные общественные организации Казахстана, которые назвали респонденты при оригинальном опросе. В диаграмме, представленной на Рисунке 29, приводятся данные нашего социологического исследования 2019 года, в диаграмме на Рисунке 30 – результаты нашего опроса 2023 года, на Рисунке 31 – результаты опроса 2025 года. Сумма не равна 100%, так как респонденты могли указать более одного варианта. Количество респондентов, давших ответ на данный вопрос в исследовании 2019 года – 38 человек, в исследовании 2023 года – 54 человека, в исследовании 2025 года – 25 респондентов.

Проанализировав результаты нашего исследования 2019 года, отображённые в диаграммах на Рисунках 21, 25, 29, следует отметить, что *Лига Волонтёров* и *AIESEC* упоминаются респондентами во всех трёх случаях – они знают о их существовании, подписаны на их странички в социальных медиа, а также принимают практическое участие в их деятельности. О *Жас Отан* респонденты знают, но подписантов немного (она не входит в топ-3). На странички *студенческих организаций ВУЗов* подписаны, но не указывают их как известные им организации и уровень участия ниже, чем у остальных молодёжных общественных организаций (они не входят в топ-3 по участию). Возможно, это происходит по той причине, что респонденты не воспринимают студенческие организации как институты гражданского общества, относясь к ним преимущественно как к развлекательным организациям, либо участие происходит под давлением внешних обстоятельств – просьбы администраций ВУЗов, участие в обмен на стипендию или иные виды вознаграждений. Однако, данное восприятие не вполне верно с точки зрения теории гражданского общества, согласно которой клубы по интересам, спортивные организации, музыкальные сообщества способны играть значительную роль в общественно-политической жизни страны, поскольку они формируют культуру участия и вырабатывают навыки участия у вовлечённых членов. Следовательно, необходимо проводить просветительскую работу среди молодёжи с целью разъяснения сути гражданского общества, его составляющих, а также о месте

общественных организаций развлекательного направления в функционировании гражданского общества. Помимо прочего, организация *Жас Улан* упоминается респондентами как организация, в деятельности которой они участвуют. Однако, её нет в топ-3 известных объединений и тех, на страницы которых молодёжь подписана в социальных медиа.

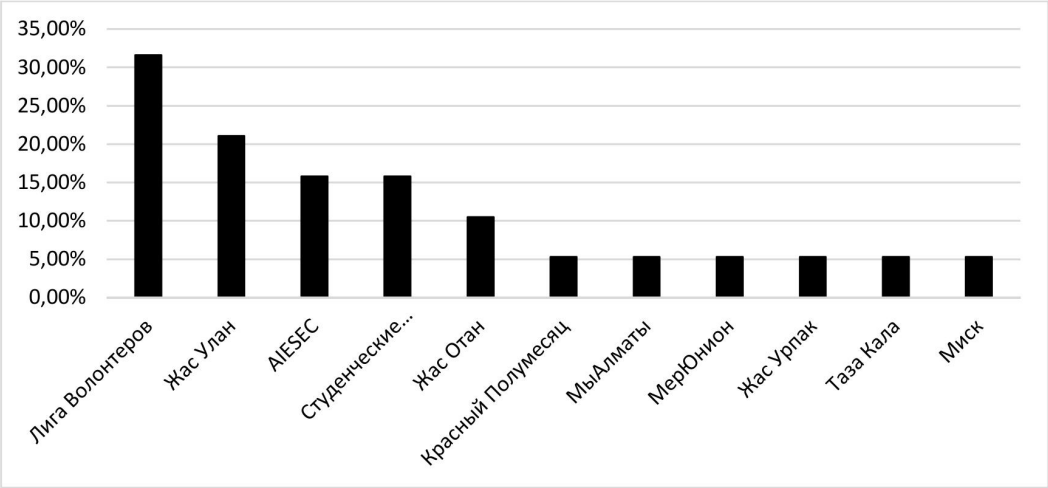


Рисунок 29 – Молодёжные общественные объединения РК, в деятельности которых принимали участие молодые люди (2019 год). Источник: данные автора

Рассмотрим результаты нашего исследования 2023 года (см. Рисунок 30) по молодёжным общественным организациям РК, в деятельности которых принимала участие молодёжь.

При проведении компаративного анализа данных, приведённых на Рисунках 22, 26, 30, установлено, что *Лига Волонтёров* наиболее известна молодёжи по социологическому исследованию 2023 года – молодёжь о ней знает (организация на первом месте), на её страничку в социальных сетях подписана (второе место), в её деятельности молодые люди принимают участие (первое место). *Студенческие организации ВУЗов* также проходят по данным диаграммам, как известные молодёжи (третье место), ассоциации, на которые молодые люди подписаны (первое место) и, в деятельности которых молодёжь участвует (второе место). Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельность *Лиги Волонтёров* была достаточно успешна как в онлайн, так и в офлайн среде, поскольку респонденты 2019 и 2023 года упоминают её как знакомую им, ту, на которую они подписаны и в деятельности которой они участвуют. Позиции *Жас Отан* и *AIESEC* достаточно нестабильны и меняются от одной категории опроса к другой: в категории осведомлённости они расположились на втором и четвёртом месте соответственно, в категории подписки онлайн – на седьмом и пятом месте соответственно. При этом в опросе 2019 года осведомлённость об этих молодёжных общественных организациях и подписанность на них онлайн были выше. Это весьма интересное наблюдение, которое может говорить о том, что информационный

эффект и эффект участия, который данные молодёжные общественные организации формируют, может быть достаточно кратковременным, настолько, что его не хватает даже на один год.

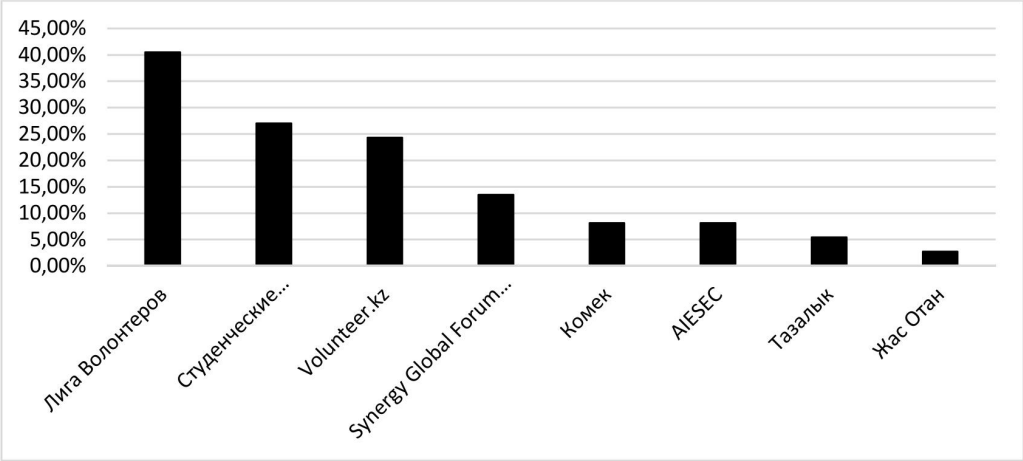


Рисунок 30 – Молодёжные общественные объединения РК, в деятельности которых принимали участие молодые люди (2023 год). Источник: данные автора

Рассмотрим результаты авторского социологического опроса 2025 года (см. Рисунок 31).

Как видно из данных, приведённых на Рисунке 31, ситуация изменилась в сравнении с 2019 и 2023 годами. В 2025 году на первое место вышла *неинституционализированная волонтёрская деятельность*, при которой респондент самостоятельно ищет мероприятие (спортивное, концертное, развлекательное, праздничное) и устраивается волонтёром за небольшое вознаграждение. Второе место занимает организация *ESN*, являющаяся международной студенческой НКО. Она работает по принципу «студент помогает студенту»: при организации культурных мероприятий и обменных программ привлекаются местные студенческие сообщества для помощи в адаптации и ориентировании тем студентам, которые приехали в страну учиться по обмену, либо на какое-либо мероприятие. На третьем месте *AIESEC*, которому удалось существенно улучшить свои позиции, в сравнении с 2023 годом. *Лига Волонтёров*, напротив, утратила свои позиции и расположилась на пятом месте.

Таким образом, на основе компаративного анализа данных, представленных на Рисунках 23, 27 и 31, выявляется выраженная фрагментарность, характеризующая уровень осведомлённости молодёжи, её подписочную активность на аккаунты молодёжных общественных объединений, а также практики офлайн гражданского участия.

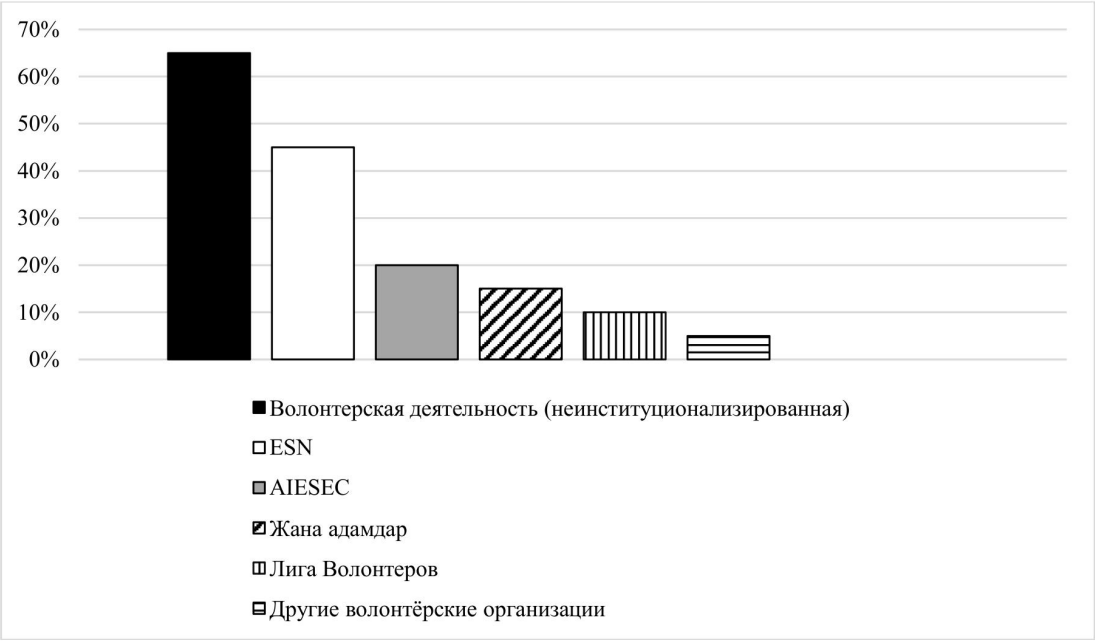


Рисунок 31 – Молодёжные общественные объединения РК, в деятельности которых принимали участие молодые люди (2025 год). Источник: данные автора

Установлено, что при достаточно высокой информированности о деятельности волонтёрских организаций, представленных в значительном количестве, молодёжь демонстрирует низкую склонность к подписке на их официальные аккаунты в социальных медиа. В то же время офлайн-участие характеризуется преобладанием личностно ориентированных, неинституционализированных форм вовлечённости. Институционализированные практики участия, в свою очередь, в большей степени сосредоточены на взаимодействии с иностранными молодёжными организациями, предоставляющими возможности участия в проектах с международным компонентом, что повышает их привлекательность и воспринимаемую полезность для молодёжи.

Весьма интересным в данном контексте представляется рассмотреть возможную мотивацию молодёжи для гражданского участия в деятельности молодёжных общественных организаций. Изучим вопрос мотивации к дальнейшему вовлечению респондентов авторских опросов 2019, 2023 и 2025 годов. Результаты опроса 2019 года отображены на Рисунке 32 и 33, опроса 2023 года – на Рисунке 34 и 35, опроса 2025 года – на Рисунке 36 и 37. Количество респондентов, давших ответ на данный вопрос в исследовании 2019 года – 38 человек, в исследовании 2023 года – 54 человека, в исследовании 2025 года – 25 респондентов. Сумма ответов респондентов равна 100%.

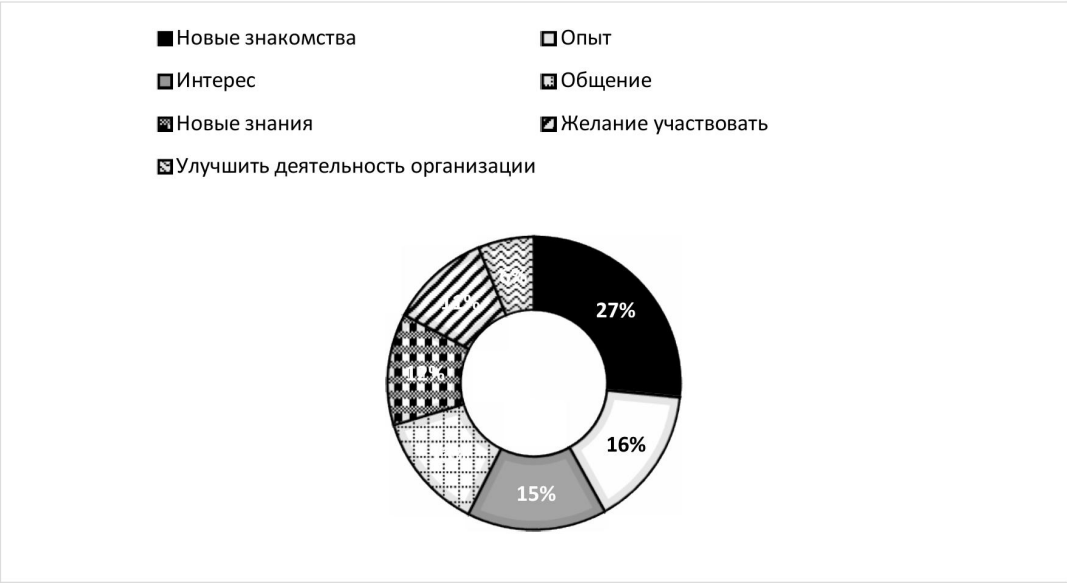


Рисунок 32 – Мотивы респондентов к дальнейшему офлайн-участию (2019 год). Источник: данные автора.

Приведённые данные (см. Рисунок 32) показывают, что желание нового знакомства преобладает в качестве основной мотивировки. Интерес и опыт занимают второе место. На третьем месте расположилась потребность в общении.

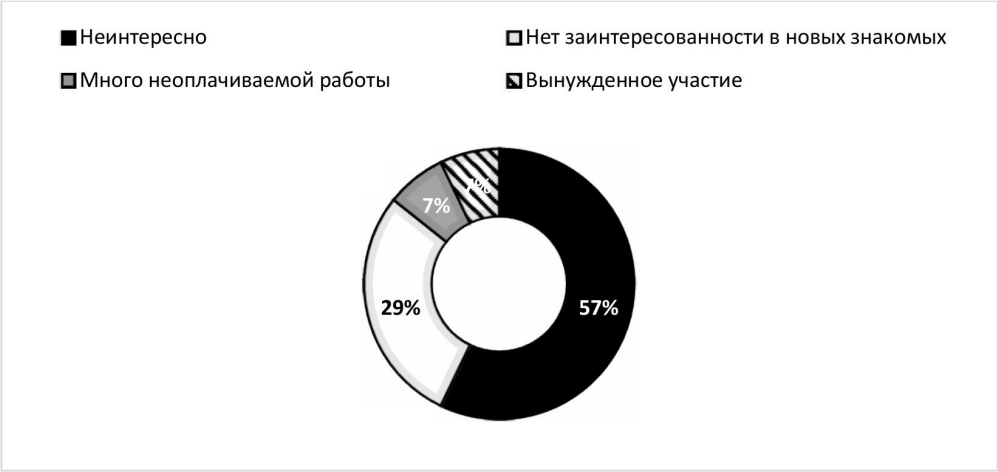


Рисунок 33 – Отрицательные мотивы респондентов к дальнейшему офлайн-участию (2019 год). Источник: данные автора.

Согласно этим результатам (см. Рисунок 33), отсутствие интереса к организации и профилю её деятельности являются основными причинами нежелания продолжать вовлечение. На втором и третьем месте соответственно расположились отсутствие интереса в новых знакомствах и большое количество неоплачиваемой работы.

Рисунок 34 – Мотивы респондентов к дальнейшему офлайн-участию (2023 год). Источник: данные автора.

Как видно из приведённых выше данных (см. Рисунок 34), интерес поднялся на первое место, новые знакомства опустились на третье место, появился новый параметр – творческая деятельность. По-видимому, это говорит о том, что молодёжь начинает воспринимать общественную добровольную безвозмездную активность как вид творчества, что, возможно, можно вполне расценивать как формирующуюся культуру участия.

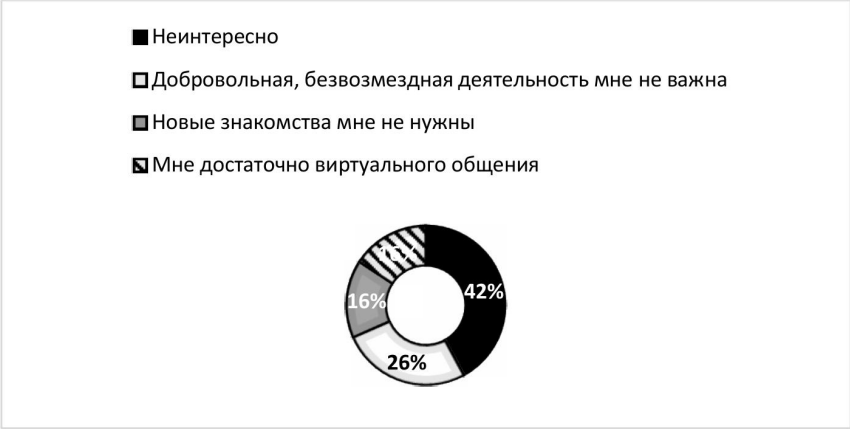


Рисунок 35 – Отрицательные мотивы респондентов к дальнейшему офлайн-участию (2023 год). Источник: данные автора.

Относительно отрицательных мотивов к участию, отсутствие интереса к самой организации и профилю её деятельности по-прежнему остаётся главной причиной нежелания установить личное знакомство с членами организации (см. Рисунок 35). На втором месте расположилось отсутствие значимости

добровольной безвозмездной деятельности, на третьем – ненужность новых знакомств для респондентов.

Рассмотрим результаты опроса 2025 года (см. Рисунок 36).

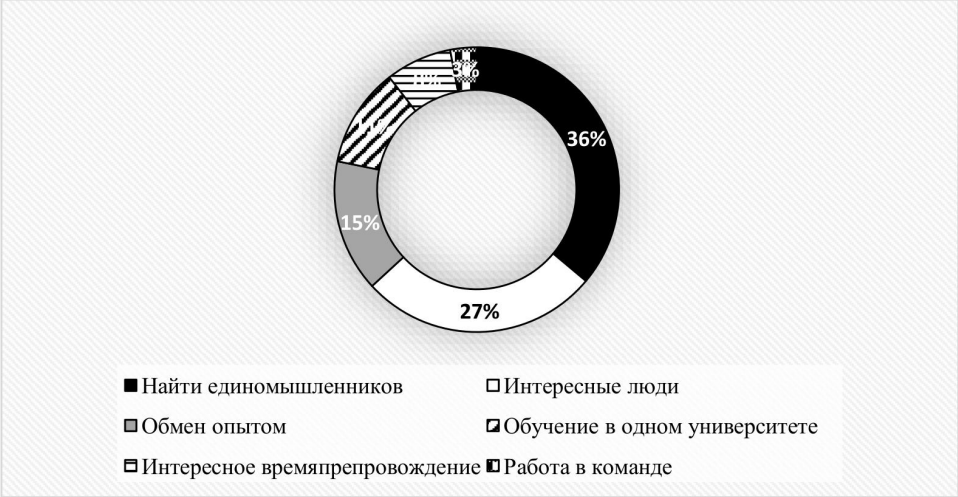


Рисунок 36 – Мотивы респондентов к дальнейшему офлайн-участию (2025 год). Источник: данные автора.

Желание найти единомышленников занимает первое место, интересные люди – на втором месте, обмен опытом – на третьем месте (см. Рисунок 36).

Рисунок 37 – Отрицательные мотивы респондентов к дальнейшему офлайн-участию (2025 год). Источник: данные автора.

Отсутствие интереса по-прежнему является ключевым препятствием для активизации офлайн-вовлечения (см. Рисунок 37). При этом в данных опроса 2025 года появился параметр несовпадающих ценностей и восприятие поведения других участников как неприемлемого, который отсутствует в опросах 2019 и 2023 годов.

Таким образом, проводя компаративный анализ данных Рисунков 32, 34 и 36, можно заметить, что нетворкинг – желание найти единомышленников (категории «новые знакомства» на Рисунках 32 и 34) является ключевым мотивом для молодёжи при желании активного вовлечения в офлайн-активность молодёжных общественных организаций. Отсутствие интереса сохраняется основным отрицательным мотивом для дальнейшего офлайн-участия. Фактор общих ценностей и одинаковых ожиданий от других участников оказался весьма важным в опросе 2025 года, в отличие от 2019 и 2023 годов.

Нами были изучены источники информации, за счёт которых молодёжь получает информацию об общественных организациях (см. Рисунки 38, 39, 40). Сумма не равна 100%, так как респонденты могли указать более одного варианта. Количество респондентов, давших ответ на данный вопрос в исследовании 2019 года – 38 человек, в исследовании 2023 года – 54 человека, в исследовании 2025 года – 27 человек.

Как видно из данных диаграммы, приведённой на Рисунке 38, социальные медиа как источник информации о деятельности молодёжных общественных объединений находятся на третьем месте после друзей и университета. Таким образом, сильные горизонтальные связи в офлайн среде (пользуясь терминологией R. Putnam) играют значительную роль при рекрутировании и распространении информации.

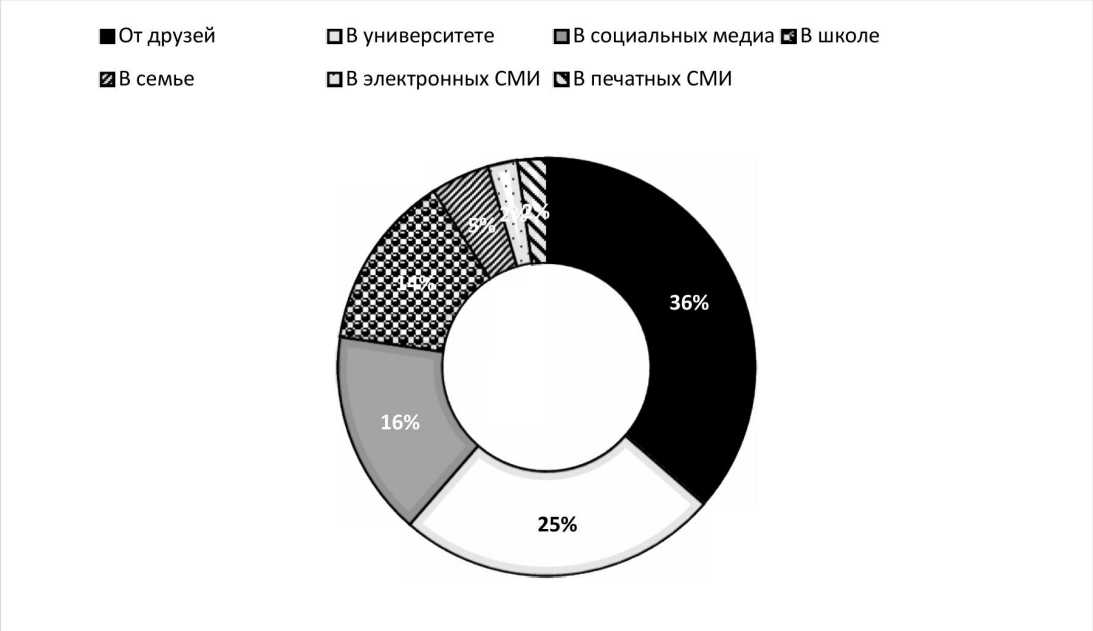


Рисунок 38 – Источник информации молодёжи о молодёжных общественных объединениях (2019 год). Источник: данные автора.

Изучим данные социологического опроса 2023 года (см. Рисунок 39).

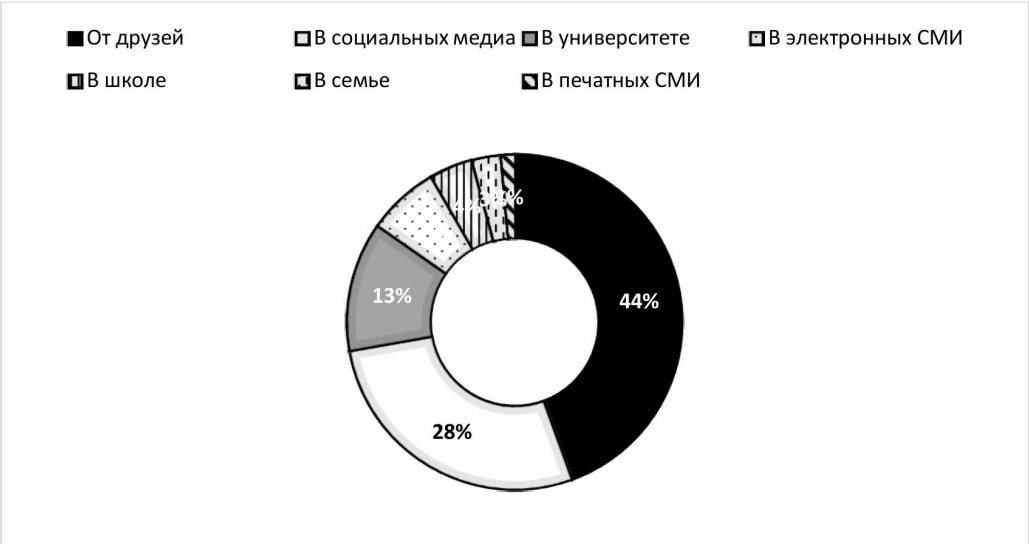


Рисунок 39 – Источник информации молодёжи о молодёжных общественных объединениях (2023 год). Источник: данные автора.

Согласно результатам оригинального опроса 2023 года, приведённым на Рисунке 39, социальные медиа в качестве источника информации молодёжи об общественных объединениях поднялись на второе место, университет опустился на третье. Друзья остались на первом месте, что подтверждает идею R. Putnam о том, что в государствах со слабо развитой демократической политической культурой населения сильные горизонтальные связи (близкие друзья и родственники) являются основным источником общественно-политической активности, а, следовательно, своеобразным фундаментом гражданского общества.

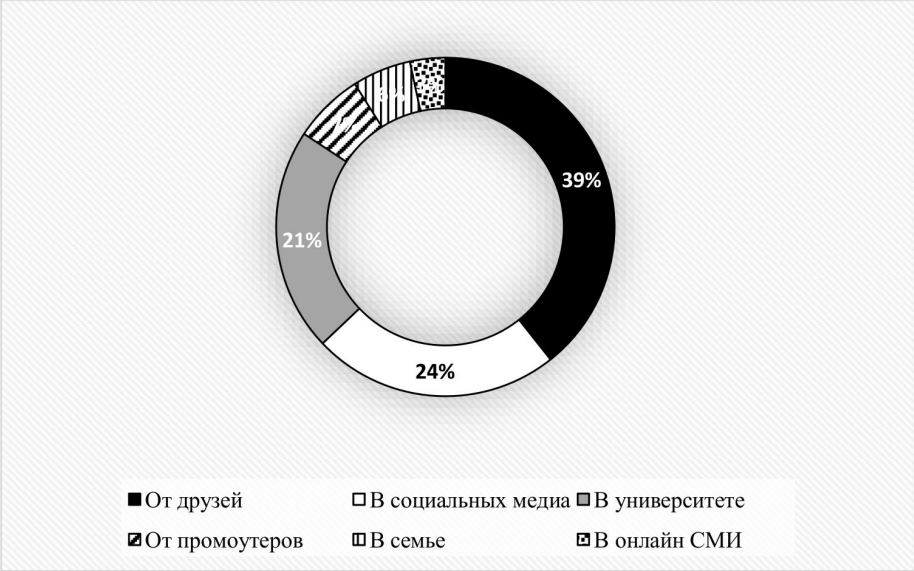


Рисунок 40 – Источник информации молодёжи о молодёжных общественных объединениях (2025 год). Источник: данные автора.

Рисунок 40 демонстрирует, что друзья, то есть близкие офлайн контакты или сильные горизонтальные связи сохраняют высокую значимость для информированности молодёжи о возможностях гражданского участия. Социальные медиа и университет, как и в 2023 году, по-прежнему занимают второе и третье место по значимости (см. Рисунок 39).

Выводы:

1) Цифровая неинституционализированная вовлечённость молодёжи (наличие аккаунта в социальных медиа) сохраняет высокие показатели в рассматриваемый период (с 2019 по 2025 год). Предметно Instagram сохраняет привлекательность для молодёжи в качестве одной из основных платформ. Достаточно популярны мессенджеры иностранного происхождения (Telegram и What's App), несмотря на их невысокую интерактивность в сравнении с платформами Web 2.0. Востребованность TikTok существенно выросла в 2025 году. Желание неинституционализированной цифровой представленности (частота посещения аккаунта) у молодёжи колеблется. Результаты опроса 2023 года характеризуются наибольшей диджитализированностью из всех исследований, но к 2025 году цифровое отчуждение возрастает: молодёжь реже посещает свой аккаунт в социальных медиа. Это может вызвать определённые сложности для мобилизации и рекрутирования участников в институты гражданского общества, а также сужает поле для государственного воздействия на молодёжь посредством пропаганды и промоутинга гражданского участия.

2) Развлечение является основным мотивом для молодёжи при использовании социальных медиа. Параметр «общение» снизился в 2025 году по сравнению с 2023 годом, что может говорить о полном преодолении последствий карантина во время пандемии, преобладания цифрового характера общения, а также при растущей диджитализации жизни, молодёжь всё больше предпочитает офлайн общение. Параметр «получение информации об общественно-политической жизни Казахстана» также снизился в 2025 году в сравнении с 2019 и 2023 годами. Это может быть связано с усталостью от большого потока политической информации, связанной с войной России и Украины, и январскими событиями 2022 года в Казахстане. Кроме того, это может говорить о снижении политического вовлечения молодёжи на уровне интереса и низкой способности как институтов гражданского общества (молодёжных общественных объединений), так и государства трансформировать параметр «развлечение» в гражданское участие.

3) Уровень неосведомлённости об общественных организациях существенно вырос с 2023 года к 2025 году. Показатель осведомлённости, в свою очередь, снизился. Причинами могут быть как снижение эффективности рекламных кампаний молодёжных общественных организаций, их уменьшающаяся представленность в социальных медиа, так и снижение интереса молодёжи к общественно-политической сфере, в том числе к гражданскому вовлечению. Предметная информированность молодёжи претерпела существенное изменение с 2019 и 2023 годов к 2025 году: *Лига Волонтёров* как наиболее известная добровольческая молодёжная

общественная организация, утратила свою значимость, однако, волонтёрство как вид деятельности вне институтов гражданского общества сохранило значимость. *Студенческие организации ВУЗов* и *Жастар Рухы* утратили востребованность. При этом международные молодёжные общественные организации, такие как *AIESEC* и появившийся в упоминаниях 2025 года *ESN*, напротив, приобрели востребованность у молодёжи. Это может говорить о высокой роли персоналий во главе организаций и их личной заинтересованности в эффективности объединения. При низкой заинтересованности лидера молодёжной общественной ассоциации (это хорошо заметно на примере *Лиги Волонтёров*) организация не способна сохранить импульс интереса молодёжи к её деятельности. Положительной тенденцией является то, что молодёжь стремится к добровольчеству самостоятельно вне институтов гражданского общества. Как представляется, не последнюю роль играет незначительное материальное вознаграждение, имеющее место при таком участии. Несмотря на это, подобная заинтересованность формирует у молодёжи гражданскую культуру участия, хотя и не в политической сфере.

4) Цифровая институционализированная вовлечённость (подписанность молодёжи на аккаунты молодёжных общественных организаций в социальных медиа) существенно снизилась с 2023 года к 2025 году. Предметная цифровая институционализированная вовлечённость претерпела существенные изменения. *Лига Волонтёров* и *студенческие организации ВУЗов* утратили востребованность в 2025 году, но *AIESEC* и *ESN*, напротив, стали весьма привлекательными для подписания на их аккаунт. Как представляется, это является негативной тенденцией для отечественных молодёжных общественных организаций, поскольку они неспособны создавать привлекательные аккаунты в социальных медиа и наполнять их интересным содержанием, в отличие от международных молодёжных общественных объединений. Кроме того, из упоминаний респондентов практически исчезли GONGO (*Жастар Рухы, Жас Отан, Жасыл Ел*), что, возможно, указывает на невысокий эффект от государственного промоушена подобных общественных объединений, а также с низким уровнем политического доверия молодёжи к организациям такого рода.

5) Готовность к офлайн участию достаточно резко снизилась в 2025 году, после непродолжительного роста в 2023 году. Активизация политической жизни РК – январские события 2022 года и последующие политические реформы не оказали стимулирующего влияния на готовность к офлайн участию молодёжи страны. Предметное офлайн участие характеризуется смещением в сторону неинституционализированного вовлечения в 2025 году, в сравнении с 2019 и 2023 годами. Это может говорить как о растущей фрагментированности институтов гражданского общества РК, так и о формирующейся гражданской культуре участия у молодёжи, наряду с внешними обстоятельствами: активизация культурной и спортивной жизни Казахстана (концерты артистов мирового уровня, футбольные матчи), повышающие востребованность волонтёров и представляющие множество возможностей для нетворкинга и

развлечения для молодёжи, что можно успешно трансформировать в гражданскую активность. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент гражданская активность молодёжи сосредоточена преимущественно в неполитических сферах, что, как представляется, порождает ситуацию разрыва усилий государства и институтов гражданского общества в рекрутировании и активизации политической жизни общества, с одной стороны, и недоверие, отстранённость и аполитичность – с другой.

6) Интерес и желание найти единомышленников являются основными мотивами для офлайн гражданского участия молодёжи. Друзья сохраняют большую значимость как источник информации о возможностях гражданского вовлечения. Социальные медиа и университеты также весьма значимы. Сильные горизонтальные связи по-прежнему гораздо более значимы в сравнении со слабыми горизонтальными связями, что характеризует низкий уровень доверия к посторонним, в том числе к государству, институтам и политике в целом.

Таким образом, наблюдается достаточно выраженная тенденция на аполитичность в среде молодёжи (ориентация на волонтёрскую деятельность), фрагментарность институтов гражданского общества и малую эффективность социальных медиа в офлайн гражданском участии. Данные факторы весьма негативно сказываются на усилиях государства по повышению уровня гражданской культуры молодёжи. Потенциально это может сказаться на процессе демократизации «снизу» и лишь укрепит авторитарный характер политической системы страны.

Подводя итог, предположения сторонников теории социальных сил находят своё подтверждение – технологическая составляющая участия важна, однако, весьма значимую роль играют иные факторы, такие как культура участия, гражданское сознание, эффективность функционирования институтов гражданского общества.

3.1.2 Результаты множественного корреляционно-регрессионного анализа, проведённого на основании данных социологического исследования молодёжи Казахстана

В целях выявления факторов, детерминирующих офлайн гражданское участие молодёжи Казахстана, был проведён множественный корреляционно-регрессионный анализ на основе данных оригинального социологического опроса. Анализ осуществлялся с использованием программного инструментария SPSS (версия программы 27), а также OpenAI GPT-5.5 Instant и был направлен на эмпирическую проверку гипотез о влиянии цифровых и недиджитальных факторов на гражданскую активность молодёжи. Таблица 7 демонстрирует распределение зависимых и независимых переменных. В качестве зависимой переменной рассматривалось офлайн гражданское участие молодёжи, тогда как в роли независимых переменных (предикторов) выступали как цифровые характеристики, связанные с использованием социальных медиа (наличие аккаунта, частота его посещения, подписка на паблики молодёжных

общественных ассоциаций), так и социодемографические параметры (пол и возраст), а также уровень осведомлённости респондентов об институтах гражданского общества (см. Таблицу 7).

Таблица 7 – Коды зависимой и независимых переменных (предикторов). Источник: данные автора

Зависимая переменная	Офлайн гражданское участие молодёжи	*y*
Независимая переменная 1 (предиктор 1)	Наличие аккаунта в социальных медиа	*x1*
Независимая переменная 2 (предиктор 2)	Частота посещения аккаунта	*x2*
Независимая переменная 3 (предиктор 3)	Осведомлённость респондента об общественных организациях	*x3*
Независимая переменная 4 (предиктор 4)	Подписанность респондента на паблик организации	*x4*
Независимая переменная 5 (предиктор 5)	Пол	*x5*
Независимая переменная 6 (предиктор 6)	Возраст	*x6*

Корреляционный анализ данных оригинального опроса 2019 года. Результаты корреляционного анализа демонстрируют наличие как прямых, так и обратных связей между зависимой и независимыми переменными (см. Таблицу 8).

Анализ взаимосвязей зависимой переменной *y* показывает, что статистически значимые корреляции наблюдаются с переменными *x4*, *x5* и *x6*. Наиболее сильная положительная связь зафиксирована между *y* и *x4* ($r = 0{,}723$; $p < 0{,}001$), что свидетельствует о высокой степени сопряжённости данных показателей: рост значений *x4* сопровождается увеличением *y*. В то же время выявлены выраженные отрицательные корреляции *y* с переменными *x6* ($r = -0{,}872$; $p < 0{,}001$) и *x5* ($r = -0{,}357$; $p < 0{,}001$), причём связь с *x6* является наиболее сильной во всей матрице, что указывает на значительное обратное влияние данного фактора на зависимую переменную. Переменные *x1*, *x2* и *x3* не демонстрируют статистически значимых связей с *y* ($p > 0{,}05$), что позволяет предположить их ограниченную роль в объяснении вариации зависимого показателя. Анализ межфакторных корреляций позволяет выявить структуру взаимосвязей внутри системы независимых переменных. Так, между *x2* и *x3* установлена умеренная положительная связь ($r = 0{,}362$; $p < 0{,}001$), а также между *x2* и *x5* ($r = 0{,}376$; $p < 0{,}001$) и *x3* и *x5* ($r = 0{,}709$; $p < 0{,}001$), причём последняя характеризуется высокой теснотой. Это может свидетельствовать о наличии частичной мультиколлинеарности между указанными переменными. В целом, структура корреляционных связей позволяет сделать вывод о том, что ключевыми факторами, ассоциированными с зависимой переменной *y*,

выступают *x4* (положительное влияние) и *x6* (сильное отрицательное влияние), в меньшей степени – *x5*.

Таблица 8 – Результаты корреляционного анализа данных авторского опроса 2019 года. Источник: данные автора

Корреляции

		y	x1	x2	x3	x4	x5	x6
y	Корреляция Пирсона	1	,034	-,134	,029	,723**	-,357**	-,872**
	знач. (двухсторонняя)		,635	,058	,682	<,001	<,001	<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
x1	Корреляция Пирсона	,034	1	,128	-,091	-,371**	-,095	-,039
	знач. (двухсторонняя)	,635		,071	,199	<,001	,183	,586
	N	200	200	200	200	200	200	200
x2	Корреляция Пирсона	-,134	,128	1	,362**	-,150*	,376**	,154*
	знач. (двухсторонняя)	,058	,071		<,001	,034	<,001	,029
	N	200	200	200	200	200	200	200
x3	Корреляция Пирсона	,029	-,091	,362**	1	,058	,709**	-,033
	знач. (двухсторонняя)	,682	,199	<,001		,418	<,001	,638
	N	200	200	200	200	200	200	200
x4	Корреляция Пирсона	,723**	-,371**	-,150*	,058	1	-,226**	-,627**
	знач. (двухсторонняя)	<,001	<,001	,034	,418		,001	<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
x5	Корреляция Пирсона	-,357**	-,095	,376**	,709**	-,226**	1	,410**
	знач. (двухсторонняя)	<,001	,183	<,001	<,001	,001		<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
x6	Корреляция Пирсона	-,872**	-,039	,154*	-,033	-,627**	,410**	1
	знач. (двухсторонняя)	<,001	,586	,029	,638	<,001	<,001	
	N	200	200	200	200	200	200	200

**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Регрессионный анализ данных оригинального опроса 2019 года. Для более глубокой интерпретации выявленных корреляций были построены шесть регрессионных моделей, включающих различные комбинации цифровых и нецифровых предикторов. Такой подход позволил оценить устойчивость влияния отдельных факторов и выявить их относительную значимость.

Модель А1 включает в анализ все предикторы: *x1, x2, x3, x4, x5, x6 (*см. Таблицу 9).

Качество построенной модели характеризуется высоким коэффициентом детерминации ($R^2 = 0,829$), что свидетельствует о том, что 82,9% вариации зависимой переменной объясняется включёнными в модель предикторами. Это указывает на высокую объяснительную способность модели и её адекватность исследуемым данным. Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) подтверждают статистическую значимость модели в целом: значение критерия

Фишера составляет $F = 156,442$ при уровне значимости $p < 0,001$. Таким образом, модель является статистически значимой.

Таблица 9 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2019 года (модель А1). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	,286	,231		1,236	,218
	x1	,857	,193	,156	4,433	<,001
	x2	-6,044E-16	,020	,000	,000	1,000
	x3	6,861E-15	,024	,000	,000	1,000
	x4	,429	,048	,393	8,870	<,001
	x5	-1,511E-14	,043	,000	,000	1,000
	x6	-,571	,044	-,619	-13,068	<,001

a. Зависимая переменная: y

Анализ коэффициентов регрессии позволяет выявить вклад отдельных факторов. Среди включённых переменных статистически значимое влияние на зависимую переменную оказывают *x1*, *x4* и *x6* ($p < 0,001$).

1) Переменная *x4* демонстрирует наибольший положительный вклад ($\beta = 0,393$; $t = 8,870$; $p < 0,001$), что указывает на её ведущую роль среди положительных предикторов: увеличение данного показателя сопровождается ростом *y*.

2) Переменная *x6*, напротив, оказывает сильное отрицательное влияние ($\beta = -0,619$; $t = -13,068$; $p < 0,001$), причём по абсолютной величине стандартизированного коэффициента она является наиболее значимым предиктором в модели.

3) Переменная *x1* также имеет статистически значимое положительное влияние ($\beta = 0,156$; $t = 4,433$; $p < 0,001$), однако её вклад существенно ниже по сравнению с *x4* и *x6*.

В то же время переменные *x2*, *x3* и *x5* не демонстрируют статистически значимого влияния ($p = 1,000$), что может свидетельствовать об их слабой объяснительной способности в рамках данной модели либо о наличии мультиколлинеарности, ранее выявленной в корреляционном анализе.

Таким образом, *модель А1 подтверждает теорию технологического детерминизма*, поскольку онлайн подписанность на публичные аккаунты общественных организаций является ключевым детерминантом изменений в зависимой переменной, а также наличие аккаунта в социальных медиа у респондента. Выявленное статистически значимое отрицательное влияние возраста (*x6*) на уровень офлайн гражданского участия в молодёжных общественных организациях свидетельствует о том, что по мере увеличения

возраста респондентов наблюдается снижение их вовлечённости в данные формы активности.

Модель А2 исключает из анализа неинституционализированное цифровое вовлечение респондентов (*x1* и *x2*), оставляя институционализированное цифровое участие, а также фактор осведомлённости, пол и возраст: *x3, x4, x5, x6* (см. Таблицу 10).

Построенная регрессионная модель обладает высокой объяснительной способностью: коэффициент детерминации составляет $R^2 = 0{,}812$, что означает, что 81,2% вариации зависимой переменной (*y*) объясняется включёнными предикторами. Результаты дисперсионного анализа подтверждают статистическую значимость модели в целом: $F = 210{,}034$ при $p < 0{,}001$. Это свидетельствует о высокой адекватности модели эмпирическим данным.

Таблица 10 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2019 года (модель А2). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	1,272	,071		17,815	<,001
	x3	-,004	,024	-,008	-,147	,883
	x4	,319	,044	,292	7,314	<,001
	x5	-,004	,045	-,004	-,079	,937
	x6	-,634	,043	-,687	-14,667	<,001

a. Зависимая переменная: y

Статистически значимое влияние на зависимую переменную оказывают переменные *x4* и *x6*, тогда как *x3* и *x5* не демонстрируют значимого эффекта.

1) Подписанность на паблики молодёжных общественных организаций в социальных медиа (*x4*) оказывает статистически значимое положительное влияние на уровень офлайн участия *($\beta = 0{,}292$; $t = 7{,}314$; $p < 0{,}001$)*. Это свидетельствует о том, что вовлечённость в цифровую среду организаций способствует повышению вероятности и интенсивности участия в их офлайн-деятельности. Таким образом, онлайн-каналы коммуникации выступают важным механизмом мобилизации участников.

2) Возраст респондентов (*x6*) демонстрирует сильное отрицательное влияние *($\beta = -0{,}687$; $t = -14{,}667$; $p < 0{,}001$)* и является наиболее значимым предиктором в модели по абсолютной величине стандартизированного коэффициента. Это означает, что с увеличением возраста наблюдается существенное снижение уровня офлайн гражданского участия, что соответствует логике жизненного цикла и институциональной специфике молодёжных организаций.

3) Осведомлённость о молодёжных общественных объединениях (*x3*) не оказывает статистически значимого влияния *(β = -0,008; p = 0,883)*. Данный результат может указывать на то, что одного лишь знания о существовании организаций недостаточно для трансформации в офлайн участие без дополнительных мотивационных или институциональных факторов.

4) Пол респондента (*x5*) также не является значимым предиктором *(β = -0,004; p = 0,937)*, что свидетельствует об отсутствии гендерных различий в уровне офлайн участия в рамках рассматриваемой выборки.

Таким образом, *модель А2 подтверждает теорию технологического детерминизма*, поскольку онлайн подписанность на публичные аккаунты общественных организаций является ключевым детерминантом изменений в зависимой переменной, как и в модели А1.

Модель А3 исключает из анализа все цифровые предикторы (*x1, x2* и *x4*), сохраняя недиджитальный (*x3*) и социодемографические (*x5* и *x6*) (см. Таблицу 11).

Таблица 11 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2019 года (модель А3). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	1,609	,061		26,158	<,001
	x3	6,613E-15	,027	,000	,000	1,000
	x5	-1,501E-14	,051	,000	,000	1,000
	x6	-,804	,041	-,872	-19,628	<,001

a. Зависимая переменная: y

Построенная модель демонстрирует высокую объяснительную способность, но более низкую в сравнении с моделями А1 и А2: коэффициент детерминации составляет $R^2 = 0,760$, что означает, что 76,0% вариации зависимой переменной (*y*) объясняется включёнными предикторами. Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) подтверждают статистическую значимость модели в целом: $F = 206,816$ при уровне значимости $p < 0,001$. Это свидетельствует о том, что совокупное влияние включённых переменных на зависимую переменную является статистически значимым.

Анализ индивидуальных коэффициентов показывает, что в данной модели единственным статистически значимым предиктором выступает переменная *x6* (возраст), тогда как переменные *x3* (осведомлённость) и *x5* (пол) не оказывают значимого влияния.

1) Возраст респондентов (*x6*) демонстрирует исключительно сильное отрицательное влияние *(β = -0,872; t = -19,628; p < 0,001)*. По абсолютной величине стандартизированного коэффициента данная переменная является доминирующим фактором в модели. Это означает, что увеличение возраста сопровождается существенным снижением уровня офлайн гражданского участия. Полученный результат указывает на выраженную возрастную дифференциацию вовлечённости и подтверждает ключевую роль возрастного фактора.

2) Осведомлённость о молодёжных общественных организациях (*x3*) не демонстрирует статистически значимого влияния *(β ≈ 0; p = 1,000)*. Это свидетельствует о том, что наличие информации об организациях само по себе не приводит к вовлечению в их деятельность.

3) Пол респондентов (*x5*) также не оказывает значимого воздействия *(β ≈ 0; p = 1,000)*, что указывает на отсутствие гендерной дифференциации офлайн участия в рамках рассматриваемой выборки.

Таким образом, *модель А3 скорее подтверждает теорию социальных сил, поскольку в условиях исключения диджитальной переменной модель практически полностью редуцируется к влиянию возрастного фактора, то есть нецифрового предиктора*. Возраст выступает системообразующим детерминантом офлайн гражданского участия, тогда как когнитивный компонент (*осведомлённость*) и социально-демографический показатель (*пол*) не обладают самостоятельной объяснительной силой.

Модель А4 исключает из анализа нецифровой фактор (*x3*), сохраняя все остальные: *x1, x2, x4, x5, x6* (см. Таблицу 12).

Таблица 12 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2019 года (модель А4). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	,286	,230		1,243	,216
	x1	,857	,192	,156	4,453	<,001
	x2	4,255E-16	,019	,000	,000	1,000
	x4	,429	,048	,393	8,892	<,001
	x5	-5,545E-15	,028	,000	,000	1,000
	x6	-,571	,040	-,619	-14,350	<,001

a. Зависимая переменная: y

Построенная модель демонстрирует высокую степень объяснительной способности: коэффициент детерминации составляет $R^2 = 0,829$, что означает, что 82,9% вариации зависимой переменной (*y*) объясняется включёнными предикторами (*x1, x2, x4, x5, x6*). Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) подтверждают статистическую значимость модели: $F = 188,703$ при $p < 0,001$. Это свидетельствует о том, что совокупное влияние независимых переменных на уровень офлайн гражданского участия является статистически значимым, а модель в целом адекватно описывает эмпирические данные.

Анализ коэффициентов показывает, что статистически значимое влияние на зависимую переменную оказывают *x1*, *x4* и *x6*, тогда как *x2* и *x5* не являются значимыми предикторами.

1) Наличие аккаунта в социальных медиа (*x1*) оказывает положительное и статистически значимое влияние $(\beta = 0,156; t = 4,453; p < 0,001)$. Это указывает на то, что сама включённость в цифровую среду способствует более высокому уровню офлайн гражданского участия, выступая базовым условием вовлечённости.

2) Подписанность на публичные аккаунты молодёжных общественных объединений (*x4*) демонстрирует наиболее сильное положительное влияние $(\beta = 0,393; t = 8,892; p < 0,001)$. Данный результат подтверждает, что в рамках данной модели именно институционализированное цифровое участие выступает ключевым каналом мобилизации молодёжи к офлайн участию.

3) Возраст респондентов (*x6*) оказывает выраженное отрицательное влияние $(\beta = -0,619; t = -14,350; p < 0,001)$ и является наиболее значимым предиктором по абсолютной величине коэффициента. Это означает, что с увеличением возраста наблюдается существенное снижение уровня участия, что отражает как институциональные границы молодёжных организаций, так и эффекты жизненного цикла.

4) Частота посещения аккаунта (*x2*) не оказывает статистически значимого влияния $(\beta \approx 0; p = 1,000)$. Это позволяет сделать вывод, что интенсивность использования социальных медиа сама по себе не приводит к увеличению гражданского участия без содержательной вовлечённости.

5) Пол респондентов (*x5*) также не является значимым фактором $(\beta \approx 0; p = 1,000)$, что указывает на отсутствие гендерной дифференциации офлайн участия.

Таким образом, офлайн гражданское участие молодёжи определяется не столько общей цифровой активностью, сколько её направленностью и включённостью в коммуникационные каналы конкретных молодёжных общественных организаций.

Модель А4 скорее подтверждает теорию технологического детерминизма, поскольку институционализированное цифровое вовлечение (подписанность на аккаунты организаций в социальных медиа) оказывает наибольшее влияние на зависимую переменную.

В модели А5 (см. Таблицу 13) из анализа исключается фактор пола, что позволяет проверить устойчивость цифровых и когнитивных предикторов при устранении социодемографических переменных.

Результаты множественного регрессионного анализа свидетельствуют о высокой объясняющей способности построенной модели. Коэффициент детерминации $R^2=0,829$ указывает на то, что 82,9% вариации зависимой переменной (офлайн-участия респондентов) объясняется включёнными в модель предикторами. Это позволяет охарактеризовать модель как обладающую значительной прогностической силой. Дисперсионный анализ (ANOVA) подтверждает статистическую значимость модели в целом: $F=188,703$ при уровне значимости $p<0,001$, что означает статистически значимое совокупное влияние независимых переменных на зависимую переменную.

Анализ коэффициентов регрессии показывает дифференцированное влияние отдельных факторов. Наиболее значимыми предикторами офлайн-участия выступают:

1) Подписанность на публичные аккаунты молодёжных организаций (*x4*): коэффициент $B=0,429$, стандартизованный коэффициент $\beta=0,393$, $p<0,001$. Данный фактор оказывает существенное положительное влияние, указывая на то, что подписка на цифровые ресурсы организаций способствует повышению уровня офлайн-вовлечённости.

2) Возраст респондентов (*x6*): коэффициент $B=-0,571$, $\beta=-0,619$, $p<0,001$. Переменная демонстрирует сильное отрицательное влияние, что свидетельствует о снижении офлайн-участия с увеличением возраста.

3) Наличие аккаунта в социальных медиа (*x1*): коэффициент $B=0,857$, $\beta=0,156$, $p<0,001$. Несмотря на относительно меньшую стандартизованную значимость по сравнению с другими факторами, наличие аккаунта статистически значимо повышает вероятность офлайн-участия.

Таблица 13 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2019 года (модель А5). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	,286	,230		1,240	,216
	x1	,857	,193	,156	4,447	<,001
	x2	-1,251E-15	,019	,000	,000	1,000
	x4	,429	,048	,393	8,892	<,001
	x6	-,571	,038	-,619	-14,933	<,001
	x3	6,481E-16	,015	,000	,000	1,000

a. Зависимая переменная: y

В то же время, переменные «частота посещения аккаунта» (*x2*) и «осведомлённость о молодёжных общественных организациях» (*x3*) не демонстрируют статистически значимого влияния в обоих случаях. Это позволяет заключить, что сами по себе частота взаимодействия с аккаунтами и декларативная осведомлённость не трансформируются в реальные формы офлайн-активности без дополнительных факторов, таких как подписка и вовлечённость.

Таким образом, *модель А5 скорее поддерживает точку зрения технологического детерминизма*.

Модель А6 (см. Таблицу 14) исключает возраст респондентов, что позволяет оценить влияние цифровых и гендерных факторов в максимально «очищенном» виде.

Результаты множественного регрессионного анализа свидетельствуют о высокой объяснительной способности построенной модели. Коэффициент детерминации ($R^2 = 0,679$) указывает на то, что 67,9% вариации зависимой переменной объясняется включёнными в модель предикторами. Это позволяет охарактеризовать модель как обладающую значительной прогностической силой. Необходимо отметить, что коэффициент детерминации данной модели самый низкий из рассмотренных. Дисперсионный анализ (ANOVA) подтверждает статистическую значимость модели в целом*: $F = 81,898$* при $p < 0,001$. Таким образом, модель является статистически значимой и пригодной для интерпретации.

Таблица 14 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2019 года (модель А6). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	-1,322	,268		-4,934	<,001
	x1	1,680	,250	,305	6,710	<,001
	x2	-,019	,027	-,032	-,702	,484
	x4	,808	,053	,741	15,269	<,001
	x3	,126	,029	,265	4,263	<,001
	x5	-,272	,052	-,337	-5,218	<,001

a. Зависимая переменная: y

Анализ регрессионных коэффициентов позволяет выявить вклад отдельных факторов. Наиболее значимое положительное влияние на уровень офлайн участия оказывает переменная подписанности на публичные аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4: $B = 0,808$; $\beta = 0,741$; $p < 0,001$*), что указывает на её доминирующую роль среди предикторов. Существенное

положительное влияние также демонстрирует наличие у респондентов аккаунта в социальных медиа (*x1: B = 1,680; β = 0,305; p < 0,001*), а также уровень осведомлённости о молодёжных общественных организациях (*x3: B = 0,126; β = 0,265; p < 0,001*). Эти результаты свидетельствуют о том, что как институционализированное присутствие респондентов в цифровой среде, так и их информированность способствуют вовлечению в офлайн деятельность институтов гражданского общества. В то же время переменная пола респондентов (*x5: B = -0,272; β = -0,337; p < 0,001*) оказывает статистически значимое отрицательное влияние, что указывает на различия в уровне офлайн участия между гендерными группами. Переменная частоты посещения аккаунта (*x2: B = -0,019; β = -0,032*) не является статистически значимой (*p = 0,484*), что позволяет заключить об отсутствии её самостоятельного влияния на офлайн участие при контроле других факторов, включённых в модель.

В целом полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что ключевыми факторами, определяющими офлайн участие респондентов, являются институционализированная цифровая вовлечённость (подписанность на публичные аккаунты общественных организаций онлайн), наличие аккаунта в социальных медиа и уровень осведомлённости.

Таким образом, *модель А6 скорее поддерживает точку зрения технологического детерминизма*.

Вывод по результатам множественного корреляционно-регрессионного анализа данных авторского опроса 2019 года.

Прежде всего, результаты исследования демонстрируют устойчивую и воспроизводимую структуру факторов, влияющих на уровень офлайн гражданского участия молодёжи. Независимо от спецификации моделей, ключевыми предикторами выступают институционализированные формы цифрового вовлечения, прежде всего подписанность на публичные аккаунты молодёжных организаций (*x4*), а также возраст респондентов (*x6*). При этом именно возрастной фактор систематически проявляет наиболее сильное влияние по абсолютной величине коэффициентов, что указывает на фундаментальный характер возрастной дифференциации гражданской активности.

Выявлено, что когнитивный компонент, то есть осведомлённость о молодёжных общественных организациях (*x3*), в большинстве моделей не обладает самостоятельной объяснительной силой. Это свидетельствует о разрыве между знанием и действием: наличие информации само по себе не трансформируется в участие без включённости в институциональные и коммуникационные сети. Аналогичным образом, частота использования социальных медиа (*x2*) не оказывает значимого влияния, что дополнительно подтверждает ограниченность количественных характеристик цифровой активности без учёта её содержательной направленности.

С теоретической точки зрения полученные результаты позволяют сделать вывод о комбинированной природе механизмов гражданского участия. С одной стороны, данные убедительно подтверждают положения

технологического детерминизма, поскольку институционализированное цифровое вовлечение выступает ключевым драйвером офлайн активности. С другой стороны, значимость возрастного фактора и снижение объяснительной способности моделей при его исключении указывают на сохраняющуюся роль социальных структур и жизненного цикла, что соответствует логике теории социальных сил.

Корреляционный анализ данных оригинального социологического опроса 2023 года (см. Таблицу 15).

Анализ зависимой переменной показывает (*y*), что статистически значимые корреляции наблюдаются с переменными *x2, x4, x5* и *x6*. Наиболее сильная положительная связь зафиксирована между офлайн участием и подписанностью на публичные аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4: $r = 0{,}962$; $p < 0{,}001$*). Данный коэффициент указывает на практически функциональную зависимость, что свидетельствует о крайне высокой сопряжённости этих показателей: вовлечённость в цифровые каналы организаций непосредственно связана с уровнем офлайн активности.

Таблица 15 – Результаты корреляционного анализа данных авторского опроса 2023 года. Источник: данные автора

Корреляции

		x1	x2	x3	x4	x5	x6	y
x1	Корреляция Пирсона	1	,384**	,109	-,041	,075	,060	-,043
	знач. (двухсторонняя)		<,001	,122	,561	,292	,398	,546
	N	200	200	200	200	200	200	200
x2	Корреляция Пирсона	,384**	1	,474**	-,179*	,324**	,260**	-,186**
	знач. (двухсторонняя)	<,001		<,001	,011	<,001	<,001	,008
	N	200	200	200	200	200	200	200
x3	Корреляция Пирсона	,109	,474**	1	,093	-,002	-,135	,096
	знач. (двухсторонняя)	,122	<,001		,191	,980	,057	,174
	N	200	200	200	200	200	200	200
x4	Корреляция Пирсона	-,041	-,179*	,093	1	-,552**	-,688**	,962**
	знач. (двухсторонняя)	,561	,011	,191		<,001	<,001	<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
x5	Корреляция Пирсона	,075	,324**	-,002	-,552**	1	,802**	-,574**
	знач. (двухсторонняя)	,292	<,001	,980	<,001		<,001	<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
x6	Корреляция Пирсона	,060	,260**	-,135	-,688**	,802**	1	-,715**
	знач. (двухсторонняя)	,398	<,001	,057	<,001	<,001		<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
y	Корреляция Пирсона	-,043	-,186**	,096	,962**	-,574**	-,715**	1
	знач. (двухсторонняя)	,546	,008	,174	<,001	<,001	<,001	
	N	200	200	200	200	200	200	200

**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Наряду с этим выявлены выраженные отрицательные корреляции офлайн участия с возрастом респондентов (*x6: r = -0,715; p < 0,001*) и полом (*x5: r = -0,574; p < 0,001*). Полученные результаты свидетельствуют о значимой возрастной дифференциации: по мере увеличения возраста наблюдается снижение уровня участия. Отрицательная связь с переменной пола указывает на наличие гендерных различий. Также зафиксирована слабая, но статистически значимая отрицательная связь с частотой посещения аккаунта (*x2: r = -0,186; p = 0,008*), что может свидетельствовать о том, что сама по себе интенсивность использования социальных медиа не способствует росту офлайн участия и, возможно, отражает замещение офлайн-активности онлайн-практиками.

Переменные наличие аккаунта в социальных медиа (*x1: r = -0,043; p = 0,546*) и осведомлённость о молодёжных общественных организациях *(x3: r = 0,096; p = 0,174*) не демонстрируют статистически значимых связей с зависимой переменной, что позволяет говорить об их ограниченной роли в объяснении вариации офлайн участия на уровне парных корреляций.

Анализ межфакторных связей между независимыми переменными выявляет наличие выраженной структуры взаимозависимостей. В частности, наблюдается сильная положительная корреляция между полом и возрастом (*x5 и x6: r = 0,802; p < 0,001*), что может указывать на специфику выборки. Также фиксируется сильная отрицательная связь между подписанностью на аккаунты организаций и возрастом (*x4 и x6: r = -0,688; p < 0,001*), а также между подписанностью и полом (*x4 и x5: r = -0,552; p < 0,001*), что свидетельствует о том, что онлайн институционализированная вовлечённость варьируется в зависимости от социодемографических характеристик.

Дополнительно выявлены умеренные положительные корреляции между частотой посещения социальных медиа и осведомлённостью (*x2 и x3: r = 0,474; p < 0,001*), а также между частотой посещения и полом (*x2 и x5: r = 0,324; p < 0,001*) и возрастом (*x2 и x6: r = 0,260; p < 0,001*). Это указывает на то, что более активное использование социальных медиа связано с более высоким уровнем информированности, однако данная активность не трансформируется непосредственно в офлайн участие.

Регрессионный анализ данных оригинального опроса 2023 года. В данном анализе также составлено шесть моделей с различным набором предикторов, как и в анализе данных опроса 2019 года.

Модель B1 (см. Таблицу 16) включает полный набор предикторов и отражает комплексное воздействие цифровых, когнитивных и социодемографических факторов на гражданское участие молодёжи.

Результаты множественного регрессионного анализа позволяют сделать вывод о высокой объяснительной способности построенной модели. Коэффициент детерминации, рассчитанный на основе представленных данных ($R^2 \approx 0,931$), свидетельствует о том, что около 93,1% вариации зависимой переменной объясняется совокупностью включённых предикторов. Это указывает на исключительно высокий уровень соответствия модели

эмпирическим данным. Дисперсионный анализ (ANOVA) подтверждает статистическую значимость модели в целом: значение критерия Фишера составляет $F = 435,873$ при $p < 0,001$. Таким образом, совокупное влияние независимых переменных на зависимую является статистически значимым.

Таблица 16 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2023 года (модель B1). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	,182	,134		1,353	,178
	x1	-1,971E-15	,130	,000	,000	1,000
	x2	9,676E-17	,016	,000	,000	1,000
	x4	,909	,026	,892	34,320	<,001
	x3	-4,776E-16	,014	,000	,000	1,000
	x5	1,998E-15	,029	,000	,000	1,000
	x6	-,091	,034	-,101	-2,713	,007

a. Зависимая переменная: y

Анализ индивидуальных коэффициентов регрессии демонстрирует крайне неравномерное распределение вклада предикторов. Абсолютно доминирующим фактором выступает подписанность на публичные аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4*), которая оказывает мощное положительное влияние на уровень офлайн участия ($B = 0,909$; $\beta = 0,892$; $t = 34,320$; $p < 0,001$). По величине стандартизированного коэффициента данная переменная существенно превосходит все остальные, что указывает на её ключевую роль в объяснении зависимой переменной.

Возраст респондентов (*x6*) также оказывает статистически значимое влияние, однако его эффект существенно слабее и имеет отрицательное направление ($B = -0,091$; $\beta = -0,101$; $t = -2,713$; $p = 0,007$). Это свидетельствует о том, что с увеличением возраста наблюдается снижение уровня офлайн гражданского участия, однако данный фактор носит вспомогательный характер по сравнению с влиянием цифровой вовлечённости.

В то же время переменные наличие аккаунта в социальных медиа (*x1*), частота посещения аккаунта (*x2*), осведомлённость об общественных организациях (*x3*) и пол респондентов (*x5*) не демонстрируют статистически значимого влияния ($p = 1,000$). Более того, их коэффициенты практически равны нулю, что указывает на отсутствие самостоятельного вклада этих факторов в объяснение вариации зависимой переменной в рамках данной модели.

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что сочетание крайне высокого коэффициента детерминации и практически полного

отсутствия значимости большинства предикторов может свидетельствовать о наличии сильной мультиколлинеарности или эффектов подавления.

В целом полученные *результаты модели B1* подтверждают ключевую роль институционализированной цифровой вовлечённости как основного детерминанта офлайн гражданского участия молодёжи. Подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций в социальных медиа выступает центральным каналом мобилизации, тогда как остальные факторы либо опосредуют данное влияние, либо не обладают самостоятельной объяснительной силой. Одновременно значимость возрастного фактора указывает на сохранение влияния социодемографических характеристик, что позволяет *интерпретировать полученные результаты в рамках комбинированного подхода, сочетающего элементы технологического детерминизма и теории социальных сил*.

Модель B2 (см. Таблицу 17) исключает из анализа предикторы, отражающие наличие аккаунта (*x1*) и частоту его посещения (*x2*), фокусируясь на осведомлённости (*x3*), подписанности (*x4)* и социодемографических факторах (*x5* и *x6*). Такая спецификация позволяет оценить влияние цифрового участия в его «содержательной» форме без учёта интенсивности использования платформ.

Таблица 17 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2023 года (модель B2). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	,182	,045		4,058	<,001
	x4	,909	,026	,892	34,496	<,001
	x3	-4,529E-16	,012	,000	,000	1,000
	x5	2,011E-15	,028	,000	,000	1,000
	x6	-,091	,033	-,101	-2,746	,007

a. Зависимая переменная: y

Прежде всего, дисперсионный анализ (ANOVA) подтверждает общую значимость модели: $F=660,549$ при уровне значимости $p<0,001$. Это свидетельствует о том, что совокупность включённых предикторов (осведомлённость, подписанность, пол и возраст) в целом существенно объясняет вариацию зависимой переменной. Коэффициент детерминации $R^2=0,931$ указывает на то, что 93,1% дисперсии офлайн-гражданского участия объясняется включёнными в модель факторами, что позволяет говорить о крайне высокой объяснительной способности модели.

Наиболее значимым предиктором выступает подписанность молодёжи на аккаунты общественных организаций (*x4*). Нестандартизованный коэффициент (*B=0,909*) и особенно высокий стандартизованный коэффициент (*β=0,892*) при *p<0,001* свидетельствуют о сильной положительной связи: увеличение уровня подписанности сопровождается существенным ростом офлайн-гражданского участия. Это указывает на то, что вовлечённость в цифровые каналы коммуникации организаций тесно связана с офлайн-активностью.

Переменная возраста (*x6*) также оказывает статистически значимое влияние (*B=−0,091, β=−0,101, p=0,007*), однако его сила существенно ниже. Отрицательный знак коэффициента указывает на тенденцию снижения уровня офлайн-гражданского участия с увеличением возраста в рамках исследуемой выборки. В то же время осведомлённость о молодёжных организациях (*x3*) и пол респондентов (*x5*) не демонстрируют статистически значимого влияния (*p=1,000*). Их коэффициенты практически равны нулю, что свидетельствует об отсутствии самостоятельного вклада этих факторов в объяснение вариации зависимой переменной при контроле остальных переменных модели.

Полученные результаты модели B2 скорее отражают умеренную форму технологического детерминизма. Речь идёт не о самом факте наличия социальных медиа, а об активной включённости в них (подписанности), которая и становится значимым механизмом трансформации онлайн-вовлечённости в офлайн-гражданское участие. Таким образом, социальные медиа выступают не автономной причиной, а средой, в рамках которой формируются и усиливаются практики участия.

Модель B3 (см. Таблицу 18) исключает все цифровые переменные, анализируя гражданское участие исключительно через призму нецифровых факторов (*x3* – осведомлённость респондентов, *x5* – пол, *x6* – возраст). Это позволяет эмпирически проверить тезис о возможности формирования гражданской активности вне цифрового пространства.

Таблица 18 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2023 года (модель B3). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	1,286	,083		15,455	<,001
	x3	-1,360E-16	,031	,000	,000	1,000
	x5	8,878E-16	,075	,000	,000	1,000
	x6	-,643	,077	-,715	-8,363	<,001

a. Зависимая переменная: y

Модель B3 в целом является статистически значимой: значение F-критерия (*F = 68,803; p < 0,001*) указывает на то, что совокупность

включённых предикторов (осведомлённость о молодёжных организациях, пол, возраст) достоверно объясняет вариацию зависимой переменной. Коэффициент детерминации ($R^2 = 0,512$) свидетельствует о том, что 51,2% дисперсии офлайн-гражданского участия объясняется включёнными в модель факторами, что можно оценить, как достаточно высокий показатель объяснительной способности. Тем не менее, данный коэффициент существенно ниже аналогичных показателей в моделях В1 и В2, что может говорить о том, что данные предикторы в меньшей степени оказывают влияние на зависимую переменную *y*.

Анализ коэффициентов регрессии демонстрирует существенно неоднородный вклад предикторов. Переменная возраста (*x6*) является статистически значимой ($\beta = -0,715;\ p < 0,001$) и оказывает сильное отрицательное влияние на уровень офлайн-гражданского участия. Это означает, что с увеличением возраста респондентов наблюдается снижение их вовлеченности в офлайн-гражданские практики. В то же время переменные осведомлённости о молодёжных организациях (*x3*) и пола респондентов (*x5*) не демонстрируют статистически значимого влияния ($p = 1,000$ в обоих случаях). Это означает, что ни уровень информированности о молодёжных общественных организациях, ни гендерная принадлежность респондентов не оказывают самостоятельного значимого влияния на офлайн-гражданское участие.

С теоретической точки зрения полученные результаты модели В3 в большей степени согласуются с теорией социальных сил. Отсутствие значимого влияния переменной осведомлённости (которая может рассматриваться как прокси-показатель информационной среды, в том числе цифровой) указывает на то, что сам по себе доступ к информации или знание о молодёжных организациях не приводит к росту офлайн-гражданского участия. В то же время значимость возраста как социально-демографического фактора подчёркивает определяющую роль нецифровых, структурных характеристик индивидов.

В модели В4 (см. Таблицу 19) из анализа исключается осведомлённость респондентов (*x3*), что позволяет оценить, способны ли цифровые практики компенсировать отсутствие когнитивной включённости.

Дисперсионный анализ (ANOVA) демонстрирует, что построенная модель в целом является статистически значимой: $F=525,743$, при уровне значимости $p<0,001$. Это означает, что совокупность включённых предикторов (*x1, x2, x4, x5, x6*) в значительной степени объясняет вариацию зависимой переменной – уровня офлайн гражданского участия. Высокое значение коэффициента детерминации $R^2=0,931$ свидетельствует о том, что модель объясняет 93,1% дисперсии зависимой переменной, что указывает на исключительно высокую объяснительную силу модели.

Таблица 19 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2023 года (модель B4). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	,182	,132		1,380	,169
	x5	1,910E-15	,029	,000	,000	1,000
	x6	-,091	,033	-,101	-2,793	,006
	x1	-1,467E-15	,129	,000	,000	1,000
	x2	-1,766E-16	,014	,000	,000	1,000
	x4	,909	,026	,892	34,408	<,001

a. Зависимая переменная: y

Наиболее значимым предиктором выступает переменная *x4* (подписанность респондентов на аккаунты молодёжных общественных организаций в социальных медиа). Её стандартизованный коэффициент $\beta=0,892$ при $p<0,001$ указывает на сильную положительную связь с офлайн гражданским участием. Это означает, что увеличение уровня вовлеченности в контент организаций в социальных медиа существенно повышает вероятность участия молодёжи в офлайн гражданской активности. Переменная возраста (*x6*) также демонстрирует статистически значимое влияние ($\beta=-0,101$, $p=0,006$), однако его эффект значительно слабее и имеет отрицательное направление: с увеличением возраста наблюдается незначительное снижение уровня офлайн гражданского участия в рамках рассматриваемой выборки. Переменные, отражающие базовое использование социальных медиа, а именно, наличие аккаунта (*x1*) и частота его посещения (*x2*), не оказывают статистически значимого влияния на зависимую переменную. Переменная пола (*x5*) также не демонстрирует значимого эффекта.

Данные модели B4 не подтверждают положения технологического детерминизма, но частично соотносятся с положениями теории социальных сил. Ключевым фактором оказывается не сам факт присутствия в цифровой среде, а содержательная и социально обусловленная институционализированная вовлечённость, то есть подписанность на публичные аккаунты молодёжных организаций. Это указывает на то, что социальные медиа выступают не автономным драйвером участия, а инструментом, эффективность которого определяется социальным контекстом, институциональными акторами и характером распространяемого контента.

Модель B5 (см. Таблицу 20) исключает фактор пола (*x5*), что позволяет проверить устойчивость остальных предикторов.

Результаты множественной линейной регрессии демонстрируют высокую объяснительную способность построенной модели: коэффициент детерминации

$R^2=0,931$ свидетельствует о том, что 93,1% вариации уровня офлайн гражданского участия молодёжи Казахстана объясняется включёнными в модель предикторами. Это указывает на очень высокую согласованность модели с эмпирическими данными. Анализ дисперсии (ANOVA) подтверждает статистическую значимость модели в целом: значение *F-критерия* составляет *525,743* при уровне значимости $p<0,001$. Это позволяет сделать вывод о наличии статистически значимой линейной зависимости между зависимой переменной и совокупностью объясняющих факторов.

Единственным фактором, оказывающим сильное и статистически значимое влияние на офлайн гражданское участие, является переменная *x4* (подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций в социальных медиа). Её стандартизованный коэффициент $\beta=0,892$ при $p<0,001$ указывает на очень сильную положительную связь: увеличение данного показателя сопровождается существенным ростом уровня офлайн участия. Это позволяет интерпретировать подписанность как ключевой фактор в данной модели, опосредующий вовлечённость в гражданскую активность. Переменная возраста (*x6*) также демонстрирует статистически значимое влияние ($p<0,001$), однако его характер является отрицательным ($\beta=-0,101$), что свидетельствует о снижении уровня офлайн гражданского участия с увеличением возраста внутри исследуемой возрастной группы молодёжи. Переменные, непосредственно отражающие базовое присутствие и активность в социальных медиа, а именно, наличие аккаунта (*x1*), частота его посещения (*x2*) и осведомлённость о молодёжных организациях (*x3*), не являются статистически значимыми (во всех случаях $p=1,000$).

Таблица 20 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2023 года (модель B5). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	,182	,134		1,358	,176
	x6	-,091	,024	-,101	-3,720	<,001
	x1	-2,251E-15	,129	,000	,000	1,000
	x2	2,579E-16	,016	,000	,000	1,000
	x4	,909	,026	,892	34,408	<,001
	x3	-4,098E-16	,014	,000	,000	1,000

a. Зависимая переменная: y

Таким образом *результаты анализа модели B5 демонстрируют, что гипотеза технологического детерминизма не получает эмпирического подтверждения*. Переменные, отражающие неинституционализированное

присутствие в цифровой среде и интенсивность её использования, оказываются статистически незначимыми. *Напротив, результаты в большей степени согласуются с теорией социальных сил*. Существенным оказывается не сам факт использования социальных медиа, а включённость в конкретные диджитализированные структуры – подписанность респондентов на публичные аккаунты молодёжных общественных объединений в социальных медиа.

Модель В6 (см. Таблицу 21) исключает возраст респондентов (*x6*), позволяя сосредоточиться на взаимодействии цифровых, недиджитальных и гендерных факторов.

Анализ дисперсии (ANOVA) демонстрирует высокую статистическую значимость модели в целом: $F=505,104$ при $p<0,001$. Это свидетельствует о том, что совокупность включённых предикторов значимо объясняет вариацию зависимой переменной. Коэффициент детерминации $R^2=0,928$ указывает на очень высокую объясняющую способность модели В6: 92,8% вариации уровня офлайн-гражданского участия обусловлены включёнными переменными.

Таблица 21 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2023 года (модель В6). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	,098	,133		,735	,463
	x1	,008	,132	,001	,064	,949
	x2	-,005	,016	-,008	-,314	,754
	x4	,944	,024	,926	39,957	<,001
	x3	,009	,014	,014	,623	,534
	x5	-,053	,021	-,060	-2,492	,014

a. Зависимая переменная: y

Наиболее значимым фактором выступает переменная *x4* (подписанность респондента на аккаунты молодёжных общественных организаций в социальных медиа). Её стандартизованный коэффициент $\beta=0,926$ при $p<0,001$ свидетельствует о крайне сильной положительной связи с уровнем офлайн-участия. Переменная *x5* (пол) также демонстрирует статистическую значимость ($\beta=-0,060$, $p=0,014$), однако её эффект является слабым по величине. Отрицательный знак коэффициента указывает на наличие гендерных различий в уровне участия, однако их вклад существенно уступает влиянию других факторов. Переменные, непосредственно отражающие базовое использование социальных медиа (*x1* и *x2*), не являются статистически значимыми, так же как и переменная *x3*.

Таким образом, *с теоретической точки зрения полученные результаты модели B6 в значительно большей степени подтверждают теорию социальных сил, нежели технологический детерминизм*.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа данных авторского опроса 2025 года (см. Таблицу 22).

Результаты показывают, что офлайн гражданское участие молодёжи (*y*) слабо связано с большинством исследуемых факторов. Статистически значимая, но слабая отрицательная связь обнаружена только с возрастом респондентов (*x6: $r = -0{,}261$, $p < 0{,}01$*). Это указывает на тенденцию к снижению офлайн гражданской активности с увеличением возраста в рамках рассматриваемой выборки молодёжи. Все остальные связи с зависимой переменной (*x1–x5*) оказались статистически незначимыми (*$p > 0{,}05$*), что свидетельствует об отсутствии линейной зависимости между офлайн участием и наличием аккаунта в социальных медиа, частотой их использования, осведомлённостью о молодёжных организациях, подпиской на их аккаунты, а также полом респондентов.

Таблица 22 – Результаты корреляционного анализа данных авторского опроса 2025 года. Источник: данные автора

Корреляции

		y	x1	x2	x3	x4	x5	x6
y	Корреляция Пирсона	1	,034	-,038	-,044	,115	,053	-,261**
	знач. (двухсторонняя)		,638	,592	,534	,106	,453	<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
x1	Корреляция Пирсона	,034	1	,146*	-,056	-,395**	-,038	-,025
	знач. (двухсторонняя)	,638		,040	,427	<,001	,598	,727
	N	200	200	200	200	200	200	200
x2	Корреляция Пирсона	-,038	,146*	1	,261**	-,145*	-,252**	,142*
	знач. (двухсторонняя)	,592	,040		<,001	,040	<,001	,045
	N	200	200	200	200	200	200	200
x3	Корреляция Пирсона	-,044	-,056	,261**	1	,232**	-,095	,323**
	знач. (двухсторонняя)	,534	,427	<,001		<,001	,179	<,001
	N	200	200	200	200	200	200	200
x4	Корреляция Пирсона	,115	-,395**	-,145*	,232**	1	,024	,107
	знач. (двухсторонняя)	,106	<,001	,040	<,001		,737	,133
	N	200	200	200	200	200	200	200
x5	Корреляция Пирсона	,053	-,038	-,252**	-,095	,024	1	,073
	знач. (двухсторонняя)	,453	,598	<,001	,179	,737		,307
	N	200	200	200	200	200	200	200
x6	Корреляция Пирсона	-,261**	-,025	,142*	,323**	,107	,073	1
	знач. (двухсторонняя)	<,001	,727	,045	<,001	,133	,307	
	N	200	200	200	200	200	200	200

**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Анализ взаимосвязей между независимыми переменными позволяет выявить ряд структурных закономерностей. Наличие аккаунта в социальных медиа (*x1*) положительно связано с частотой его посещения (*x2: $r = 0{,}146$, $p < 0{,}05$*), однако демонстрирует отрицательную связь с подписанностью на аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4: $r = -0{,}395$, $p < 0{,}01$*). Это может указывать на различия в характере цифровой вовлечённости:

формальное присутствие в социальных медиа не обязательно сопряжено с включённостью в контент, ориентированный на гражданское участие. Частота посещения аккаунта (*x2*) демонстрирует положительную связь с осведомлённостью о молодёжных организациях (*x3: r = 0,261, p < 0,01*) и возрастом (*x6: r = 0,142, p < 0,05*), а также отрицательную связь с подписанностью на аккаунты молодёжных организаций (*x4: r = −0,145, p < 0,05*) и полом (*x5: r = −0,252, p < 0,01*). Это может свидетельствовать о неоднородности цифрового поведения, где более активное потребление социальных медиа не обязательно трансформируется в гражданскую или организационную вовлечённость. Осведомлённость о молодёжных общественных организациях (*x3*) положительно связана с подписанностью на их аккаунты (*x4: r = 0,232, p < 0,01*) и возрастом (*x6: r = 0,323, p < 0,01*), что логично отражает накопительный эффект социального и информационного опыта. В то же время значимых связей с полом и наличием аккаунта в социальных медиа не выявлено. Подписанность на аккаунты молодёжных организаций (*x4*) статистически не связана с возрастом (*x6: r = 0,107, p > 0,05*) и полом (*x5: r = 0,024, p > 0,05*), что может указывать на слабую демографическую детерминированность данного показателя. Переменные пола (*x5*) и возраста (*x6*) демонстрируют ограниченные взаимосвязи: возраст положительно связан с осведомлённостью о молодёжных организациях (*x3*), но отрицательно – с общим офлайн гражданским участием (*y*), что в совокупности может отражать возрастную дифференциацию форм гражданской активности в пределах молодёжной группы.

Рассматривается регрессионный анализ данных оригинального опроса 2025 года. Как и в двух предыдущих случаях было составлено шесть моделей с разным набором переменных.

Модель С1 включает полный набор предикторов (*x1-x6*) (см. Таблицу 23).

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) показывают, что модель в целом является статистически значимой: *F = 3,719, p = 0,002*. Это означает, что совокупность включённых предикторов объясняет вариацию офлайн гражданского участия значимо лучше, чем модель без предикторов. Однако при этом доля объяснённой дисперсии остаётся относительно невысокой ($R^2 \approx 0,104$; приблизительно 10,4%), что указывает на ограниченную объяснительную силу модели и наличие значимых факторов, не включённых в анализ.

Анализ отдельных предикторов показывает, что статистически значимое влияние на офлайн гражданское участие оказывают только два фактора:

1) Подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций (x4) демонстрирует положительный и значимый эффект (B = 0,081; β = 0,185; t = 2,389; p = 0,018). Это означает, что более высокая включённость в цифровые каналы молодёжных организаций ассоциирована с увеличением уровня офлайн гражданского участия. Данный результат указывает на наличие связи между онлайн-гражданской вовлечённостью и офлайн-активностью.

2) Возраст (x6) оказывает статистически значимое отрицательное влияние (B = −0,181; β = −0,293; t = −4,023; p < 0,001). Это свидетельствует о снижении уровня офлайн гражданского участия с увеличением возраста внутри молодёжной когорты, что может отражать возрастную дифференциацию форм гражданской активности.

Остальные переменные не демонстрируют статистически значимого влияния.

Таблица 23 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2025 года (модель C1). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	-,057	,242		-,237	,813
	x1	,296	,225	,098	1,318	,189
	x2	,010	,021	,034	,453	,651
	x3	,005	,029	,012	,160	,873
	x4	,081	,034	,185	2,389	,018
	x5	,054	,046	,084	1,177	,240
	x6	-,181	,045	-,293	-4,023	<,001

a. Зависимая переменная: y

В целом, модель C1 не подтверждает радикальную версию технологического детерминизма. Большинство показателей цифрового поведения (наличие аккаунта, частота использования социальных медиа, общая осведомлённость) не оказывают значимого влияния на офлайн участие. Более того, объяснительная сила модели ограничена, а ключевым устойчивым предиктором наряду с одним цифровым фактором выступает возраст, то есть социально-демографическая переменная. Следовательно, *эмпирические данные в большей степени подтверждают теорию социальных сил*.

Модель C2 (см. Таблицу 24) исключает цифровые неинституционализированные предикторы (*x1* и *x2*).

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) показывают, что модель в целом является статистически значимой: $F = 5,062$, $p = 0,001$. Это означает, что совокупность включённых предикторов позволяет статистически значимо объяснять вариацию офлайн гражданского участия молодёжи. При этом объяснённая дисперсия остаётся умеренной ($R^2 \approx 0,094$), что указывает на ограниченную, но содержательную предсказательную силу модели.

Наиболее сильным и устойчивым предиктором выступает возраст (*x6*), который демонстрирует статистически значимое отрицательное влияние на офлайн гражданское участие ($B = −0,178$; $\beta = −0,289$; $p < 0,001$). Это означает, что с увеличением возраста в пределах молодёжной выборки уровень офлайн гражданской активности систематически снижается. Данный эффект сохраняется при контроле всех остальных переменных, что подчёркивает его

независимый характер. Подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4*) демонстрирует положительную связь с зависимой переменной на уровне пограничной статистической значимости (*B = 0,061; β = 0,138; p = 0,050*). Это может свидетельствовать о том, что включённость в цифровые каналы молодёжных организаций потенциально способствует повышению офлайн гражданской активности, однако эффект является слабым и требует осторожной интерпретации.

Таблица 24 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2025 года (модель С2). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	,260	,082		3,176	,002
	x3	,009	,028	,024	,323	,747
	x4	,061	,031	,138	1,970	,050
	x5	,047	,044	,073	1,063	,289
	x6	-,178	,045	-,289	-3,984	<,001

a. Зависимая переменная: y

Осведомлённость о молодёжных общественных организациях (*x3*) не оказывает статистически значимого влияния на офлайн участие (*B = 0,009; β = 0,024; p = 0,747*), что указывает на отсутствие прямого эффекта когнитивного уровня информированности при контроле других факторов модели. Пол (*x5*) также не демонстрирует значимого влияния (*B = 0,047; β = 0,073; p = 0,289*), что свидетельствует об отсутствии устойчивых гендерных различий в уровне офлайн гражданского участия в данной выборке.

Таким образом, *данные модели С2 в большей степени подтверждают теорию социальных сил. Технологический детерминизм получает лишь ограниченную и слабую поддержку через частичный эффект подписанности на аккаунты молодёжных организаций*.

В модели С3 (см. Таблицу 25) из анализа исключены все цифровые предикторы, как институционализированного, так и неинституционализированного характера.

Модель в целом является статистически значимой*: F = 5,377, p = 0,001*, что свидетельствует о наличии линейной зависимости между совокупностью предикторов и зависимой переменной. Коэффициент детерминации ($R^2 \approx 0,076$) указывает на то, что модель С3 объясняет около 7,6% вариации офлайн гражданского участия, что свидетельствует о слабой, но статистически значимой объясняющей способности включённых переменных.

Анализ регрессионных коэффициентов показывает, что только возраст (*x6*) оказывает статистически значимое влияние на офлайн гражданское участие

молодёжи ($B = -0{,}176$; $\beta = -0{,}285$; $t = -3{,}899$; $p < 0{,}001$). Отрицательный знак коэффициента указывает на устойчивую тенденцию к снижению уровня офлайн гражданской активности с увеличением возраста в пределах исследуемой молодёжной выборки. Данный результат согласуется с ранее выявленной корреляционной зависимостью и подтверждает возраст как ключевой индивидуальный предиктор гражданского участия в данной модели. В то же время осведомлённость о молодёжных общественных организациях (*x3*) ($B = 0{,}021$; $\beta = 0{,}055$; $p = 0{,}451$) и пол (*x5*) ($B = 0{,}051$; $\beta = 0{,}079$; $p = 0{,}255$) не демонстрируют статистически значимого влияния на зависимую переменную. Это указывает на то, что информационная осведомлённость и гендерная принадлежность в данной модели не являются значимыми предикторами офлайн гражданского участия при контроле других факторов.

Таблица 25 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2025 года (модель С3). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	,264	,082		3,201	,002
	x3	,021	,028	,055	,755	,451
	x5	,051	,044	,079	1,143	,255
	x6	-,176	,045	-,285	-3,899	<,001

a. Зависимая переменная: y

С теоретической точки зрения полученные результаты модели С3 в большей степени подтверждают *теорию социальных сил*. В частности, отсутствие значимого эффекта переменных, связанных с осведомлённостью и потенциальной цифровой вовлечённостью, указывает на ограниченность объяснительного потенциала технологического детерминизма в данном эмпирическом контексте.

Модель С4 исключает из анализа когнитивный недиджитальный компонент – *x3* (осведомлённость респондентов о молодёжных общественных организациях) (см. Таблицу 26).

Результаты дисперсионного анализа модели (ANOVA) показывают, что регрессионная модель в целом является статистически значимой: $F = 4{,}480$, $p = 0{,}001$. Это означает, что совокупность предикторов объясняет значимую долю вариации офлайн гражданского участия молодёжи. Однако, коэффициент детерминации ($R^2 \approx 0{,}104$) указывает на то, что модель С4 объясняет около 10,4% вариации офлайн гражданского участия, что свидетельствует о слабой, но статистически значимой объясняющей способности включённых переменных.

Таблица 26 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2025 года (модель С4). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	-,059	,241		-,244	,807
	x1	,296	,224	,098	1,322	,188
	x2	,011	,021	,037	,510	,611
	x4	,083	,033	,188	2,508	,013
	x5	,053	,045	,083	1,173	,242
	x6	-,179	,043	-,290	-4,156	<,001

a. Зависимая переменная: y

Наиболее значимым предиктором офлайн гражданского участия оказался возраст респондентов (*x6*): $\beta = -0{,}290$, $t = -4{,}156$, $p < 0{,}001$. Отрицательный знак коэффициента свидетельствует о том, что с увеличением возраста в пределах молодёжной выборки наблюдается снижение уровня офлайн гражданской активности. Данный эффект является устойчивым и сохраняется при контроле других переменных модели. Вторым значимым фактором выступает подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4*): $\beta = 0{,}188$, $t = 2{,}508$, $p = 0{,}013$. Положительный коэффициент указывает на то, что вовлечённость в информационное пространство молодёжных организаций в социальных медиа способствует росту офлайн гражданского участия, что отражает наличие связки между онлайн-экспозицией гражданского контента и офлайн-активностью. Остальные переменные не демонстрируют статистически значимого влияния на зависимую переменную. Наличие аккаунта в социальных медиа (*x1:* $\beta = 0{,}098$, $p = 0{,}188$) и частота его использования (*x2:* $\beta = 0{,}037$, $p = 0{,}611$) не оказывают значимого влияния на офлайн гражданское участие. Аналогично, пол респондента (*x5:* $\beta = 0{,}083$, $p = 0{,}242$) также не является значимым предиктором.

Таким образом, *модель С4 скорее подтверждает теорию социальных сил, а не технологический детерминизм*.

В модели С5 (см. Таблицу 27) из анализа исключена переменная пола респондентов.

Качество модели С5 оказалось статистически значимым ($F = 4{,}177$; $p = 0{,}001$), что указывает на наличие совокупного влияния предикторов на зависимую переменную. Однако объяснённая дисперсия остаётся относительно низкой ($R^2 = 0{,}097$), это означает, что модель объясняет лишь 9,7% вариации офлайн гражданского участия.

Анализ коэффициентов регрессии показывает, что большинство цифровых характеристик не оказывают статистически значимого влияния на

офлайн гражданское участие. Так, наличие аккаунта в социальных медиа (*x1: β = 0,098; p = 0,192*), частота посещения аккаунта (*x2: β = 0,013; p = 0,862*) и осведомлённость о молодёжных организациях (*x3: β = 0,006; p = 0,933*) не демонстрируют значимого влияния на зависимую переменную. Это свидетельствует о том, что сама по себе неинституционализированная вовлечённость или нецифровая осведомлённость не трансформируются напрямую в офлайн гражданскую активность. В то же время подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4*) демонстрирует статистически значимый положительный эффект (*β = 0,184; p = 0,019*), что указывает на то, что именно вовлечённость в институционализированные цифровые сети коммуникации связана с более высоким уровнем офлайн участия. Напротив, возраст (*x6*) оказывает значимое отрицательное влияние на гражданское участие (*β = −0,282; p < 0,001*), что подтверждает тенденцию к снижению офлайн активности с увеличением возраста в рамках молодёжной группы.

Таблица 27 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2025 года (модель С5). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	t	Значимость
1	(Константа)	,017	,233		,071	,943
	x1	,295	,225	,098	1,309	,192
	x2	,004	,021	,013	,174	,862
	x3	,002	,029	,006	,085	,933
	x4	,081	,034	,184	2,372	,019
	x6	-,174	,045	-,282	-3,900	<,001

a. Зависимая переменная: y

Таким образом, *полученные данные не подтверждают гипотезу технологического детерминизма*.

Модель С6 исключает из анализа возраст респондентов (*x6*) (см. Таблицу 28).

Результаты дисперсионного анализа модели (ANOVA) показывают, что модель в целом не является статистически значимой: *F = 1,136, p = 0,342*. Это означает, что совокупность предикторов не объясняет вариацию зависимой переменной на статистически значимом уровне. Коэффициент детерминации составляет $R^2 = 0,028$, что указывает на крайне низкую объяснительную способность модели: включённые переменные объясняют лишь 2,8% вариации офлайн гражданского участия молодёжи.

Анализ коэффициентов регрессии показывает, что из всех включённых предикторов статистически значимым оказался только один фактор – подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4: B = 0,075; β = 0,170; t = 2,119; p = 0,035*). Данный результат свидетельствует о том, что включённость респондента в цифровые каналы молодёжных организаций ассоциируется с более высоким уровнем офлайн гражданского участия. При этом эффект носит слабый, но положительный характер. Остальные переменные не продемонстрировали статистически значимого влияния на зависимую переменную: наличие аккаунта в социальных медиа (*x1: p = 0,208*), частота его использования (*x2: p = 0,964*), осведомлённость о молодёжных организациях (*x3: p = 0,331*), а также пол респондента (*x5: p = 0,523*). Это указывает на отсутствие прямого линейного влияния базовой цифровой вовлечённости и данной демографической характеристики на уровень офлайн гражданского участия.

Таблица 28 – Результаты регрессионного анализа данных авторского опроса 2025 года (модель С6). Источник: данные автора

Коэффициенты[a]

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
		B	Стандартная ошибка	Бета	т	Значимость
1	(Константа)	-,241	,246		-,979	,329
	x1	,295	,233	,098	1,263	,208
	x2	,001	,022	,004	,045	,964
	x3	-,028	,029	-,075	-,975	,331
	x4	,075	,035	,170	2,119	,035
	x5	,030	,047	,047	,639	,523

a. Зависимая переменная: y

Таким образом, низкое значение R^2 и отсутствие значимого влияния ключевых цифровых переменных (*x1, x2*) свидетельствуют о том, что *предположения теории технологического детерминизма не получают эмпирической поддержки в рамках данной модели*.

Выводы:

1) Наиболее статистически значимыми и объяснительно сильными являются модели с включением институционализированной цифровой вовлечённости и возрастного фактора (A1, A2, A4, A5; B1, B2, B4, B5). Данные модели демонстрируют максимально высокие значения коэффициента детерминации ($R^2 \approx 0,81$-$0,93$) и устойчивую статистическую значимость ($p < 0,001$), что свидетельствует о высокой степени соответствия эмпирическим данным. Их общая характеристика – наличие в модели переменной *x4* (подписанность на аккаунты молодёжных организаций) и *x6* (возраст

респондента). Это указывает на то, что именно сочетание институционализированного цифрового участия и социодемографического фактора обеспечивает наибольшую объяснительную способность моделей.

2) Ключевым предиктором офлайн гражданского участия систематически выступает подписанность на аккаунты молодёжных общественных организаций (*x4*). Во всех временных срезах (2019, 2023, 2025 годы) и практически во всех моделях данная переменная демонстрирует устойчивое положительное и статистически значимое влияние, зачастую с наибольшими значениями стандартизированных коэффициентов (до $\beta \approx 0,89$). Это позволяет интерпретировать *x4* как центральный механизм трансляции онлайн-вовлечённости в офлайн-гражданскую активность. В отличие от других цифровых переменных, она отражает не просто присутствие в цифровой среде, а включённость в институциональные коммуникационные сети, что принципиально повышает её объяснительный потенциал.

3) Возраст (*x6*) является наиболее мощным нецифровым предиктором и демонстрирует устойчивое отрицательное влияние. Во всех моделях, где переменная возраста включена, она оказывает статистически значимое и, как правило, наиболее сильное влияние по абсолютной величине (β *до* $-0,87$). Это указывает на фундаментальную роль возрастной дифференциации в объяснении гражданского участия: по мере увеличения возраста внутри молодёжной группы наблюдается снижение офлайн активности. Данный эффект отражает как институциональные ограничения (ориентация общественных организаций на более молодые группы), так и жизненный цикл (снижение вовлечённости с переходом к иным социальным ролям).

4) Неинституционализированные цифровые практики (наличие аккаунта – *x1*, частота использования – *x2*) не обладают самостоятельной объяснительной силой. Во всех моделях, включая наиболее сильные, данные переменные либо незначимы, либо демонстрируют крайне слабые эффекты. Это указывает на принципиальное различие между «доступом к технологиям» и «содержательной вовлечённостью». Сам факт присутствия в социальных медиа и интенсивность их использования не приводят к росту офлайн гражданского участия без включённости в конкретные социальные и организационные структуры. Таким образом, количественные характеристики цифрового поведения оказываются недостаточными для объяснения гражданской активности, следовательно, теория технологического детерминизма не подтверждается.

5) Низкие значения R^2 в моделях С1-С6 (особенно С3 и С6) свидетельствуют о структурной трансформации факторов гражданского участия и снижении объяснительной силы включённых переменных. В моделях 2025 года коэффициенты детерминации варьируются в диапазоне $R^2 \approx 0,028–0,104$, что радикально ниже показателей моделей 2019 и 2023 годов. Это может означать: 1) ослабление прямой связи между цифровой вовлечённостью и офлайн участием; 2) фрагментацию и усложнение механизмов гражданской активности; 3) появление новых, неучтённых факторов, влияющих на

зависимую переменную; 4) снижение роли формализованных каналов (например, подписок) в мобилизации участия. Особенно показателен случай модели С6, где исключение возраста приводит к полной статистической незначимости модели ($p = 0,342$), что подтверждает критическую роль данного фактора.

6) Ограниченная объяснительная способность моделей 2025 года указывает на наличие значимого набора латентных факторов, не включённых в анализ. Снижение R^2 свидетельствует о том, что офлайн гражданское участие молодёжи в современных условиях определяется более сложной совокупностью переменных. К числу потенциально значимых факторов можно отнести: уровень эффективности молодёжных общественных организаций; доверие к государственным и общественным институтам; социальный капитал (сетевые связи, участие в сообществах); ценностные ориентации (гражданская ответственность, коллективизм/индивидуализм); экономическое положение и занятость; влияние неформальных сетей и офлайн-сообществ; тип потребляемого цифрового контента (развлекательный vs гражданский); уровень политической социализации и образования. Данная проблема указывает на необходимость расширения теоретико-эмпирической рамки исследования.

7) Проводя сопоставление между теоретическим анализом (см. Главу 1) и результатами корреляционно-регрессионного анализа, можно заметить, что институты гражданского общества на примере молодёжных общественных объединений являются слабым инструментом общественного контроля, так как интерес и вовлечение у молодёжи не растёт, соответственно, функциональные возможности молодёжных общественных организаций снижаются. В отношении стимулирования институционализированного гражданского участия, усилия, предпринимаемые государством в последние годы (после 2022 года) не имеют долгосрочного и системного эффекта, поскольку в 2025 году проявился фактор неинституционализированного гражданского участия молодёжи (по результатам авторского социологического опроса), а также высокая значимость иных факторов, не включённых в аналитические модели регрессии. Это может говорить о том, что, с одной стороны, есть определённый запрос на гражданское участие, с другой стороны, молодёжь стремится реализовать его не по тем каналам, на которые ей указывает государство, а по тем, которые ей кажутся наиболее интересными и полезными. Более того, в качестве институционализированных площадок вовлечения молодёжь предпочитает иностранные молодёжные общественные объединения (AIESEC, ESN), что может говорить о проблемах работы на данном треке, как государства, так и институтов гражданского общества, связанных с привлекательностью отечественных молодёжных общественных организаций для молодёжи. Молодёжь по-прежнему настороженно относится как к GONGO, так и к иным инициативам в сфере гражданского общества, продвигаемым государством. При этом молодёжь стремится к участию в неполитической сфере, выбирая развлечение, нетворкинг и волонтёрство. В то же время, государство стремится направить запрос на участие у молодёжи в

политическую и гуманитарную сферу (добровольчество и благотворительность). Если с последней всё достаточно неплохо: молодёжь охотно участвует в подобных инициативах, как институционализированного, так и неинституционализированного характера, то с первой существенного прогресса нет.

В этой связи наиболее релевантной для анализа офлайн гражданского вовлечения молодёжи Казахстана представляется модель, построенная на расширенных предположениях теории социальных сил, смещающая акценты с цифрового компонента на иные, особенно не проявленные при первичном анализе.

Таким образом, множественный корреляционно-регрессионный анализ выявил тенденцию на имеющийся потенциал онлайн институционализированного участия в трансформацию в офлайн участие. Однако, существенной проблемой является снижение участия с ростом возраста респондентов, что сужает временной диапазон для системного рекрутирования участников в институты гражданского общества. К 22-25 годам наблюдается снижение офлайн гражданского вовлечения, хотя возраст молодёжи в Казахстане определён с 14 до 35 лет. Соответственно, для вовлечения молодёжи разного возрастного диапазона институты гражданского общества должны применять различающиеся техники рекрутинга, но этого не происходит. Все эти тенденции характеризуют отсутствие системного видения институтами гражданского общества своей деятельности в долгосрочной перспективе, а также отсутствия систематической поддержки государства, которая не воспринималась бы через призму контроля и давления, но как медийная и финансовая платформа.

3.2 Качественный анализ влияния социальных медиа на деятельность молодёжных общественных организаций Казахстана

3.2.1 Анализ результатов глубинного интервью казахстанских экспертов на предмет места социальных медиа в развитии молодёжных общественных организаций

В процессе диссертационного исследования нами было проведено глубинное полуструктурированное экспертное интервью с десятью экспертами-политологами Казахстана. Персональные данные экспертов не обнародуются, поскольку не было получено на то их принципиального согласия. Интервью проводилось посредством личных встреч и переписки в мессенджерах в период января-апреля 2020 и 2025 годов.

Согласно мнению опрошенных экспертов, цели молодёжи в социальных медиа достаточно сильно варьируются (см. Рисунок 41). Развлечение не является доминирующим, что не совпадает с результатами авторского социологического опроса молодёжи (см. Рисунок 19). Общение расположилось на втором месте, по мнению экспертов, что совпадает с результатами опроса молодёжи РК. Эксперты упомянули параметр «самовыражение», сочтя его одним из основных. Нетворкинг не настолько востребован молодёжью, как и

потребление товаров и услуг. Относительно получения информации общественно-политического характера, эксперты настроены достаточно скептически, поскольку данный параметр не упоминался некоторыми опрошенными, а другие характеризовали его с достаточно высокой долей сомнения (см. Рисунок 41). Однако, опрос молодёжи показал, что она использует социальные медиа и с этой целью, хотя она не является наиболее приоритетной (см. Рисунок 19).

Эксперты, в целом, сдержанно оценили потенциал социальных медиа в воздействии на гражданское участие молодёжи, в частности, её вовлечение в деятельность молодёжных общественных объединений. Эксперты 1 и 4 утверждают, что, если информационный повод для участия резонансный (референдум, техногенная катастрофа, спортивное или развлекательное мероприятие), молодёжь вовлекается. Однако, чаще всего, это одноактное участие, не перерастающее в системное действие. Эксперты 3, 5 и 7 полагают, что воздействие социальных медиа сводится лишь к информированию молодёжи о происходящем, в том числе о мероприятиях, проводимых общественными объединениями, что не трансформируется в офлайн участие. Эксперты 6 и 9 упомянули проблему «кликтивизма», при которой онлайн активность молодёжи может быть весьма высокой, как и демонстрируемый интерес к офлайн вовлечению.

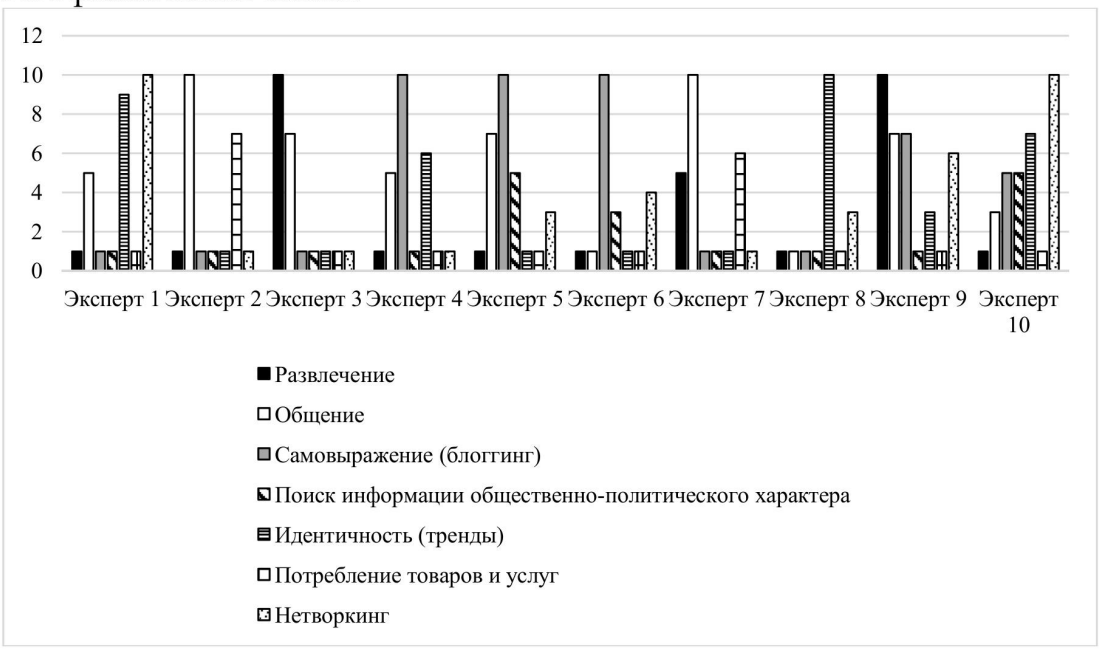


Рисунок 41 – Цели молодёжи в социальных медиа (мнение опрошенных экспертов). Источник: данные автора

Однако, реальная офлайн активность, при этом, остаётся крайне невысокой. Лишь эксперт 2 очень положительно отозвалась о воздействии социальных медиа на гражданское участие молодёжи, приведя пример молодого человека, который узнав о молодёжной общественной организации, увлёкся её деятельностью, после чего улучшилась его успеваемость в ВУЗе, он стал более коммуникабельным и менее конфликтным.

Эксперты весьма скептически оценили уровень участия молодёжи в деятельности молодёжных общественных объединений. В основном, они отметили пассивность молодёжи, её нежелание вникать в общественно-политические проблемы и прилагать усилия по их решению. В частности, эксперт 10 упомянул, что у молодёжи нет доверия к государственной власти и общественным организациям, что в сознании молодёжи является одним и тем же. Кроме того, молодёжь, участвуя, не видит существенных положительных изменений в общественно-политической повестке, поэтому участие несистемное. Эксперт 8 подчеркнул, что решающую роль играет предыдущий опыт участия. Если он негативный, молодой человек не будет продолжать вовлечение. Экспертом 4 была высказана интересная мысль: «активным быть не модно» (интервью, март 2025 год), что подразумевает отсутствие в молодёжной среде трендов на социально-политическую активность, ответственность, проявленность, как гражданина. Эксперт 9 полагает, что в Казахстане существует эффект «номинального гражданского сектора» (интервью, февраль 2025 год), при котором количество молодёжных общественных организаций очень велико (около 20 тысяч, по словам эксперта), однако реально эффективных лишь несколько десятков. Данный факт негативно влияет на гражданское участие молодёжи, так как общественные организации дублируют друг друга, не связаны друг с другом, нет эффекта «заражения» (очень быстрое распространение каких-либо идей или информации посредством передачи её по неформальным каналам) гражданским участием. Эксперты 3 и 6 считают, что молодёжь участвует в основном в деятельности неполитических общественных организаций, поскольку опасается политической сферы и стремится самоустраниться от любых острых тем или сфер активности.

Эксперты достаточно негативно оценили уровень использования молодёжными общественными организациями социальных медиа. Эксперт 2 оказалась единственной из опрошенных, кто заявил, что общественные объединения используют социальные медиа очень активно для рекламирования и промоутинга своей деятельности. Однако, их проблема, по словам эксперта, в том, что подавляющее большинство молодёжных общественных объединений не имеет стратегического планирования. Их деятельность не рассчитана на поколения, а лишь на несколько месяцев. Эксперт 4 утверждает, что GONGO очень активны в социальных медиа, что создаёт определённый дисбаланс по сравнению с другими молодёжными общественными организациями. Проблема в том, что молодёжь воспринимает GONGO как инструмент государственной пропаганды и давления, поэтому весьма неохотно на них подписывается онлайн и участвует офлайн. Эксперт 9 заметил, что политические молодёжные общественные организации мало представлены в социальных медиа, в отличие от волонтёрских. Эксперт 8 полагает, что молодёжные общественные организации Казахстана в целом не функционируют как инструмент давления «снизу» на государственную власть и не оказывают существенного влияния на процесс принятия политических решений. Поэтому в социальных медиа

представлены преимущественно небольшие организации неполитического характера деятельности.

Таким образом, опрошенные эксперты скорее согласились с предположениями теории социальных сил, нежели с технологическим детерминизмом. По их мнению, социально-политическая среда, воспитание в семье, окружение в университете, как виртуальные, так и реальные друзья и их ценности оказывают решающее влияние на гражданское участие молодёжи. С одной стороны, молодёжь не испытывает доверия к государству, власти и общественным организациям, не разграничивая гражданское общество и государство. С другой стороны, сами молодёжные объединения работают в преимущественно неполитической сфере, поскольку не являются акторами активного воздействия на политический процесс и предпочитают ограничиваться неполитическими сферами. Мобилизационный потенциал социальных медиа может быть достаточно высоким лишь в случае резонансных событий или мероприятий, однако, при необходимости упрочить систематическое вовлечение молодёжи, их эффект невысок. Наряду с избеганием вовлечения в политическую сферу молодёжными общественными организациями, существует проблема отсутствия у них стратегического системного подхода по мобилизации участников и промоутингу своей деятельности как онлайн, так и офлайн. Также весьма значимой является проблема фрагментированности молодёжных общественных объединений, их разобщённости и нежелания формировать сетевой характер работы.

Таким образом, гражданское участие молодёжи Казахстана и место в нём социальных медиа можно охарактеризовать термином «кликтивизм» - онлайн вовлечение может быть велико, однако офлайн вовлечение крайне низко.

3.2.2 Анализ результатов глубинного интервью с представителями молодёжных общественных организаций Казахстана

В ходе исследования нами было проведено глубинное полуструктурированное интервью с председателем *Лиги Волонтёров* Айсулу Ерниязовой, председателем *Жас Отан* Мади Ахметовым и президентом *AIESEC* в Алматы Тамиром Садвакасовым. Интервью, состоящее из шести вопросов, проводилось в ноябре-декабре 2020 года посредством мессенджеров What’s App и Telegram.

Первый вопрос предлагает оценить готовность молодёжи Казахстана к гражданскому вовлечению в деятельность общественных организаций. По мнению Айсулу Ерниязовой, на момент интервью заинтересованность молодёжи в гражданском участии увеличивается. Например, в 2015 году оно было меньших масштабов и достаточно далеко от политических проблем. Сейчас молодёжь всё больше проявляет заинтересованность в политике, общественных делах и гражданском вовлечении. В частности, спортивные события типа «Азиады-2011» и «Универсиады-2017» стимулируют интерес к волонтёрству. Мади Ахметов полагает, что, в целом, готовность молодёжи к

участию в деятельности общественных объединений невысока. Подтолкнуть к волонтёрской активности способны различные события, причём не только положительного характера. Например, взрывы боеприпасов в Арыси в 2019 году или наводнение в Мактааральском районе в 2020 году побудили многих молодых людей помогать пострадавшим безвозмездно. Сейчас общественные организации сталкиваются с определёнными сложностями, несмотря на то, что их количество достаточно велико. В частности, они сфокусированы на реализацию социального государственного заказа, поскольку это даёт им финансирование. Однако, в этом случае общественные ассоциации ограничены рамками проекта, вынуждены нанимать специалистов вместо волонтёров и развивать иерархические отношения в организации вместо горизонтальных. Кроме того, молодёжь в значительной степени ориентирована на материальный аспект деятельности. Молодые люди имеют возможность работать и зарабатывать деньги, поэтому неохотно участвуют в неоплачиваемой деятельности, зачастую не имея на неё свободного времени. Тамир Садвакасов предполагает, что по десятибалльной шкале готовность молодёжи к участию можно оценить в 6-7 баллов. Причина в том, что молодёжь не готова работать на безвозмездной основе на благо общества. Потенциальные участники часто задают вопрос: «Почему я должен тратить 15-20 часов в неделю на работу, которая не приносит мне дохода?». Количество заявок на участие в *AIESEC* ежегодно составляет 300-400 в год. Это очень мало для организации.

Второй вопрос фокусируется на влиянии социальных медиа на гражданское участие молодёжи. Айсулу Ерниязова полагает, что социальные медиа один из основных каналов коммуникации с молодёжью. С их помощью молодые люди видят, что существует интересная деятельность, помимо учёбы и работы. Мади Ахметов уверен в положительном влиянии социальных медиа на реальное гражданское участие. Проблема в том, что общественные объединения не способны донести до молодёжи информацию о своей деятельности в интересной для неё форме. Тамир Садвакасов считает, что особенность социальных медиа в том, что в ленте новостей информация постоянно обновляется и пользователю трудно зафиксировать что-либо определённое. Далеко не каждый пользователь будет прицельно следить за событиями конкретного паблика, особенно среди молодёжи. Хотя, для людей действительно заинтересованных, социальные медиа способны стать дополнительным стимулирующим фактором.

Третий вопрос имеет целью выяснить, сколько новых членов организациям удалось рекрутировать при помощи социальных медиа. Айсулу Ерниязова признала, что статистики такого рода в *Лиге Волонтёров* не ведётся. Однако, в 2019 году организация проводила масштабную кампанию по рекрутированию. Удалось привлечь около 3000 новых членов. До этого самое большое количество участников было в Алматы – 5000 человек, хотя, активистов всё же меньше. Социальные медиа весьма полезны в рекрутировании для этой общественной организации. Мади Ахметов утверждает, что *Жас Отан* ведёт подобную статистику. В 2019 году

организации удалось привлечь 1500 новых участников при помощи как социальных медиа, так и офлайн мероприятий. Безусловно, социальные медиа не способны полностью заменить «живые» встречи, однако, без их помощи привлечь и заинтересовать молодёжь и вовсе невозможно в современном мире. Тамир Садвакасов подчеркнул, что, хотя, точных данных в организации нет, в год приходит около 100 новых членов. Основной процент вновь прибывших именно из тех, кто узнал об организации в социальных медиа или посредством участия в проектах.

Четвёртый вопрос предлагает интервьюируемым расставить следующие каналы информации по приоритетности в смысле эффективности при рекламе и рекрутировании: 1) социальные медиа; 2) филиалы организации при университетах и колледжах; 3) интернет и телевидение; 4) «сарафанное радио»; 5) иной канал. Айсулу Ерниязова расположила предложенные способы коммуникации следующим образом: на первом месте для *Лиги Волонтёров* находятся филиалы при ВУЗах и колледжах, а также офисы в городах республики, поскольку они создают возможность прямого общения офлайн; на втором месте расположились социальные медиа и «сарафанное радио». Здесь работает принцип «друзья приводят друзей». В организации существует геймифицированная система продвижения членов – чтобы набрать баллы и подняться на следующую ступень, он должен создать свою команду. Затем они должны размещать в своих аккаунтах и в пабликах *Лиги Волонтёров* посты о сделанных добрых делах в интерактивной форме. На третьем месте – освещение в СМИ, в интернете и по телевидению. Мади Ахметов полагает, что социальные медиа всё же эффективнее для *Жас Отан*, чем другие каналы. Организация, по его словам, больше других использует Instagram, так как обратная связь там лучше, чем на других платформах. С 2019 года *Жас Отан* экспериментирует с TikTok. Результат положительный, поэтому организация собирается использовать эту платформу и дальше. Безусловно, телевидение и интернет тоже задействуются для рекрутирования, но они более эффективны для старшего поколения, чем для молодёжи. По словам Тамира Садвакасова, основными каналами рекрутирования *AIESEC* являются социальные медиа, а именно Instagram. На втором месте – проекты, организовываемые ассоциацией, обеспечивающие живое общение членов и потенциальных участников и погружение последних в процесс. На третьем месте – сарафанное радио – около 5-8% новых участников пришло по рекомендации друзей, уже принимавших участие раньше.

Пятый вопрос интервью рассматривает основные мотивационные факторы, способные стимулировать молодёжь к гражданскому участию. *Лига Волонтёров* использует следующие способы мотивации: 1) сертификат участника или благодарственное письмо, что может послужить бонусом при поступлении на работу или учёбу, в том числе за рубежом; 2) потенциальный участник может испытывать симпатию к лидеру организации или к кому-либо из членов; 3) посты участников показывают всем, как интересна волонтёрская деятельность, что вполне способно побудить к участию. *Жас Отан* также

использует различные проекты для мотивации. Например, выделяются образовательные гранты для участников из социально уязвимых групп на обучение в ВУЗах Алматы. Кроме того, желание оказывать безвозмездную помощь людям в команде единомышленников может служить весьма действенной неформальной мотивировкой. *AIESEC* предлагает участие в проектах, позволяющих развить те навыки, которые едва ли можно получить в университете, а также предоставляет участникам возможности для саморазвития. Члены могут внести пункт об участии в резюме, что может быть положительно оценено работодателем. Организация даёт возможность работы в команде единомышленников, которая помогает развивать творческий и лидерский потенциал новичков.

При ответе на шестой вопрос интервьюируемым предлагается оценить популярность их организации среди молодёжи. По словам Айсулу Ерниязовой, *Лига Волонтёров* хорошо известна той части молодёжи, которая занимается волонтёрством. В этой связи основная задача организации – привлечь и информировать тех, кто не практикует такой род деятельности. В процессе вовлечения *Лига Волонтёров* старается заинтересовать молодых людей из разных социальных, возрастных, языковых, религиозных групп, исповедующих разные ценности для того, чтобы сделать общение молодёжи небанальным, а обмен опытом – эффективным. По мнению Мади Ахметова, *Жас Отан* – это единственная общественная организация в Казахстане, которая имеет офисы во всех регионах страны и работает на регулярной основе уже в течение двадцати лет. Организация предоставляет активным участникам возможности карьерного роста и социальные лифты. Будучи членом ассоциации, молодой человек практикует и развивает коммуникационные навыки, лидерские качества, аналитические и ораторские способности. Эта организация хорошо известна в Казахстане. Представитель *AIESEC* полагает, что данная организация достаточно популярна среди молодёжи, так как в проектах, проводимых ею, ежегодно участвует около 1000 человек. В социальных медиа более 7000 подписчиков. Это говорит о том, что у молодёжи есть интерес к организации и тому роду деятельности, которым она занимается.

Выводы по итогам глубинного интервью:

1) В целом, заинтересованность молодёжи в гражданском участии невысока. Причин тому может быть несколько: сфокусированность молодёжи на материальных аспектах; низкий уровень гражданской политической культуры молодёжи; недостаточная эффективность работы общественных объединений при довольно большом их количестве.

2) Социальные медиа являются весьма значимым каналом рекрутирования. Однако, при всех их положительных чертах, они не способны полностью заменить традиционный офлайн формат общения. С другой стороны, полностью игнорировать социальные медиа при выстраивании коммуникации с молодёжью нельзя. Следовательно, для людей, заинтересованных в участии, социальные медиа способны стать стимулирующим фактором.

3) Количество привлечённых новичков варьируется в зависимости от кампаний по рекрутированию, проводимых организациями, а также от степени популярности ассоциаций.

4) По эффективности для рекрутирования и коммуникации с молодёжью социальные медиа делят первое место с офлайн способами, такими как мероприятия, проводимые организацией и «сарафанное радио».

5) В основном, мотивирующими факторами для молодёжи служат те преимущества, которые участник получит по итогу деятельности в виде сертификатов, грантов на обучение или записи в резюме. Также желание заниматься интересным и необычным делом в свободное время в группе единомышленников.

6) Рассмотренные организации достаточно популярны среди молодёжи, вовлечённой в волонтёрскую гражданскую активность. Основная сложность для молодёжных общественных объединений состоит в том, чтобы заинтересовать тех, кто не участвует или не знает о них.

Общие выводы по главе 3:

1) Цифровая неинституционализированная вовлеченность молодёжи в социальные медиа высока. Молодёжь, в основном, использует социальные медиа для развлечения, хотя в последнее время (2025 год) наблюдается рост тенденций цифрового детокса и отказа молодёжи от чрезмерного потребления цифрового контента.

2) Институционализированное знание молодёжи о институтах гражданского общества (молодёжных общественных организациях) практически отсутствует в 2025 году, распыляясь на сферы деятельности, но не на институты, как и институционализированная подписанность на публичные аккаунты молодёжных общественных объединений в социальных медиа. Кроме того, негативным фактором является то, что в 2025 году молодёжь охотнее подписывалась на публичные онлайн аккаунты иностранных общественных организаций (*AIESEC, ESN*), что снижает влияние отечественных институтов гражданского общества. Сравнение иностранных и отечественных молодёжных общественных организаций часто оказывается не в пользу последних, так как они выглядят скучными, неинтересными и игнорирующими интересы и озабоченности молодёжи.

3) Согласно результатам регрессионного анализа, институционализированное цифровое участие и возраст респондентов являются ключевыми переменными, оказывающими влияние на офлайн гражданское вовлечение. При этом, в 2025 году проявилась значимость иных факторов, не учтённых моделями анализа, поскольку их R^2 невысокий. Это может говорить о росте тревожности и недоверия к политической сфере, связанной как с последствиями событий внутри страны (Январские события 2022 года), так и с ростом напряжённости на международной арене (война России и Украины 2022 года, мало предсказуемая политика Д. Трампа). Политические реформы, начатые в Казахстане в 2022 и 2023 годах, не оказали существенного

положительного воздействия на гражданскую активность молодёжи и на эффективность институтов гражданского общества.

4) Эксперты выявили такую особенность гражданского вовлечения молодёжи как кликтивизм, что подтверждается результатами авторских социологических исследований. Негативной тенденцией является отсутствие «моды на участие», при которой на уровне государства, институтов образования, семьи и гражданского общества проводится системная работа по стимулировании молодых людей к вовлечению. Эксперты приводили примеры авторитарного Китая и относительно демократической Южной Кореи, где такая «мода» существует и прививается с детства. Этому уделяется большое внимание государства через онлайн и офлайн агитацию, привлечение селебрити или лидеров молодёжного общественного мнения (групп K-pop в случае Кореи), формирование у молодёжи положительного опыта участия. Казахстанская же молодёжь скорее воспринимает гражданское участие как ещё один вариант развлечения и не стремится прилагать усилия для его развития. В свою очередь, государство и институты гражданского общества используют неэффективные кампании по мобилизации, не учитывающие образ мышления молодёжи, её интересы и не применяют методики, которые могли бы трансформировать развлечение в систематическое гражданское участие.

5) Выявлен ценностно-содержательный разрыв между институтами гражданского общества, молодёжью и государством. Первые не способны предоставить качественные возможности для участия на системной основе, а последнее не воспринимает молодёжь как субъекта общественно-политических отношений и выстраивает соответствующим образом кампании по мобилизации или пропаганде ценностей гражданского участия. В результате у молодёжи отсутствует системное доверие как к институтам гражданского общества, так и к государству, что порождает аполитичность, усталость и систематическое избегание гражданского участия. Конституция РК 2026 года объявляет НПО субъектом политики, а не объектом, как было ранее. Возможно, данный факт, подкреплённый систематической политикой, окажет положительное влияние, однако, эта тема для будущих исследований.

6) Что касается функции институтов гражданского общества как площадки для рекрутирования новых членов в политическую элиту, в Казахстане отсутствует какая-либо статистическая база по этому направлению. Из опрошенных нами представителей молодёжных общественных организаций, Мади Ахметов (в 2017-2020 годах – председатель Алматинского филиала «Жас Отан» [195]), в 2021 году был избран депутатом Мажилиса Парламента РК VII созыва, в 2023 году назначен руководителем управления по вопросам молодёжной политики Алматинской области [196]. Айсулу Ерниязова (в 2019-2020 годах – председатель «Лиги Волонтёров»), в 2022-2024 годах являлась студенческим омбудсменом, а также вошла в состав Национального Курултая; с февраля 2025 года назначена руководителем управления по вопросам молодёжной политики Карагандинской области [196]. Таким образом, наблюдается следующая тенденция: с одной стороны, институты гражданского

общества в Казахстане способны выступать как площадки для рекрутирования в члены политической элиты и государственного управления, однако, это достаточно сложно увидеть – статистика практически отсутствует, данные несистематизированы, есть положительные примеры (М. Ахметов, А. Ерниязова). С другой стороны, государство предпринимает усилия по рекрутингу через увеличение возраста молодёжи с 29 до 35 лет в 2023 году, что позволяет молодёжным активистам легче преодолевать возрастной ценз и иные барьеры в органы власти, особенно в местные Маслихаты [197]. Кроме того, в 2020 году законодательно закреплена квота в 30% для женщин и молодёжи в избирательных списках партий [198]. При этом роста гражданского участия молодёжи не зафиксировано (результаты авторского социологического опроса), а также молодёжь не проявляет системного и массового желания участвовать в деятельности политических молодёжных общественных объединений (результаты авторского социологического опроса и глубинного интервью с экспертами). Соответственно, можно сделать вывод о том, что государству и институтам гражданского общества необходимо сделать политическую сферу гражданского активизма привлекательной для молодёжи и продолжать политику квотирования, возможно, увеличить возраст молодёжи до 40 лет. Достаточно существенной проблемой, как представляется, является преодоление недоверия молодёжи к GONGO и государственным инициативам в сфере стимулирования гражданского участия, уменьшение кликтивизма, распространённого в молодёжной среде. Для этого, вероятно, необходимо расширять взаимодействие с молодёжью по горизонтальному принципу, отказавшиьс от образа патрона, диктующего принципы, правила и нормы.

Результаты проведённого диссертационного исследования показывают, что для анализа развития институтов гражданского общества в Казахстане в наибольшей степени адекватной является точка зрения теории социальных сил. С одной стороны, эмпирические данные убедительно опровергают ключевое допущение технологического детерминизма о прямой и автоматической трансформации цифровой активности в офлайн-гражданское участие. Практически полная вовлечённость молодёжи в социальные медиа, высокая частота их использования и расширение функциональных целей не приводят к сопоставимому росту участия в деятельности молодёжных общественных объединений. Это свидетельствует о том, что цифровые технологии сами по себе не являются автономным драйвером развития институтов гражданского общества и не способны компенсировать дефицит гражданской культуры, мотивации и институционального доверия.

С другой стороны, исследование не подтверждает и радикальный вариант теории социальных сил, согласно которому социальные медиа играют лишь второстепенную, маргинальную роль. Регрессионный и корреляционный анализы демонстрируют устойчивую и воспроизводимую значимость институционализированного цифрового участия. Во всех статистически значимых моделях именно этот фактор выступает ключевым предиктором реального гражданского участия, что указывает на мобилизационный

потенциал социальных медиа при наличии организационной структуры и содержательного контента.

Таким образом, социальные медиа в казахстанском контексте выступают условно-мобилизующим фактором: они усиливают гражданскую активность не самостоятельно, а лишь тогда, когда встроены в институциональные практики общественных организаций, подкреплены офлайн-деятельностью, устойчивыми горизонтальными связями и позитивным коллективным опытом участия. В условиях слабой укоренённости гражданской культуры и доминирования сильных офлайн-сетей (друзья, университетская среда) цифровые инструменты выполняют преимущественно вспомогательную, а не структурообразующую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам диссертационного исследования, автор пришёл к следующим выводам:

1) Теоретико-методологический анализ концепции «гражданское общество», проведённый в данном диссертационном исследовании, показал, что гражданское общество и его институты являются динамическим явлением, зависящим от историко-культурного, социо-экономического и политико-правового контекста. Исследование выявило невозможность использования универсальной модели концептуализации терминов «гражданское общество» и «институты гражданского общества», в связи с чем автором были разработаны оригинальные дефиниции данных терминов.

2) Значение общественных организаций как институтов гражданского общества Казахстана заключается в формировании коллективной идентичности участников, что в дальнейшем способно перерасти в действенную, самовоспроизводящуюся гражданскую культуру и придать гражданской активности системный характер.

3) Выраженной проблемой институтов гражданского общества в РК является их большое формальное количество при общем низком уровне эффективности. Значительная их часть функционирует в неполитической сфере, что может говорить о стратегиях выживания и избегания вовлечения в политическую сферу, которые институты гражданского общества избирают в качестве рабочей. Это, однако, является серьёзным препятствием к функционированию гражданского общества как субъекта общественного контроля. Кроме того, институты гражданского общества находятся под серьёзным давлением со стороны государства, как в сфере финансирования, так и в сфере лояльности. Несмотря на то, что после 2022 года государство пытается улучшить возможности для институтов гражданского общества через расширение финансирования (гранты), либерализацию регистрационных процедур, на данный момент, тенденция невысокой эффективности институтов гражданского общества как инструмента общественного контроля, инструмента рекрутинга в члены политической элиты и органов государственного управления, платформы для воспитания гражданской культуры участия сохраняется.

4) Казахстан является весьма диджитализированным государством с высоким охватом населения информационными технологиями. Молодёжь страны очень активно вовлечена в онлайн практики, хотя в последнее время (после 2025 года) намечается тенденция «цифровой усталости», при которой молодёжь игнорирует онлайн активность (в том числе негражданскую) и переключается на офлайн. Исследование выявило проблему неосведомлённости молодёжи об отечественном мессенджере Aitu. В основном, используются иностранные платформы – Instagram и What’s App (продукты компании Meta), Tiktok и Telegram. Данный факт, безусловно, негативно влияет на цифровой суверенитет РК, так как иностранные платформы неподотчётны казахстанской юрисдикции и могут поставить под

угрозу информационную и кибербезопасность пользователей и государства, а также гипотетически могут служить каналом распространения чужеродных ценностных установок. В условиях незрелой гражданской политической культуры и дисфункционального гражданского общества, особенно политических институтов гражданского общества, это потенциально может привести к внутренней нестабильности, росту протестных настроений и усилению авторитарных политических решений по контролю контента и трафика социальных медиа.

5) Гражданское участие молодёжи в деятельности молодёжных общественных организаций можно охарактеризовать термином «кликтивизм», при которым онлайн гражданское вовлечение велико, однако, трансформации в офлайн систематическое и осознанное гражданское участие у молодёжи РК не происходит. Осведомлённость молодёжи о молодёжных общественных объединениях не влияет на её офлайн гражданское вовлечение, что выглядит парадоксально, однако, может быть объяснено высокой ролью иных факторов как социо-демографического характера (отрицательная зависимость между офлайн вовлечением и возрастом), так и недиджитальной природы (низкое доверие к институтам гражданского общества, негативный опыт предыдущего участия, безынициативность и пассивность молодёжных общественных организаций, чья деятельность сильно персонифицирована: если лидер организации активен, она функционирует на высоком уровне, - показателен пример *Лиги Волонтёров,* большая значимость ценностей выживания (материалистических) над ценностями самовыражения (постматериалистических) в терминологии Inglehart-Welzel. Результаты авторского опроса 2025 года весьма выраженно демонстрируют слабо развитую институциональность молодёжных общественных организаций, так как молодёжь достаточно активна в волонтёрской деятельности, однако, реализует её вне институтов гражданского общества. Кроме того, серьёзной проблемой является известность и востребованность среди молодёжи иностранных молодёжных общественных организаций (*AIESEC*), либо движений (*ESN*), которые создают привлекательные возможности для нетворкинга. Отечественные институты гражданского общества зачастую характеризуются молодёжью как «скучные». Это подводит нас к подобной проблеме, которую мы описали в связи с доминированием иностранных социальных медиа. Зарубежные молодёжные общественные объединения, будучи гораздо привлекательнее для молодёжи, потенциально могут использовать её мобилизационный потенциал в целях, противоречащих существующей политике РК. Безусловно, работа иностранных молодёжных общественных организаций может стимулировать положительные изменения в молодёжном политическом сознании и гражданской культуре, однако, риски игнорировать невозможно. Необходимо отметить, что государство предпринимает усилия по преодолению данных тенденций, однако, временной период на данный

момент слишком мал (2022-2025 год), чтобы оценить долгосрочный эффект этих усилий.

На основании проведённого диссертационного исследования были подтверждены следующие гипотезы:

1) предполагается, что уровень вовлечения молодёжи современного Казахстана в социальные медиа сохраняет стабильно высокий показатель вне зависимости от внешних факторов (пандемия, январские события 2022 года). Востребованность российских онлайн-платформ снизилась после российско-украинского конфликта 2022 года. Это свидетельствует о структурной укоренённости цифровых практик в повседневной жизни молодёжи и их относительной автономности от краткосрочных политико-социальных кризисов. Вместе с тем выявлено снижение востребованности российских онлайн-платформ после начала российско-украинского конфликта 2022 года, что указывает на чувствительность цифровых предпочтений молодёжи к геополитическим изменениям и информационной конъюнктуре.

3) предполагается, что молодёжные общественные объединения интенсивно применяют социальные медиа для вовлечения молодёжи в офлайн гражданскую активность. Это позволяет говорить о высокой степени институционализации цифровых каналов коммуникации в деятельности данных организаций.

Следующие гипотезы были опровергнуты:

2) предполагается, что уровень офлайн гражданского участия молодёжи в деятельности молодёжных общественных объединений повысился после 2020 года (пандемия COVID-19) и 2022 года (после январских событий в Казахстане). Напротив, полученные данные указывают на отсутствие значимого увеличения офлайн-активности, что может свидетельствовать о сохраняющихся барьерах институционального, психологического и организационного характера, препятствующих переходу от цифровой активности к непосредственному участию.

4) предполагается, что онлайн гражданское участие молодёжи Казахстана успешно трансформируется в офлайн гражданское вовлечение в рамках молодёжных общественных ассоциаций. Данный разрыв может быть обусловлен ограниченными возможностями организаций по удержанию и перенаправлению цифровой аудитории в устойчивые формы офлайн-вовлечённости.

В совокупности результаты диссертационного исследования демонстрируют, что устойчивое гражданское участие способно сформироваться на стыке институциональной среды, коллективной идентичности и гибридных (онлайн-офлайн) практик, но не за счёт физического наличия информационных технологий как таковых, что подтверждает релевантность теории социальных сил.

Исследование выявило следующие проблемы институтов гражданского общества в современном Казахстане:

1) фрагментарность, большое количество молодёжных общественных организаций, которые существенно не воздействуют на трансформацию институтов гражданского общества в систему взаимодополняющих друг друга ассоциаций;

2) зависимость от государственного финансирования. Это может создать ситуацию, при которой институты гражданского общества избегают критики государства, что способствует снижению функции общественного контроля, работают в рамках «безопасной» повестки и трансформируются в «сервисные» институты гражданского общества, которые служат скорее формальным признаком демократии, нежели фактически самостоятельным актором политики;

3) персонифицированность и слабая институционализированность институтов гражданского общества, при которой в случае личной заинтересованности и активности лидера, общественная организация функционирует эффективно. В случае отсутствия личного интереса, эффективность падает;

4) неспособность эффективно вовлекать молодёжь на системной основе и трансформировать кликтивизм в регулярное гражданское вовлечение;

5) ограниченное политическое влияние, так как зачастую общественные советы имеют ограниченные полномочия, обсуждения носят формальный характер и широко не освещаются в социальных медиа;

6) низкий уровень гражданского участия молодёжи, связанный с недоверием к институтам гражданского общества, аполитичностью, «усталостью» как от онлайн активности, так и от плотности офлайн политических событий в мире и Казахстане после 2022 года. Это создаёт необычный парадокс: государство активизируется на треке увеличения гражданской активности молодёжи, её более интенсивного вовлечения в политику и институты гражданского общества, а молодёжь реагирует тем, что устраняется от институциональной активности как онлайн, так и офлайн. Положительным промежуточным результатом является государственная инициатива квотирования и увеличения возрастного лимита для молодёжи, однако, долгосрочный эффект ещё предстоит оценить.

Полнота решения поставленных задач. По итогам исследования выполнены следующие задачи:

1) изучена теоретическая база гражданского общества в мировой и отечественной литературе;

2) рассмотрено развитие социальных медиа и мессенджеров в постсоветском суверенном Казахстане;

3) проведено оригинальное социологическое исследование молодёжи Казахстана на предмет активности в социальных медиа и в деятельности молодёжных общественных объединений Казахстана;

4) проведено интервью с экспертами в области общественных организаций и социальных медиа;

5) проведён множественный корреляционно-регрессионный анализ с целью математической верификации теоретических концепций, касающихся места социальных медиа в развитии гражданского общества;

6) сделаны выводы относительно эффективности социальных медиа как инструмента стимулирования активности молодёжных общественных организаций;

7) разработаны рекомендации для молодёжных общественных организаций, профильных министерств и комитетов, направленные на улучшение ситуации.

По результатам исследования все поставленные задачи выполнены в полном объёме.

Рекомендации и исходные данные по практическому использованию результатов.

Для институтов гражданского общества:

1) обновлять информацию регулярно, использовать интерактивные возможности платформы Web 2.0 – видео, музыку и другое;

2) проработать темы публикуемых сообщений, сделать их более интересными для молодёжной аудитории, используя определённый лексикон, креативную подачу материала;

3) интегрировать онлайн-коммуникацию с регулярными офлайн-практиками;

4) работать на системной основе, отказаться от персонификации, перейдя на институциональную основу при рекрутинге новых членов;

5) активизировать работу по продвижению активистов институтов гражданского общества в число членов политической элиты.

Для государственных и квазигосударственных институтов:

1) пересмотреть регуляторные барьеры, ограничивающие деятельность малых и локальных инициатив;

2) поддерживать гибридные форматы гражданского участия, а не исключительно формализованные структуры;

3) стимулировать интерес бизнес-структур к деятельности гражданского общества в Казахстане;

4) активнее привлекать институты гражданского общества для решения локальных проблем по подобию волонтёрских организаций, которые активно проявили себя в период чрезвычайного положения и карантина в Казахстане, оказывая помощь медикам и самоизолированным гражданам;

5) трансформировать кампании по развитию молодёжного гражданского вовлечения в интерактивный формат, который молодёжь найдёт привлекательным.

Для образовательной политики:

1) использовать институты гражданского общества как партнёров в формировании практико-ориентированной гражданской культуры молодёжи;

2) проводить просветительскую работу среди молодых людей по проблематике гражданского общества, поскольку наблюдается некоторая путаница в понимании молодыми людьми институтов гражданского общества, их целей, функций и роли в общественно-политической жизни граждан;

3) развивать программы, усиливающие нематериальную мотивацию участия;

4) увеличить количество часов по дисциплинам «Политология» и «Социология» для студентов ВУЗов, а также по предметам типа «Человек и общество» для школьников средней и старшей школы.

Для дальнейших исследований:

1) изучить иные факторы, не учтённые в моделях множественного корреляционно-регрессионного анализа в данном исследовании;

2) используя метод включённого наблюдения исследовать деятельность молодёжных общественных объединений, выявить проблемные точки, связанные с невысокой эффективностью;

3) провести компаративное исследование и сравнить состояние и развитие институтов гражданского общества и роли социальных медиа в гражданском участии молодёжи в странах Центральной Азии.

Оценка научного уровня выполненной работы в сравнении с лучшими достижениями в данной области

Диссертационная работа выполнена на высоком теоретическом и методологическом уровне, соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям PhD в области политической науки. По уровню теоретической рефлексии, корректности операционализации понятий и качеству эмпирического анализа данное диссертационное исследование сопоставимо с лучшими современными работами, опирающимися на неоинституционализм, теорию гражданской культуры и критические подходы к цифровым медиа (Bennett, Papacharissi, Putnam, Habermas).

Особую научную ценность представляет синтез теории неоинституционализма с эмпирическим анализом цифровых практик, что позволяет преодолеть упрощённую дихотомию «технологический детерминизм – теория социальных сил» и внести самостоятельный вклад в развитие исследований гражданского общества в постсоветских государствах бывшего СССР.

Выполненная работа находится на уровне высших достижений в данной области. Работа может стать хорошей базой для дополнительных эмпирических исследований, касающихся влияния внутренних и внешних факторов на институты гражданского общества, как-то: гражданская культура, гражданская и институциональная идентичность, гражданское сознание, ценности, особенности политической системы. В дальнейшем работа может послужить основой для дополнительных исследований роли социальных медиа в развитии институтов гражданского общества в Казахстане.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию»: официальный текст выступления // Официальный сайт Президента Республики Казахстан “Ак Орда”. — URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145 (дата обращения: 4.01.2026). — дата публикации/выступления: 8 сентября 2025 г.

2 Закон Республики Казахстан «Об общественном контроле» от 2 октября 2023 года № 30-VIII ЗРК. Электронный ресурс: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000030 (дата обращения: 5.01.2026).

3 Квале С. Исследовательское интервью. – М: Смысл, 2003. – 301 с.

4 Hamilton W. H. The institutional approach to economic theory // American Economic Review. – 1919. – Vol. 9, No. 1. – P. 309–318.

5 Попова О. В. Теория и история политических институтов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2014. – 344 с.

6 March J. G., Olsen J. P. Rediscovering institutions: the organizational basis of politics. – London: Collier Macmillan Publishers, 1989. – 203 p.

7 Putnam R. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. – 258 p.

8 Marks M. P. Metaphors in international relations theory. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 274 p.

9 Della Porta D., Diani M. Social movements: an introduction. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 356 p.

10 Булуктаев Ю. О. Партийно-политическое строительство в Республике Казахстан (1991–2012 гг.). Кн. 1: Становление многопартийности. 1990-е гг. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. – 240 с.

11 Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Москва: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.

12 Кальной, И. Н. Лопушанский. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. — 492 с.

13 Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 3.

14 Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. – Москва: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 135 с.

15 Монтескьё Ш. Л. О духе законов. – Москва: Директ-Медиа, 2011. – 596 с.

16 Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 8 т. – Москва: Мысль, 1994. – Т. 7.

17 Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. – Москва: Союз, 1998. – 560 с.

18 Paul Chaney (2023). Exploring civil society perspectives on the situation of human rights defenders in the Commonwealth of Independent States, Central Asian Survey, 42:2, 293-318, DOI: 10.1080/02634937.2022.2113034.

19 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. – Москва: ЭКСМО, 2016. – 1056 с.

20 Edwards M. Civil society. – 2nd ed. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 165 p.

21 Гегель Г. Философия права. – Москва: Мысль, 1990. – 525 с.

22 Cohen J., Arato A. Civil society and political theory. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994. – 750 p.

23 Habermas J. The structural transformation of the public sphere. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – 301 p.

24 Федорова А. Е. Проблемы дефиниций – сложности в определении понятия «гражданское общество» // Актуальные теории, концепции, прикладной характер современных научных исследований: сб. науч. ст. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 84–87.

25 Simeon Nanovsky & Colin Knox (2025). Political stability in authoritarian regimes: the case of Central Asia, Central Asian Survey, 44:3, 346-369, DOI: 10.1080/02634937.2024.2402067

26 Мотрошилова Н. В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. – 2019. – № 7. – С.77-94.

27 Paar-Jakli, G., & Molina, A. D. (2024). Democracy, Authoritarianism, and Political Corruption: Elite Cartel Corruption in Hungary and Italy. Public Integrity, 26(5), 520–538. https://doi.org/10.1080/10999922.2023.2256091

28 Баяхчева С. Л. Идеология гражданского общества и опыт России: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Москва: PrintCopyCenter, 2006. – 163 с.

29 Галкин А. П. Гражданское общество в России: формы существования и основные виды деятельности // Публичное пространство, гражданское общество и власть. – Москва: РОССПЭН, 2008. – С. 45–78.

30 Kemel Toktomushev (2023) Civil society, social capital and development in Central Asia, Central Asian Survey, 42:4, 710-725, DOI: 10.1080/02634937.2023.2244528

31 Colin Knox & Dina Sharipova (2024). Authoritarianism and civil society in Central Asia: Shifting boundaries, Journal of Civil Society, 20:2, 109-129, DOI: 10.1080/17448689.2024.2324874

32 Rodriguez, S. M. (2025). Behind the trigger: democracy, neoliberalism, and civilian militarism in Latin America. Third World Quarterly, 46(1), 1–19. https://doi.org/10.1080/01436597.2024.2433698

33 Scholte J. A. Civil society and democracy in global governance // The global governance reader / ed. by R. Wilkinson. – London: Routledge, 2002. – 753 p.

34 Kamila Rollan & Michelle Somerton (2021). Inclusive education reform in Kazakhstan: civil society activism from the bottom-up, International Journal of Inclusive Education, 25:10, 1109-1124, DOI: 10.1080/13603116.2019.1599451

35 Волков Д. Перспективы гражданского общества в России // Общая тетрадь. – 2011. – № 2 (55). – С. 66–77.

36 Матюхин А. Гражданское общество в Казахстане // Мысль. – 1993. – № 12. – С. 150–156.

37 Дюсенова М. М. Проблемы формирования гражданского общества в Республике Казахстан // Вестник АГУ. – 2009. – № 1. – С. 77–83.

38 Ибраева А. С. Идея правового государства как новая парадигма цивилизованного общества // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. – 2000. – № 2. – С. 148–156.

39 Баймаханов М. Т. Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан. – Алматы: КазГЮА, 2001. – 286 с.

40 Баймаханов М. Т. Проблема этатизма. – Алматы: Данекер, 2001. – 335 с.

41 Ценности и идеалы независимого Казахстана: коллективная монография / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – 322 с.

42 Bizhanov A., Amrebaev A., Burova E., Seitakhmetova N. The politics of secularity/religiosity in Kazakhstan // Central Asia and the Caucasus. – 2019. – Vol. 20, No. 4. – P. 135–146.

43 Bakhytzhan Kurmanov, Urazgali Selteyev & Anuar Almaganbetov (2024). 'Listening State?': exploring citizens' perceptions of Open Government in Tokayev's Kazakhstan, Central Asian Survey, 43:2, 235-256, DOI: 10.1080/02634937.2023.2268652

44 Зайниева Л.Ю, Калетаев Д.А., Шойкин Г.Н. Молодежь Казахстана в условиях демократизации общественных и экономических отношений. – Астана: Елорда, 2004. – 272 с.

45 Rakisheva, G., Lepeshev, D., Zakhlebayeva, V., Abibulayeva, A., & Alkhatova, T. (2024). Youth Work in the Republic of Kazakhstan: State and Prospects of Development. Child & Youth Services, 1–21. https://doi.org/10.1080/0145935X.2024.2427918

46 Электоральная демократия: международный опыт и президентские выборы в Казахстане: материалы междунар. конф. (Алматы, 10 марта 2011 г.). – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. – 64 с.

47 Бижанов А. Х. Республика Казахстан: демократическая модернизация общества переходного периода. – Алматы: Өнер, 1997. – 253 с.

48 Булуктаев Ю. О. Политический режим и посткоммунистическая трансформация: теория, методология, практика. – Алматы: ИМЭП, 2008. – 384 с.

49 Булуктаев Ю. О. Партийно-политическое строительство в Республике Казахстан (1991–2012 гг.). Кн. 1: Становление многопартийности. 1990-е гг. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. – 240 с.

50 Федорова А. Е. Понятие «гражданин» в гражданском обществе // Журнал социогуманитарных исследований «Аль-Фараби». – 2018. – № 1 (61). – С. 112–128.

51 Fjodorova A. Critical analysis of theoretical perspectives on civil society // Журнал социогуманитарных исследований «Аль-Фараби». – 2019. – № 3 (67). – P. 106–121.

52 Федорова А. Е. Дефиниции гражданского общества в посткоммунистических и либерально-демократических государствах: общее и особенное (на примере Казахстана) // Журнал социогуманитарных исследований «Аль-Фараби». – 2020. – № 2 (70). – С. 123–133.

53 Scott W. R. Organizations: rational, natural and open systems. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1981. – 381 pp.

54 Hasmath, R., Hildebrandt, T., & Hsu, J. Y. J. (2019). Conceptualizing government-organized non-governmental organizations. Journal of Civil Society, 15(3), 267–284. https://doi.org/10.1080/17448689.2019.1632549

55 Willis, C., & Stoecker, R. (2013). Grassroots organizations and leadership education. Community Development, 44(4), 441–455. https://doi.org/10.1080/15575330.2013.810295

56 North D. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 164p.

57 Rootes Ch. Shaping collective action: structure, contingency and knowledge // The political context of collective action / ed. by R. Edmonson. – London; New York: Routledge, 1997. – 24 p.

58 Clemens E. S. Organizational form as frame: collective identity and political strategy in the American labor movement // Comparative perspectives on social movements / ed. by D. McAdam, J. McCarthy, M. N. Zald. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1996. – P. 205–225.

59 Gamson W. The strategy of social protest. – 2nd ed. – Belmont, CA: Wadsworth, 1990. – 185 p.

60 Burstein P., Rachel L., Hollander J. A. The success of political movements: a bargaining perspective // The politics of social protest / ed. by J. C. Jenkins, B. Klandermans. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. – P. 275–295.

61 Cress D. M., Snow D. A. The outcomes of homeless mobilization: the influence of organization, disruption, political mediation, and framing // American Journal of Sociology. – 2000. – Vol. 105. – P. 1065–1104.

62 Anheier H. K., Salamon L. M. The nonprofit sector in comparative perspective // The nonprofit sector: a research handbook / ed. by W. W. Powell, R. Steinberg. – New Haven, CT: Yale University Press, 2006. – 672 p.

63 Булуктаев Ю. О. Политический режим и посткоммунистическая трансформация: теория, методология, практика. – Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента Республики Казахстан, 2008. – 384 с.

64 Tvedt T. Angels of mercy or development diplomats? NGOs and foreign aid. – London: James Currey, 1998. – P. 13–15.

65 Pierson P. Politics in time: history, institutions, and social analysis. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. – 208 p.

66 Абишева М. А. Особенности развития демократических процессов в Казахстане // Казахстан-СПЕКТР. – 2006. – № 4. – С. 7.

67 Kleinschmit, S. W., & Edwards, V. (2017). Examining the Ethics of Government-Organized Nongovernmental Organizations (GONGOs). *Public Integrity*, *19*(5), 529–546. https://doi.org/10.1080/10999922.2017.1312213

68 Лушников Д. А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции. – Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 137-148. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.10

69 Proctor, H., Gerrard, J., & Goodwin, S. (2023). Working with and against the bureaucratic state: histories of grassroots organising for public education reform, 1970s–1980s. *Journal of Educational Administration and History*, *55*(3), 231–240. https://doi.org/10.1080/00220620.2023.2211911

70 Smith, D.H. Grassroots Associations. In: Anheier, H.K., Toepler, S. (eds) International Encyclopedia of Civil Society. New York, NY: Springer, 2010. – Pp. 804-810. https://doi.org/10.1007/978-0-387-93996-4_20.

71 Kretzmann J. P., McKnight J. L. Building communities from the inside out: a path toward finding and mobilizing a community's assets. – Evanston, IL: Institute for Policy Research, 1993. – 376 p.

72 Ghadimi, A., & Saviz, M. (2024). Indicators of grassroots innovations in Iran: A mixed method study. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development*, *16*(7), 953–965. https://doi.org/10.1080/20421338.2024.2399753

73 Gerlach L. Movements of revolutionary change: some structural characteristics // American Behavioral Scientist. – 1971. – Vol. 14, No. 6. – P. 813–836.

74 Diani, M. (2025). The embeddedness of unions in collective action fields: 'organizational' vs 'social movement' unionism. *Social Movement Studies*, 1–21. https://doi.org/10.1080/14742837.2025.2554599.

75 Gulati R., Gargiulo M. Where do interorganizational networks come from? // American Journal of Sociology. – 1999. – Vol. 104. – P. 1439–1493.

76 Kingshott, B. F., & Kingshott, J. B. (2016). Global Civil Society: Challenges of Security and Policing. *Journal of Applied Security Research*, *11*(4), 385–401. https://doi.org/10.1080/19361610.2016.1210434

77 Lawrence, A., & van Wanrooy, B. (2024). Sourcing public policy: organisation publishing in Wikipedia. *New Review of Hypermedia and Multimedia*, *30*(3–4), 181–200. https://doi.org/10.1080/13614568.2024.2343845

78 Ferree M. M. The political context of rationality: rational choice theory and resource mobilization // Frontiers in social movement theory / ed. by A. Morris, C. McClurg Mueller. – New Haven: Yale University Press, 1992. – P. 29–52.

79 Melucci A. Getting involved: identity and mobilization in social movements // From structure to action / ed. by B. Klandermans, H. Kriesi, S. Tarrow. – Greenwich, CT: JAI Press, 1988. – P. 329–348.

80 Melucci A. A strange kind of newness: what's "new" in new social movements? // New social movements: from ideology to identity / ed. by E. Larana, H. Johnston, J. Gusfield. – Philadelphia: Temple University Press, 1994. – P. 101–130.

81 Edwards M., Sen G. NGOs, social change and the transformation of human relationships: a 21st century civic agenda // Third World Quarterly. – 2000. – Vol. 21, No. 4. – P. 605–616.

82 Bolzendahl C., Coffé H. Citizenship beyond politics: the importance of political, civil and social rights and responsibilities among women and men // British Journal of Sociology. – 2009. – Vol. 60. – P. 763–791.

83 Каким должен быть идеальный казахстанец, рассказал Назарбаев [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nur.kz/1711408-kakim-dolzen-byt-idealnyj-kazahstanec-rasskazal-nazarbaev.html (дата обращения: 31.08.2018).

84 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана [Электронный ресурс]. – URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048 (дата обращения: 08.01.2026).

85 Федорова А. Е. Блогосфера Казахстана как инструмент политической коммуникации: проблемы и перспективы // Интегральные и дифференциальные парадигмы развития науки и практики России: сб. науч. ст. по итогам нац. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29–30 ноября 2018 г.). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 118–121.

86 Lemert C. Dark thoughts about the self // Social theory and the politics of identity / ed. by C. Calhoun. – Oxford; Cambridge, MA: Blackwell, 1994. – P. 100–129.

87 Brennan G., Pettit P. The economy of esteem: an essay on civil and political society. – New York: Oxford University Press, 2004. – 339 p.

88 Skocpol T. Diminished democracy: from membership to management in American civic life. – Norman: University of Oklahoma Press, 2003. – 388 p.

89 Habermas J. Further reflections on the public sphere // *Habermas and the public sphere* / ed. by C. Calhoun. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992. – P. 453–456.

90 Rosenblum N. L. Membership and morals: the personal uses of pluralism in America. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. – 438 p.

91 Kleinschmit, S. W., & Edwards, V. (2017). Examining the Ethics of Government-Organized Nongovernmental Organizations (GONGOs). *Public Integrity*, *19*(5), 529–546. https://doi.org/10.1080/10999922.2017.1312213

92 Howard M. M. The weakness of civil society in post-communist Europe. – New York: Cambridge University Press, 2003. – 220 p.

93 Bunce V. Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 222 p.

94 Ledeneva A. V. Russia's economy of favours: blat, networking, and informal exchange. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 243 p.

95 Kitschelt H. New social movements in West Germany and the United States // *Political Power and Social Theory*. – 1985. – No. 5. – P. 273–342.

96 Kriesi H. The political opportunity structure of the Dutch peace movement // *West European Politics*. – 1989. – Vol. 12. – P. 295–312.

97 Inglehart R., Welzel C. *Cultural map of the world* [Electronic resource]. – 2020. – Available at: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp (accessed: 10.01.2026).

98 Югай Г. А. Голография Вселенной и новая универсальная философия: возрождение метафизики и революция в философии: общая метафизика: учеб. пособие с хрестоматией. – Москва: Крафт+, 2007. – 400 с.

99 Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. – Москва: Изд-во Высшей школы экономики, 2004. – 400 с.

100 Robertson R. Globalization: social theory and global culture [Electronic resource]. – London: SAGE Publications Ltd, 2000. – DOI: 10.4135/9781446280447. – Available at: https://doi.org/10.4135/9781446280447 (accessed: 10.01.2026).

101 Machio, P. M., Kimani, D. N., Kariuki, P. C., Ng'ang'a, A. M., & Njoroge, M. M. (2024). Social Capital and Women's Empowerment. *Forum for Social Economics*, *53*(3), 322–340. https://doi.org/10.1080/07360932.2022.2115526

102 *Human development report* [Electronic resource]. – Available at: http://hdr.undp.org (accessed: 23.01.2018).

103 Федорова А. Е. Проблемные аспекты формирования социального капитала как основы гражданского общества в Казахстане // *Роль науки в развитии социума: теоретические и практические аспекты*: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–10 февр. 2018 г.). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 145–147.

104 Габдуллина К. Г. Социальная жизнь и особенности асоциальных явлений // *Демократизация общества – магистральный путь развития Казахстана*. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 1995. – С. 99–103.

105 Tarrow S. Power in movement: social movements, collective action and politics. – New York; Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 354 p.

106 Kriesi H. The political opportunity structure of new social movements: its impact on their mobilization // *The politics of social protest* / ed. by J. C. Jenkins, B. Klandermans. – Minneapolis; London: University of Minnesota Press; UCL Press, 1995. – P. 167–198.

107 Amenta E., Caren N. The legislative, organizational, and beneficiary consequences of state-oriented challengers // *The Blackwell companion to social movements* / ed. by D. A. Snow, S. H. Soule, H. Kriesi. – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 461–488.

108 *Конституция Республики Казахстан*. – Алматы: Жеты жаргы, 1998. – 56 с.

109 Dryzek J. S. Deliberative democracy and beyond. – New York: Oxford University Press, 2000. – 208 p.

110 Offe C. Microaspects of democratic theory: what makes for the deliberative competence of citizens? // *Democracy's victory and crisis* / ed. by A. Hadenius. – New York: Cambridge University Press, 1997. – P. 81–104.

111 della Porta, D., & Felicetti, A. (2022). Innovating Democracy Against Democratic Stress in Europe: Social Movements and Democratic Experiments. *Representation*, *58*(1), 67–84. https://doi.org/10.1080/00344893.2019.1624600.

112 Tarrow S. The Europeanization of conflict: reflections from a social movement perspective // *West European Politics*. – 1995. – Vol. 18. – P. 223–251.

113 Tilly Ch. European revolutions, 1492–1992. – Oxford; Cambridge, MA: Blackwell, 1993. – 262 p.

114 Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан» от 27 августа 2020 года № 390 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adilet.zan.kz (дата обращения: 19.04.2026).

115 Закон Республики Казахстан «Об общественном контроле» от 2 октября 2023 года № 30-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adilet.zan.kz (дата обращения: 19.04.2026).

116 Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам общественных объединений» от 1 июля 2023 года № 49-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adilet.zan.kz (дата обращения: 19.04.2026).

117 Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Документ № 696423 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gov.kz (дата обращения: 19.04.2026).

118 Croteau D., Hoynes W. Media/society: industries, images and audiences. – 5th ed. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014. – 402 p.

119 Waldrop M. The dream machine: J. C. R. Licklider and the revolution that made computing personal. – New York: Penguin Books, 2001. – 339 p.

120 Чэнь Ди. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – 2012. – Сер. 9. – Вып. 3. – С. 223–224.

121 Castells M. Mobile communication and society. – Cambridge: MIT Press, 2007. – 352 p.

122 О'Рейли Т. Что такое Web 2.0 // *Компьютерра*. – 2005. – № 37 (609). – С. 302–326.

123 Van Dijck J. The culture of connectivity: a critical history of social media. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 228 p.

124 Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.gov.kz (дата обращения: 24.11.2018).

125 Шигаева Д. Интернет-аудитория Казахстана: портрет и предпочтения пользователя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forbes.kz/stats/internetauditoriya_kazahstana_portret_i_predpochteniya_polzovatelya (дата обращения: 24.11.2018).

126 Приказ и.о. Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан «Об утверждении требований к содержанию, ведению и информационному наполнению электронными информационными ресурсами веб-портала "электронного правительства"» от 26 января 2016 года № 74//

Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adilet.zan.kz (дата обращения: 19.04.2026).

127 Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 октября 2024 года № 592. // Информационно-правовая система «Әділет». – URL: ИПС «Әділет» (дата обращения: 19.05.2026).

128 Bennett W. L. Communicating global activism: strength and vulnerabilities of networked politics // Cyberprotest: new media, citizens and social movements / ed. by W. van de Donk, B. Loader, P. Nixon, D. Rucht. – London: Routledge, 2004. – 293 p.

129 Hilbert, M. (2020). Digital technology and social change: The digital transformation of society from a historical perspective. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, *22*(2), 189–194. https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/mhilbert

130 Bakhytzhan Kurmanov & Colin Knox. (2024). Digital activism and authoritarian legitimation in post-Soviet Central Asia, *The Information Society*, 40:5, 343-360, DOI: 10.1080/01972243.2024.2374714

131 Diani M. Social movement networks: virtual and real // Information, Communication & Society. – 2000. – No. 3. – P. 386–401.

132 Van Aelst P., Walgrave S. New media, new movements? The role of the Internet in shaping the anti-globalization movement // Cyberprotest: new media, citizens and social movements / ed. by W. van de Donk et al. – London: Routledge, 2004. – P. 97–122.

133 Nip J. Y. M. The Queer Sisters and its electronic bulletin board: a study of the Internet for social movement mobilization // Cyberprotest: new media, citizens and social movements / ed. by W. van de Donk et al. – London: Routledge, 2004. – P. 233–258.

134 Tranvik T. Surfing for online connectedness: is the Internet helping to end civic engagement? // Investigating social capital / ed. by S. Prakash, P. Selle. – London: SAGE, 2004. – P. 281–304.

135 Rheingold H. Smart mobs: the next social revolution. – New York: Perseus, 2002. – 266 p.

136 Lievrouw L. A., Livingstone S. Handbook of new media: social shaping and social consequences of ICTs. – London: SAGE, 2006. – 564 p.

137 Shirky C. Here comes everybody: the power of organizing without organizations. – New York: Penguin, 2008. – 352 p.

138 Li C., Bernoff J. Groundswell: winning in a world transformed by social technologies. – Boston: Harvard Business Press, 2008. – 286 p.

139 Хабермас Ю. Демократия, разум и нравственность: московские лекции и интервью. – Москва: Academia, 1995. – 245 с.

140 Benkler Y. The wealth of networks: how social production transforms markets and freedom. – New Haven, CT: Yale University Press, 2007. – 528 p.

141 Coleman G. Code is speech: legal tinkering, expertise, and protest among free and open source software developers // Cultural Anthropology. – 2009. – Vol. 24, No. 3. – P. 420–454.

142 Fixed broadband subscriptions per 100 inhabitants in Kazakhstan [Electronic resource]. – URL: https://www.statista.com/statistics/517757/fixed-broadband-subscriptions-per-100-inhabitants-in-kazakhstan/ (date of access: 25.12.2018).

143 International Telecommunication Union: official website [Electronic resource]. – URL: https://www.itu.int (date of access: 26.12.2018).

144 Internet Live Stats: Internet users in Kazakhstan [Electronic resource]. – URL: https://www.internetlivestats.com/internet-users/kazakhstan/ (date of access: 26.12.2018).

145 Bucy E. P. Living in the information age: a new media reader. – 2nd ed. – Belmont, CA: Wadsworth, 2004. – 338 p.

146 Hindman M. The myth of digital democracy. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. – 181 p.

147 Winner L. Do artifacts have politics? // The social shaping of technology / ed. by D. MacKenzie, J. Wajcman. – 2nd ed. – Buckingham: Open University Press, 1999. – P. 28–40.

148 Daria Kuznetsova & Caroline Tolbert. (2024). Modelling temporal dynamics: does internet use fuel anti-government protests?, Democratization, 31:2, 389-410, DOI: 10.1080/13510347.2023.2268019

149 Robins K., Webster F. The long history of the information revolution // The information society reader / ed. by F. Webster. – New York: Routledge, 2004. – P. 62–80.

150 Harkin J. Lost in Cyburbia: how life on the Net has created a life of its own. – New York: Knopf, 2010. – 288 p.

151 May C. T. The information society: a skeptical view. – Cambridge: Polity Press, 2002. – 261 p.

152 Warschauer M. Technology and social inclusion: rethinking the digital divide. – Cambridge, MA: MIT Press, 2004. – 274 p.

153 Подберезкин А. И. Социальные сети как качественно новый фактор системной безопасности России в XXI веке // Вестник Центра военно-политических исследований. – 2017. – URL: http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/pdf/vestnik_podberezkinai.pdf (дата обращения: 13.07.2018).

154 Kussainova, A. (2021). Digital transformation in Kazakhstan: Challenges and opportunities. *Journal of Central Asian Studies*, *10*(2), 45–60.

155 Murray K. E., Waller R. Social networking goes abroad // International Educator. – 2007. – Vol. 16, No. 3. – P. 56–59.

156 Sander Th. H., Putnam R. (2010). Still Bowling Alone? The Post-9/11 Split//*Journal of Democracy*, Volume 21, Number 1, pp. 9-16

157 McPherson M., Popielarz P., Drobnic S. Social networks and organizational dynamics // American Sociological Review. – 1992. – Vol. 57. – P. 153–170.

158 Rustamjon Urinboyev & Sherzod Eraliev. (2022). Informal civil society initiatives in non-Western societies: mahallas in Uzbekistan, *Central Asian Survey*, 41:3, 477-497, DOI: 10.1080/02634937.2022.2058915

159 Passy F. Social networks matter. But how? // Social movements and networks / ed. by M. Diani, D. McAdam. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. – P. 21–48.

160 Mullins P. Community and urban movements // Sociological Review. – 1987. – Vol. 35. – P. 347–369.

161 Stark R., Bainbridge W. S. Networks of faith: interpersonal bonds and recruitment to cults and sects // American Journal of Sociology. – 1980. – Vol. 85. – P. 1376–1395.

162 Ohlemacher T. Bridging people and protest: social relays of protest groups against low-flying military jets in West Germany // Social Problems. – 1996. – Vol. 43. – P. 197–218.

163 Fedorova, A. (2025). Social media and spoken language in youth civic engagement in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 1–26. https://doi.org/10.1080/02634937.2025.2560878

164 Olijar, M., & Li, J. (2024). Persuasion or polarization? LGBTQ+ attitudes among young social media users in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, *43*(1), 101–122. https://doi.org/10.1080/02634937.2023.2187759

165 Bolter J. D., Grusin R. Remediation: understanding new media. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 312 p.

166 Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media // Business Horizons. – 2010. – Vol. 53, No. 1. – P. 59–68.

167 A history of social media. URL: http://janeknight.typepad.com/socialmedia/2009/10/a-history-of-social-media.html (дата обращения: 04.05.2020)

168 Boyd D. M., Ellison N. B. Social network sites: definition, history and scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2008. – Vol. 13. – P. 210–230.

169 Bigley, I. P., & Leonhardt, J. M. (2018). Extremity Bias in User-Generated Content Creation and Consumption in Social Media. *Journal of Interactive Advertising*, *18*(2), 125–135. https://doi.org/10.1080/15252019.2018.1491813

170 Каргина Т. Интернет-сервисы для гражданских активистов в примерах и картинках. – Москва: АСИ, 2011. – 88 с.

171 Bernoff J., Anderson J. Social technographics defined [Electronic resource]. – Forrester Research, 2010. – URL: http://www.forrester.com/empowered/ladder2010 (date of access: 05.02.2019).

172 МакКоннелл Б., Хуба Дж. Эпидемия контента: маркетинг в социальных сетях и блогосфере. – Санкт-Петербург: Вершина, 2008. – 192 с.

173 Yeh, E., & Swinehart, N. (2022). Social media literacy in L2 environments: navigating anonymous user-generated content. *Computer Assisted Language Learning*, *35*(8), 1731–1753. https://doi.org/10.1080/09588221.2020.1830805

174 Jones R. Keyword Intelligence: Keyword Research for Search, Social, and Beyond. – Toronto: Sybex, 2011. – 336 p.

175 Safko L., Brake D. K. The social media bible: tactics, tools, and strategies for business success. – Hoboken, NJ: Wiley, 2009. – 821 p.

176 Мифы и реальность социальных сетей в Интернете [Электронный ресурс]. – URL: http://site.nic.ru/content/view/358/33/ (дата обращения: 05.02.2019).

177 McLuhan M. Understanding media: the extensions of man. – New York: McGraw-Hill, 1964. – 396 p.

178 Bruns A. Blogs, Wikipedia, Second Life and beyond: from production to produsage. – New York: Peter Lang, 2008. – 418 p.

179 Van Dijk J. The reality of virtual communities // *Trends in Communication*. – 1998. – Vol. 1, No. 1. – P. 39–63.

180 Jenkins H. Convergence culture: where old and new media collide. – Cambridge, MA: MIT Press, 2006. – 293 p.

181 Papacharissi Z. A private sphere: democracy in a digital age. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 200 p.

182 Milberry K., Anderson S. Open sourcing our way to an online commons // Journal of Communication Inquiry. – 2009. – Vol. 33, No. 4. – P. 393–412.

183 De Peuter G., Dyer-Witheford N. Playful multitude? Mobilising and counter-mobilising immaterial game labor // Fibre Culture. – 2005. – No. 5. – URL: http://journal.fibreculture.org/issue5/depeuter_dyerwitheford.html (date of access: 10.02.2019).

184 Solove D. Understanding privacy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – 272 p.

185 VKontakte users by CIS countries [Electronic resource]. – URL: https://mediascope.net/en/ (date of access: 12.02.2019).

186 Tilmedia.kz: information portal [Electronic resource]. – URL: https://tilmedia.kz/en/info/202 (date of access: 17.01.2026).

187 Instagram users statistics, 2019 [Electronic resource]. – URL: https://www.statista.com (date of access: 12.02.2019).

188 WhatsApp and YouTube users statistics [Electronic resource]. – URL: https://www.brandanalytics.com (date of access: 13.02.2019).

189 Mahetaji, K., & Nieborg, D. B. (2026). TikTok's tools: The politics of platform tools for cultural production. *Continuum*, *40*(2), 252–279. https://doi.org/10.1080/10304312.2025.2525519

190 McLean, J., Southerton, C., & Lupton, D. (2024). Young people and TikTok use in Australia: digital geographies of care in popular culture. *Social & Cultural Geography*, *25*(5), 795–813. https://doi.org/10.1080/14649365.2023.2230943

191 Rakhmetov, B. (2026). Legal and extra-legal mechanisms of internet censorship in Kazakhstan. *Asian Affairs*, 1–28. https://doi.org/10.1080/03068374.2026.2642225

192 Об объявлении Года цифровизации и искусственного интеллекта: Указ Президента Республики Казахстан от 6 января 2026 года № 1151 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан (дата обращения: 20.03.2026).

193 Kumar R. Research methodology: a step-by-step guide for beginners. – London: SAGE Publications, 2011. – 366 p.

194 Перевод чатов в Aitu: аналитический материал [Электронный ресурс]. – URL: https://kz.kursiv.media/2025-08-11/zhzh-perevesti-chati-v-aitu/ (дата обращения: 20.01.2026).

195 ЦентрАзия. Персональная страница. – Режим доступа: https://centrasia.org/person.php?st=1610606998 (дата обращения: 19.04.2026).

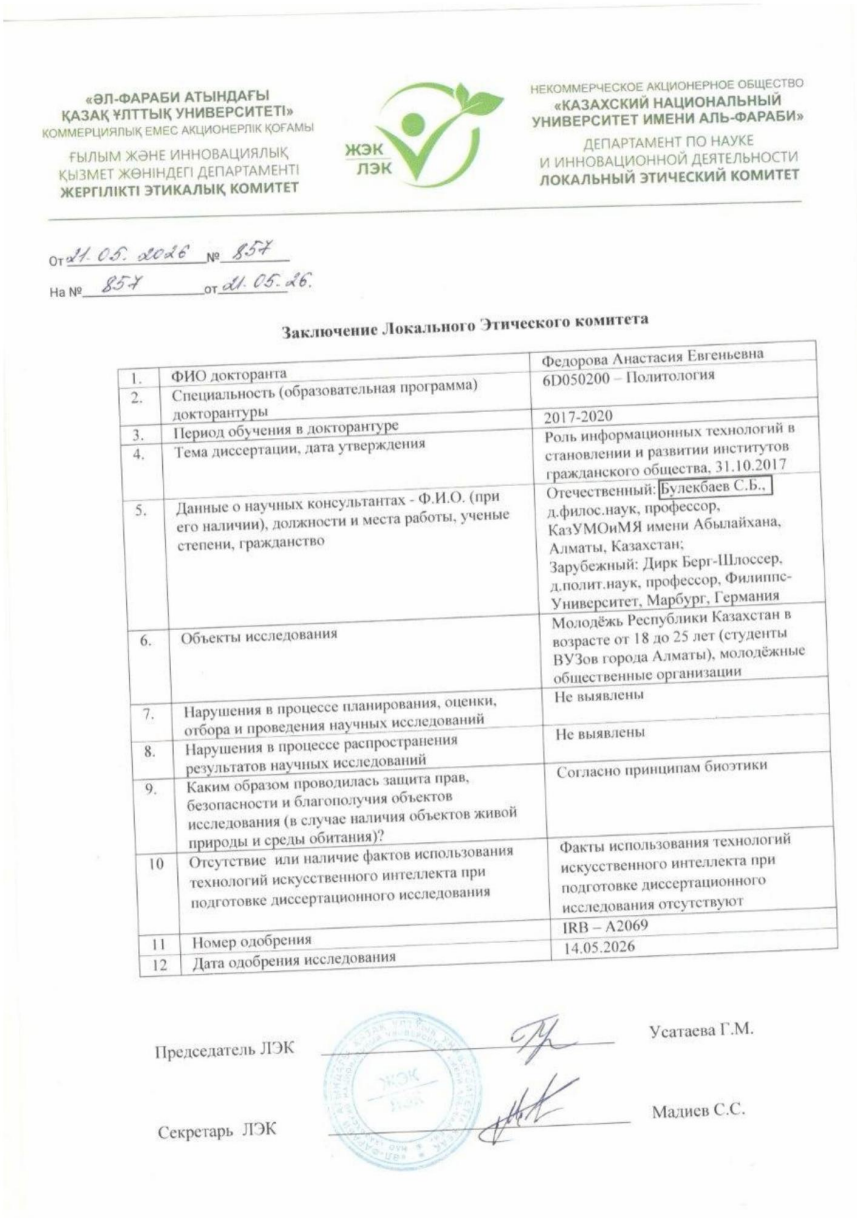
196 Официальный сайт государственных органов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gov.kz (дата обращения: 19.03.2026).

197 Маслихаты: внесли ли новшества молодые депутаты // Inform.kz (Kazinform). – 2024. – URL: https://www.inform.kz/ru/maslihati-vnesli-li-novshestva-molodie-deputati-2a5cfa (дата обращения: 19.03.2026).

198 Одобрена концепция закона РК о 30% квоте для женщин и молодежи в партсписках [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://kaztag.kz/ru/news/odobrena-kontseptsiya-zakona-rk-o-30-kvote-dlya-zhenshchin-i-molodezhi-v-partspiskakh (дата обращения: 19.04.2026).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Материалы этических аспектов исследования



«ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ» КОММЕРЦИЯЛЫҚ ЕМЕС АКЦИОНЕРЛІК ҚОҒАМЫ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ҚЫЗМЕТ ЖӨНІНДЕГІ ДЕПАРТАМЕНТІ
ЖЕРГІЛІКТІ ЭТИКАЛЫҚ КОМИТЕТ

ЖЭК
ЛЭК

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ»
ДЕПАРТАМЕНТ ПО НАУКЕ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛОКАЛЬНЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ

От 21.05.2026 № 857
На № 857 от 21.05.26.

Заключение Локального Этического комитета

1.	ФИО докторанта	Федорова Анастасия Евгеньевна
2.	Специальность (образовательная программа) докторантуры	6D050200 – Политология
3.	Период обучения в докторантуре	2017-2020
4.	Тема диссертации, дата утверждения	Роль информационных технологий в становлении и развитии институтов гражданского общества, 31.10.2017
5.	Данные о научных консультантах - Ф.И.О. (при его наличии), должности и места работы, ученые степени, гражданство	Отечественный: Булекбаев С.Б., д.филос.наук, профессор, КазУМОиМЯ имени Абылайхана, Алматы, Казахстан; Зарубежный: Дирк Берг-Шлоссер, д.полит.наук, профессор, Филиппс-Университет, Марбург, Германия
6.	Объекты исследования	Молодёжь Республики Казахстан в возрасте от 18 до 25 лет (студенты ВУЗов города Алматы), молодёжные общественные организации
7.	Нарушения в процессе планирования, оценки, отбора и проведения научных исследований	Не выявлены
8.	Нарушения в процессе распространения результатов научных исследований	Не выявлены
9.	Каким образом проводилась защита прав, безопасности и благополучия объектов исследования (в случае наличия объектов живой природы и среды обитания)?	Согласно принципам биоэтики
10	Отсутствие или наличие фактов использования технологий искусственного интеллекта при подготовке диссертационного исследования	Факты использования технологий искусственного интеллекта при подготовке диссертационного исследования отсутствуют
11	Номер одобрения	IRB – A2069
12	Дата одобрения исследования	14.05.2026

Председатель ЛЭК _____ Усатаева Г.М.

Секретарь ЛЭК _____ Мадиев С.С.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ПРОГРАММА КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель социологического исследования: изучение характера и направления использования молодёжью Казахстана социальных медиа, а также её гражданского вовлечения.

Объектами исследования являются: жители города Алматы.

География исследования: г. Алматы

Генеральная совокупность исследования: жители города Алматы.

Метод сбора данных: для опроса применялось как программное обеспечение для проведения онлайн опросов, так и бумажный вариант анкет. При проведении опроса онлайн, респондентам направлены электронные письма с приглашением принять участие в опросе. При проведении опроса офлайн, по согласованию с администрацией ВУЗов, в которых осуществлялось исследование, студентам раздавались анкеты, предварительно получалось их принципиальное согласие участвовать в опросе. Опрос состоит из трёх блоков.

Первый раздел представляет собой описание исследования и информированное согласие респондентов.

Второй блок включает в себя вопросы, нацеленные на измерение вовлечённости молодёжи в социальные медиа, характера этой вовлеченности, осведомлённости молодых людей об общественных организациях, участия в их деятельности и подписанности на публичные аккаунты общественных организаций онлайн в социальных медиа.

Третий раздел объединяет ряд демографических вопросов. Респондентам предлагается указать их пол, возраст, место проживания и ВУЗ, в котором они обучаются.

Инструментарий исследования: опросник подготовлен на казахском и русском языках. Конкретное решение по выбору языка инструментария в каждом случае принимается респондентом самостоятельно.

Этические вопросы: участие в исследовании добровольное, основано на согласии респондентов.

Обработка полученных данных: полученные данные будут обработаны при помощи программы SPSS (версия программы 27), а также OpenAI GPT-5.5 Instant.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Инструменты измерения

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОЛОДЁЖЬЮ КАЗАХСТАНА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ОФЛАЙН

Номер анкеты		**Дата**	

Здравствуйте, уважаемые респонденты!

Пожалуйста, примите участие в нашем социологическом исследовании. Данное исследование проводится докторантом Института философии, политологии и религиоведения КН МВОН РК Анастасией Федоровой в рамках образовательной программы PhD. Тема исследования: «Роль информационных технологий в становлении и развитии институтов гражданского общества». Вам нужно отметить один или несколько вариантов ответов, с которыми вы согласны, а также дописать ваше мнение, если вопрос предусматривает это. Данное исследование анонимно! Его результаты будут обработаны и обнародованы в усредненном виде. Благодарим Вас за участие в нашем исследовании! Если у Вас возникли вопросы, просим обращаться на электронную почту: anastassiya7fedorova@gmail.com

Сәлеметсіздер ме, құрметті респонденттер!

Өтінеміз, біздің әлеуметтік зерттеуімізге қатысыңыз. Бұл зерттеу ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының PhD білім беру бағдарламасы аясында докторант Анастасия Федорова тарапынан жүргізілуде. Зерттеу тақырыбы: «Ақпараттық технологиялардың азаматтық қоғам институттарының қалыптасуы мен дамуына әсері». Сізге ұсынылған жауаптардың бірін немесе бірнешеуін таңдап, келісетін жауабыңызды белгілеу қажет. Егер сұрақта өз пікіріңізді жазуға мүмкіндік берілсе, оны да қосыңыз. Бұл зерттеу анонимді жүргізіледі! Оның нәтижелері өңделіп, орташа түрде жарияланады. Зерттеуімізге қатысқаныңыз үшін алғысымызды білдіреміз! Егер Сізде сұрақтар туындаса, келесі электрондық пошта арқылы хабарласуыңызды сұраймыз: anastassiya7fedorova@gmail.com

Раздел 1. Использование молодёжью социальных медиа

1. Зарегистрированы ли вы в социальных сетях?/ Сіз әлеуметтік желілерге тіркелгенсіз бе?
   1) Да/ Иә
   2) Нет/ Жоқ
2. Если вы ответили «Да», укажите её (их) название/ Егер «Иә» деп жауап берсеңіз, әлеуметтік желінің атауын көрсетіңіз:_____

_____
_____
_____

3. Как часто вы посещаете свою страничку в социальных сетях? (Только 1 вариант ответа)/ Сіз әлеуметтік желідегі өз бетіңізге қаншалықты жиі кіресіз? (Тек 1 жауап)

1) Несколько раз в день/Күніне бірнеше рет
2) 1 раз в день/Күніне 1 рет
3) Несколько раз в неделю/Аптасына бірнеше рет
4) 1 раз в неделю/Аптасына 1 рет
5) Реже 1 раза в неделю/Аптасына 1 реттен сирек

4. С какой целью вы используете вашу страничку? (возможно несколько вариантов ответов)/ Сіз өз бетіңізді қандай мақсатта пайдаланасыз? (бірнеше жауап болуы мүмкін)

1) Развлечение (музыка, фото, видео)/ Ойын-сауық (музыка, фото, видео)
2) Завожу новых друзей/ Жаңа достар табу
3) Для общения с коллегами по работе/ Жұмыс әріптестерімен қарым-қатынас
4) Для общения с одногруппниками в ВУЗе/ Жоғары оқу орнында топтастарыммен қарым-қатынас жасау үшін
5) Для контакта с сообществами и людьми по моей специализации вне учёбы и работы/ Оқу мен жұмыстан тыс менің мамандығыма қатысты қауымдастықтармен және адамдармен байланыс орнату үшін
6) Для получения информации об общественно-политической жизни РК/ ҚР қоғамдық-саяси өмірі туралы ақпарат алу
7) Другое (укажите)/ Басқа (көрсетіңіз)_____
   _____
   _____

5. Если вы выбрали несколько вариантов ответов на предыдущий вопрос, укажите, что для вас важнее всего. Оцените по 5-ти балльной шкале, где 1 балл – самое НЕважное, 5 баллов – самое важное/ Егер алдыңғы сұраққа бірнеше жауап таңдаған болсаңыз, ең маңыздысын көрсетіңіз. 5 балдық шкала бойынша бағалаңыз, мұнда 1 балл – ең маңызды емес, 5 балл – ең маңызды

_____
_____
_____

Раздел 2. Осведомлённость молодёжи об общественных организациях

6. Знаете ли вы молодёжные общественные организации РК?/ Сіз ҚР жастар қоғамдық ұйымдарын білесіз бе?

1) Да/Иә

2) Нет/Жоқ
3) Затрудняюсь ответить/Жауап бере алмаймын

7. Если вы ответили «ДА» на предыдущий вопрос, укажите их название. Если вы ответили «НЕТ», пропустите этот вопрос/ Егер алдыңғы сұраққа «ИӘ» деп жауап берсеңіз, олардың атауын көрсетіңіз. Егер «ЖОҚ» деп жауап берсеңіз, бұл сұрақты өткізіп жіберіңіз.

_____
_____
_____
_____

Раздел 3. Онлайн гражданская вовлечённость молодёжи

8. Подписаны ли вы на страничку какой-либо молодёжной общественной организации РК в социальной сети?/Сіз әлеуметтік желіде қандай да бір ҚР жастар қоғамдық ұйымының бетіне жазылғансыз ба?

1) Да/ Иә
2) Нет/ Жоқ

9. Если вы ответили «да» на предыдущий вопрос, укажите её (их) название/ Егер алдыңғы сұраққа «Иә» деп жауап берсеңіз, олардың атауын көрсетіңіз.

_____
_____
_____

Раздел 4. Офлайн гражданская вовлеченность молодёжи

10. Участвовали ли вы в деятельности молодёжной общественной организации РК?/ Сіз ҚР жастар қоғамдық ұйымының іс-шараларына қатыстыңыз ба?

1) Да/Иә
2) Нет/Жоқ

11. Если вы ответили «ДА» на предыдущий вопрос, укажите её (их) название/ Егер алдыңғы сұраққа «ИӘ» деп жауап берсеңіз, олардың атауын көрсетіңіз.

_____
_____
_____

12. Если вы ответили «ДА» на **вопрос 10**, укажите, как вы узнали об этой организации/ Егер **10-сұраққа** «ИӘ» деп жауап берсеңіз, осы ұйым туралы қалай білдіңіз?

1) От друзей/ Достардан
2) В семье/ Отбасынан
3) В университете/ Университеттен
1) В соц сетях/ Әлеуметтік желілерден
2) В электронных СМИ/ Электрондық БАҚ арқылы

3) Из печатных СМИ/ Баспа БАҚ арқылы
4) Другое (укажите)/ Басқа (көрсетіңіз)

_____
_____
_____

13. Если вы ответили «ДА» на **вопрос 6**, укажите – захотелось ли вам познакомится с остальными членами организации лично?/ Егер **6-сұраққа** «ИӘ» деп жауап берсеңіз, ұйымның қалған мүшелерімен жеке танысуға ниетіңіз болды ма?

1) Да/ Иә
2) Нет/ Жоқ

14. Укажите причину вашего ответа на **вопрос 13/13-сұраққа** берген жауабыңыздың себебін көрсетіңіз

_____
_____
_____
_____

Раздел 5. Социально-демографическая информация

Укажите ваш пол/Сіздің жынысыңыз:

_____

Укажите ваш возраст/Сіздің жасыңыз:

_____

Укажите ваш родной город, село, посёлок/Туған қалаңыз, ауыл, кентіңіз

_____

Укажите, в каком ВУЗе вы обучаетесь/Қай университетте оқитыныңыз

_____

Благодарим Вас! Ваше мнение очень важно для нашего исследования!

Рақмет! Сіздің пікіріңіз біздің зерттеуіміз үшін өте маңызды!

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

ПРОГРАММА КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (1)

Цель социологического исследования: выявить проблемы молодёжных общественных организаций Казахстана в сфере рекрутинга членов, промоутинга, а также систематической институционализированной деятельности.

Объектами социологического исследования являются: представители молодёжных общественных организаций, наиболее известные среди молодёжи.

География исследования: город Алматы.

Генеральная совокупность исследования: представители молодёжных общественных объединений.

Выборка исследования: метод критериальной выборки (3 полуструктурированные интервью с представителями наиболее известных молодёжи общественных организаций).

Метод сбора данных: для опроса будет применяться индивидуальное глубинное интервью в форме личной устной беседы.

Инструментарий исследования: разработан гайд для интервью на русском и казахском языках. Конкретное решение по использованию языка инструментария принимается респондентом свободно и самостоятельно.

Этические вопросы: участие в интервью добровольное, на основе согласия респондентов.

Обработка полученных данных: результаты интервью будут обработаны с использованием методов тематического анализа, сравнительного анализа и качественного контент-анализа. Для повышения надёжности результатов анализа будет применяться метод триангуляции (сопоставление с результатами других исследований, обсуждение в разных аудиториях).

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ (1)

Основные положения.

Цель документа: ознакомление с вопросами и темами, рассматриваемыми в интервью. В ходе беседы интервьюер может комбинировать вопросы, задавать уточняющие и проясняющие вопросы, углубляться в какую-либо тему, которая является наиболее релевантной для исследования, либо игнорировать вопросы, которые уже были затронуты в процессе интервью. Вопросы не меняются местами, однако, интервьюируемые респонденты могут добавить нюанс или аспект ответа, не учтённый вопросами, для лучшего достижения целей, поставленных интервью.

Представление (5 минут):

Уважаемый(ая) участник интервью!

Меня зовут Анастасия Федорова, я являюсь докторанткой Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИФПР КН МНВО РК).

В настоящее время я провожу диссертационное исследование на тему: «Роль информационных технологий в становлении и развитии институтов гражданского общества в Казахстане».

Цель данного интервью – изучение влияния информационных технологий и социальных медиа на деятельность молодёжных общественных организаций, а также на процессы развития гражданского общества в Республике Казахстан.

Полученные в ходе интервью данные будут использованы исключительно в научных целях и сопоставлены с результатами социологического опроса молодёжи Казахстана, а также с данными регрессионного анализа, проведённого в рамках диссертационного исследования.

Благодарю Вас за согласие принять участие в интервью и за Ваш вклад в развитие научного исследования.

Құрметті сұхбатқа қатысушы!

Менің атым Анастасия Федорова, мен Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және діntану институтының (ҚР ҒЖБМ ҒК ФСДИ) докторантымын.

Қазіргі уақытта мен «Қазақстандағы азаматтық қоғам институттарының қалыптасуы мен дамуындағы ақпараттық технологиялардың рөлі» тақырыбында диссертациялық зерттеу жүргізудемін.

Осы сұхбаттың мақсаты – ақпараттық технологиялар мен әлеуметтік медианың жастар қоғамдық ұйымдарының қызметіне, сондай-ақ Қазақстан Республикасындағы азаматтық қоғамның даму үдерістеріне ықпалын зерттеу.

Сұхбат барысында алынған мәліметтер тек ғылыми мақсатта пайдаланылып, Қазақстан жастары арасында жүргізілген әлеуметтік сауалнама нәтижелерімен, сондай-ақ диссертациялық зерттеу аясында жүргізілген регрессиялық талдау деректерімен салыстырылатын болады.

Сұхбатқа қатысуға келісім бергеніңіз үшін және ғылыми зерттеудің дамуына қосқан үлесіңіз үшін алғыс білдіремін.

БЛОК		**Вопросы**	**Комментарии**
		БЛОК 1	
1	Офлайн-гражданское участие молодёжи	1. Как вы можете оценить готовность молодёжи Казахстана к гражданскому вовлечению (к участию в деятельности вашей организации)?/Қазақстан жастарының азаматтық белсенділікке (сіздің ұйымыңыздың қызметіне қатысуға) дайындығын қалай бағалай аласыз? 2. Как вы считаете, она выросла или уменьшилась за последние 5 лет?/Сіздің ойыңызша, соңғы 5 жылда бұл дайындық деңгейі артты ма, әлде төмендеді ме? 3. На ваш взгляд, различается ли эта готовность по половой и языковой принадлежности, а также по региону проживания молодых людей?/Сіздің көзқарасыңыз бойынша, бұл дайындық жастардың жынысына, тілдік ерекшелігіне және тұратын өңіріне байланысты өзгере ме? 4. Существует ли у вашей организации статистика на предмет количества молодых людей, которых вам удалось рекрутировать в 2019 году?/Сіздің ұйымыңызда 2019 жылы ұйым қызметіне тартылған жастар саны бойынша статистика бар ма? 5. Насколько вы можете оценить популярность вашей организации среди молодёжи Казахстана?/Сіз Қазақстан жастары арасында ұйымыңыздың танымалдылығын қалай бағалай аласыз? 6. Чем, на ваш взгляд, ваша организация привлекательна для молодёжи?/Сіздің ойыңызша, ұйымыңыз жастар үшін несімен тартымды?	
		БЛОК 2	
2	Онлайн-гражданское участие молодёжи	1. Как вы считаете, способна ли вовлеченность молодёжи в социальные медиа повлиять каким-либо образом на её гражданское участие?/Сіздің ойыңызша, жастардың әлеуметтік медиадағы	

		белсенділігі олардың азаматтық қатысуына қандай да бір деңгейде әсер ете ала ма? 2. На ваш взгляд, возможно ли трансформировать желание молодёжи к потреблению развлекательного контента в социальных медиа в цифровое или нецифровое гражданское участие?/Сіздің көзқарасыңыз бойынша, жастардың әлеуметтік медиада ойын-сауық контентін тұтынуға деген қызығушылығын цифрлық немесе цифрлық емес азаматтық қатысуға бағыттау мүмкін бе?	
БЛОК 3			
3	Мотивация и рекрутинг	1. На ваш взгляд, какой канал распространения информации о вашей организации наиболее эффективен при рекрутировании молодёжи – социальные медиа, филиалы при университетах и колледжах, освещение мероприятий, проводимых организацией, по телевидению и в интернете, «сарафанное радио» или иной канал?/Сіздің ойыңызша, жастарды ұйымға тартуда ақпарат таратудың қай арнасы ең тиімді болып табылады – әлеуметтік желілер, университеттер мен колледждер жанындағы филиалдар, ұйым өткізетін іс-шараларды теледидар мен интернетте жариялау, «ауызша таралатын ақпарат» («сарафан радиосы») немесе өзге арна ма? 2. Как вы полагаете, что может мотивировать молодого человека к участию в деятельности вашей организации?/ Сіздің пікіріңізше, жастарды ұйымыңыздың қызметіне қатысуға не ынталандыруы мүмкін? 3. На ваш взгляд, играет ли роль подписка на страницу вашей организации в социальных медиа в мотивации к участию в ней?/ Сіздің ойыңызша, ұйымыңыздың әлеуметтік желілердегі парақшасына жазылу жастардың оның қызметіне қатысу ынтасына әсер ете ме?	

Благодарим вас за участие в интервью!
Сұхбатқа қатысқаныңыз үшін алғысымызды білдіреміз!

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

ПРОГРАММА КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (2)

Цель социологического исследования: выявить проблемы гражданского вовлечения молодёжи Казахстана в офлайн гражданскую активность, сложности мотивации молодёжи к активизации офлайн вовлечения, а также прояснить место фактора онлайн гражданского и негражданского вовлечения молодёжи в социальные медиа.

Объектами социологического исследования являются: эксперты-политологи Республики Казахстан, чьей сферой научной экспертизы являются институты гражданского общества, молодёжь как социально-политическая группа, а также цифровое вовлечение молодёжи.

География исследования: город Алматы.

Генеральная совокупность исследования: представители экспертного политологического сообщества Республики Казахстан.

Выборка исследования: метод критериальной выборки (10 полуструктурированных интервью с представителями экспертного сообщества).

Метод сбора данных: для опроса будет применяться индивидуальное глубинное интервью в форме личной устной беседы.

Инструментарий исследования: разработан гайд для интервью на русском и казахском языках. Конкретное решение по использованию языка инструментария принимается респондентом свободно и самостоятельно.

Этические вопросы: участие в интервью добровольное, на основе согласия респондентов.

Обработка полученных данных: результаты интервью будут обработаны с использованием методов тематического анализа, сравнительного анализа и качественного контент-анализа. Для повышения надёжности результатов анализа будет применяться метод триангуляции (сопоставление с результатами других исследований, обсуждение в разных аудиториях).

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ (2)

Основные положения.

Цель документа: ознакомление с вопросами и темами, рассматриваемыми в интервью. В ходе беседы интервьюер может комбинировать вопросы, задавать уточняющие и проясняющие вопросы, углубляться в какую-либо тему, которая является наиболее релевантной для исследования, либо игнорировать вопросы, которые уже были затронуты в процессе интервью. Вопросы не меняются местами, однако, интервьюируемые респонденты могут добавить нюанс или аспект ответа, не учтённый вопросами, для лучшего достижения целей, поставленных интервью.

Представление (5 минут):

Уважаемый(ая) участник интервью!

Меня зовут Анастасия Федорова, я являюсь докторанткой Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИФПР КН МНВО РК).

В настоящее время я провожу диссертационное исследование на тему: «Роль информационных технологий в становлении и развитии институтов гражданского общества в Казахстане».

Цель данного интервью – изучение влияния информационных технологий и социальных медиа на деятельность молодёжных общественных организаций, а также на процессы развития гражданского общества в Республике Казахстан.

Полученные в ходе интервью данные будут использованы исключительно в научных целях и сопоставлены с результатами социологического опроса молодёжи Казахстана, а также с данными регрессионного анализа, проведённого в рамках диссертационного исследования.

Благодарю Вас за согласие принять участие в интервью и за Ваш вклад в развитие научного исследования.

Құрметті сұхбатқа қатысушы!

Менің атым Анастасия Федорова, мен Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және діntану институтының (ҚР ҒЖБМ ҒК ФСДИ) докторантымын.

Қазіргі уақытта мен «Қазақстандағы азаматтық қоғам институттарының қалыптасуы мен дамуындағы ақпараттық технологиялардың рөлі» тақырыбында диссертациялық зерттеу жүргізудемін.

Осы сұхбаттың мақсаты – ақпараттық технологиялар мен әлеуметтік медианың жастар қоғамдық ұйымдарының қызметіне, сондай-ақ Қазақстан Республикасындағы азаматтық қоғамның даму үдерістеріне ықпалын зерттеу.

Сұхбат барысында алынған мәліметтер тек ғылыми мақсатта пайдаланылып, Қазақстан жастары арасында жүргізілген әлеуметтік сауалнама нәтижелерімен, сондай-ақ диссертациялық зерттеу аясында жүргізілген регрессиялық талдау деректерімен салыстырылатын болады.

Сұхбатқа қатысуға келісім бергеніңіз үшін және ғылыми зерттеудің дамуына қосқан үлесіңіз үшін алғыс білдіремін.

БЛОК		**Вопросы**	**Комментарии**
		БЛОК 1	
1	Теоретико-методологический блок	1. Насколько, на Ваш взгляд, применима к казахстанским реалиям концепция технологического детерминизма, согласно которой цифровые технологии оказывают определяющее влияние на общественные процессы?/ Сіздің ойыңызша, цифрлық технологиялар қоғамдық үдерістерге айқындаушы әсер етеді деген технологиялық детерминизм тұжырымдамасы Қазақстанның қазіргі шындығына қаншалықты сәйкес келеді? 2. Как Вы оцениваете влияние цифровых технологий на развитие гражданского общества в Казахстане?/Қазақстандағы азаматтық қоғамның дамуына цифрлық технологиялардың ықпалын қалай бағалайсыз? 3. Можно ли утверждать, что цифровые технологии являются одним из ключевых факторов трансформации гражданского общества Казахстана? Почему?/ Цифрлық технологияларды Қазақстандағы азаматтық қоғамның трансформациясының негізгі факторларының бірі деп айтуға бола ма? Неліктен? 4. Как Вы относитесь к теории социальных сил, согласно которой влияние технологий зависит от уровня культурного, социального и политического развития общества? / Технологиялардың ықпалы қоғамның мәдени, әлеуметтік және саяси даму деңгейіне тәуелді деген әлеуметтік күштер теориясына Сіз қалай қарайсыз? 5. Какая из двух концепций – технологический детерминизм или теория социальных сил – в большей степени подходит для анализа влияния	

		цифровых технологий на гражданское общество Казахстана? Почему?/ Сіздің ойыңызша, екі тұжырымдаманың – технологиялық детерминизм мен әлеуметтік күштер теориясының – қайсысы Қазақстандағы азаматтық қоғамға цифрлық технологиялардың әсерін талдауға көбірек сәйкес келеді? Неліктен?	
БЛОК 2			
2	Онлайн-гражданское участие молодёжи	1. Как Вы полагаете, каковы основные цели использования социальных медиа молодёжью Казахстана?/ Сіздің ойыңызша, Қазақстан жастарының әлеуметтік медианы пайдаланудағы негізгі мақсаттары қандай? 2. Как Вы считаете, какую роль социальные медиа играют в жизни молодёжи Казахстана в целом?/ Сіздің пікіріңізше, әлеуметтік медиа жалпы Қазақстан жастарының өмірінде қандай рөл атқарады? 3. На Ваш взгляд, оказывают ли социальные медиа влияние на гражданскую активность молодёжи? Если да, то в какой степени?/ Сіздің ойыңызша, әлеуметтік медиа жастардың азаматтық белсенділігіне әсер ете ме? Егер әсер етсе, ол қандай деңгейде? 4. Как, по Вашему мнению, социальные медиа влияют на участие молодёжи в деятельности молодёжных общественных организаций в Казахстане?/ Сіздің ойыңызша, әлеуметтік медиа Қазақстандағы жастардың жастар қоғамдық ұйымдарының қызметіне қатысуына қалай әсер етеді?	
БЛОК 3			
3	Офлайн-гражданское участие молодёжи	1. Как Вы считаете, каков общий уровень участия молодёжи Казахстана в деятельности молодёжных общественных организаций?/ Сіздің ойыңызша, Қазақстан жастарының жастар қоғамдық ұйымдарының қызметіне қатысуының жалпы деңгейі қандай? 2. Какие факторы, на Ваш взгляд, влияют на уровень вовлечённости молодёжи в работу молодёжных общественных организаций?/ Сіздің пікіріңізше, жастардың жастар қоғамдық	

		ұйымдарының жұмысына тартылу деңгейіне қандай факторлар әсер етеді? 3. Насколько активно молодёжные общественные организации в Казахстане используют социальные медиа в своей деятельности?/ Қазақстандағы жастар қоғамдық ұйымдары өз қызметінде әлеуметтік медианы қаншалықты белсенді қолданады? 4. Какие основные функции выполняют социальные медиа для молодёжных общественных организаций (информирование, мобилизация, коммуникация и т.д.)?/ Әлеуметтік медиа жастар қоғамдық ұйымдары үшін қандай негізгі функцияларды атқарады (ақпараттандыру, жұмылдыру, коммуникация және т.б.)? 5. Какова, по Вашему мнению, ключевая цель использования социальных медиа молодёжными общественными организациями? / Сіздің ойыңызша, жастар қоғамдық ұйымдарының әлеуметтік медианы пайдаланудағы негізгі мақсаты қандай?	

Благодарим вас за участие в интервью!
Сұхбатқа қатысқаныңыз үшін алғысымызды білдіреміз!